

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова»

ИСТОРИЯ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Хрестоматия

Магнитогорск
2020

Рецензенты:

кандидат филологических наук,
учитель высшей квалификационной категории,
МАОУ «Многопрофильный лицей № 1» г. Магнитогорска
О.В. Зюлина

кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник Научно-исследовательской словарной
лаборатории НИИ исторической антропологии и филологии,
ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный технический
университет им. Г.И. Носова»
А.А. Осипова

Составители: Франчук О.В., Мишина Л.Н.

История русского литературного языка [Электронный ресурс] : хрестоматия / сост. О.В. Франчук, Л.Н. Мишина ; ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова». – Электрон. текстовые дан. (1,70 Мб). – Магнитогорск : ФГБОУ ВО «МГТУ им. Г.И. Носова», 2020. – 1 электрон. опт. диск (CD-R). – Систем. требования : IBM PC, любой, более 1 GHz ; 512 Мб RAM ; 10 Мб HDD ; MS Windows XP и выше ; Adobe Reader 8.0 и выше ; CD/DVD-ROM дисковод ; мышь. – Загл. с титул. экрана.

ISBN 978-5-9967-1979-2

Учебное издание составлено в соответствии с программами дисциплин «История русского литературного языка» и «История русского языка» и включает темы, предусмотренные Государственным образовательным стандартом высшего профессионального образования и содержит тексты начальных периодов становления русского литературного языка.

Хрестоматия предназначена для практических занятий студентов, обучающихся по направлению подготовки 44.03.05 «Педагогическое образование» (профиль «Русский язык и литература»).

УДК 81.366

ISBN 978-5-9967-1979-2 © сост. Франчук О.В., Мишина Л.Н., 2020
© ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный
технический университет им. Г.И. Носова», 2020

Содержание

ВВЕДЕНИЕ.....	5
1. ВОПРОС О ПРОИСХОЖДЕНИИ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА. 6	
1.1. Шахматов А.А. Происхождение современного русского литературного языка	6
1.2. Истрин В.М. Происхождение древнерусского литературного языка.....	14
1.3. Унбегаун Б.О. О русском литературном языке.....	18
1.4. Обнорский С.П. Происхождение русского литературного языка старейшей поры	25
1.5. Ларин Б.А. О происхождении русского литературного языка.....	28
1.6. Виноградов В.В. О двух типах древнерусского литературного языка.....	31
1.7. Винокур Г.О. Происхождение русского литературного языка	34
1.8. Успенский Б.А. Языковая ситуация как фактор истории русского литературного языка	40
2. ПАМЯТНИКИ ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ КИЕВСКОЙ РУСИ.....	49
2.1. Русская правда	49
2.2. Грамота великого князя Мстислава Владимировича и его сына Всеволода 1130 г.	54
2.3. Грамота Мстислава Давыдовича с Ригию и готским берегом.....	55
2.4. Договорная грамота Александра Ярославича Невского с новгородцами	57
2.5. Договорная грамота Новгорода с великим князем Ярославом Ярославичем (1270).....	58
2.6. Берестяные грамоты.....	59
3. ПАМЯТНИКИ ЦЕРКОВНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ КИЕВСКОЙ РУСИ	61
3.1. Митрополит Иларион. Слово о законе и благодати	61
3.2. Слова и поучения Серапиона Владимирского	63
3.3. Житие Феодосия Печерского	66
3.4. Хождение игумена Даниила.....	69
3.5. Слова и поучения Кирилла Туровского	71
4. ЯЗЫК СВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ КИЕВСКОГО ГОСУДАРСТВА	74
4.1. Поучение Владимира Мономаха	74
4.2. Слово о полку Игореве	78
4.3. Моление Даниила Заточника	85
4.4. Слово о погибели Русской земли.....	88
4.5. Повесть временных лет.....	90
5. КНИЖНОСЛАВЯНСКИЕ ПАМЯТНИКИ ВЕЛИКОРУССКОЙ НАРОДНОСТИ.....	96
5.1. Епифаний Премудрый. Житие Стефана Пермского.....	96

5.2. Сказание о Мамаевом побоище (отрывок)	98
5.3. Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича царя Русьского (отрывок)	100
6. ПАМЯТНИКИ ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА	104
6.1. Грамота Галицкого старосты Бенка 1398 г.	104
6.2. Духовная грамота Московского князя Дмитрия Ивановича до 1378 г. .	104
6.3. Духовная грамота Московского князя Ивана Даниловича Калиты	104
1327 – 1328 г.	104
6.4. Домострой	107
6.5. Стоглав. Соборное уложение 1551 г.	109
6.6. Соборное уложение царя Алексея Михайловича	119
7. НАРОДНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ТИП ЯЗЫКА ЭПОХИ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА	125
7.1. Задонщина	125
7.2. Повесть о Петре и Февронии	133
7.3. Афанасий Никитин. Хождение за три моря	142
8. ПАМЯТНИКИ XVII – XVIII вв.	158
8.1. Житие протопопа Аввакума, им самим написанное	158
8.2. Повесть о Горе-Злочастии	169
8.3. Повесть о Савве Грудцыне	180
8.4. Повесть о Фроле Скобееве	192
8.5. Праздник кабацких ярыжек	200
8.6. Повесть о Шемякином суде	205
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	208

ВВЕДЕНИЕ

Курс «История русского литературного языка» предполагает углублённое изучение вопросов становления, развития, функционирования русского литературного языка, эволюции норм и стилей. Подготовка будущих учителей-филологов предусматривает формирование у них серьёзной историко-лингвистической базы, понимание общих закономерностей развития русского языка, умение грамотно объяснять те или иные языковые факты и соотносить явления русского языка с подобными явлениями других славянских и индоевропейских языков.

Дисциплина «История русского литературного языка» продолжает цикл историко-лингвистических дисциплин, включенных в программу подготовки будущих педагогов-словесников. Данная учебная дисциплина интегрирует и обобщает сведения по истории и отчасти теории литературы, по исторической грамматике русского языка, полученные студентами в процессе освоения ими обозначенных областей научного знания.

Большинство исследователей выделяет три основных периода в истории русского литературного языка: литературный язык донациональной эпохи (X–XVII века); литературный язык эпохи формирования русской нации (конец XVII – первая четверть XIX века); современный русский литературный язык. Источником сведений о формах существования русского литературного языка являются тексты различных стилей и жанров. В данной хрестоматии приводятся тексты, относящиеся к донациональному периоду и частично к начальному периоду складывания русского литературного языка, а также цитируются работы лингвистов, посвящённые проблеме происхождения русского литературного языка. Памятники сопровождаются лингвистическим комментарием, представленным в виде вступительных замечаний к текстам, и ссылками на источник цитирования.

В заключении приводится список источников по истории русского литературного языка и перечень электронных ресурсов, содержащих оцифрованные тексты на старославянском, древнерусском и великорусском языках.

1. ВОПРОС О ПРОИСХОЖДЕНИИ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

1.1. Шахматов А.А. Происхождение современного русского литературного языка

Русский литературный язык представляет явление глубокого культурно-исторического интереса. Едва ли какой другой язык в мире может быть сопоставлен с русским в том сложном историческом процессе, который он пережил. Как увидим ниже, по своему происхождению русский литературный язык – это перенесенный на русскую почву церковнославянский (по происхождению своему древнеболгарский) язык, в течение веков сближавшийся с жимым, народным языком и постепенно утративший в утрачивающий свое иноземное обличие. Употребление в качестве письменного языка чуждого, не народного языка видим в разных местах и различные эпохи жизни человечества; укажем хотя бы на средневековую Европу, письменным языком которой как в романских, так и во всех германских странах была латынь; но эта латынь, бывшая и разговорным языком в известных слоях образованного общества и в духовенстве, хотя и обогащалась, искажаясь вместе с тем так называемыми варваризмами, не могла преобразиться в чуждый язык воспринявшей ее страны вследствие этого в результате процесса индивидуализации общеевропейской культуры в различных местностях средневековой Европы на место латыни выступают постепенно, и притом в сравнительно недавнее время, местные, туземные языки; принимая функцию делового или литературного языка, эти языки пропитываются влиянием своего предшественника – латыни, накладывающей свою печать не только на словоупотреблении, но и на словообразовании и даже словоизменении, но и в основании своем эти языки народные. Другой процесс лежит в основании образования романских языков; вульгарная латынь усваивалась народными массами (преимущественно кельтами) и вытесняла их, исконно им свойственный, язык. С церковнославянским языком в России дело обстояло иначе. По своей близости к русскому он никогда не был так чужд народу, как было чужда особенно германцам латынь; вследствие этого с первых же лет своего существования на русской почве он стал неудержимо ассимилироваться народному языку, ибо говорившие на нем русские люди не могли разграничить в своей речи ни свое произношение, ни свое словоупотребление и словоизменение от усвоенного ими церковного языка. Так, например, с большою уверенностью можно утверждать, что носовые звуки древнеболгарские систематически произносились на Руси как неносовые, ибо нет почти церковнославянских текстов, переписанных русскими людьми, где было бы хоть сколько-нибудь выдержано употребление юсов. Равным образом чуждые русскому языку слоговые *р* и *л* (изображавшиеся в древнеболгарских памятниках как *рѣ*, *рѣ*, *лѣ*, *лѣ*, где – говорю о древнейших – *ѣ* и *ѣ* молги обозначать неслоговые звуки, следовавшие за слоговыми плавными) передавались в русском произношении или соответствующими русскими

звуками ѡр, ѡр, ѡл, или искусственными сочетаниями, содержащими, однако, русские элементы ѡръ, ѡрь, ѡлъ, (церковнослав. мѡлѡба, плѡкъ, грѡдѡ, бръба передавались или соответствующими русскими словами мѡлѡба, плѡкъ, грѡдѡ, бръба, или искусственным произношением: мѡлъѡба, плѡлъкъ, грѡръдѡ, брълъба). То же скажем о передаче церковнославянского ѡ: русские люди заменяли его или своим звуком, дифтонгом (изображавшимся на письме ѡ) или другим своим звуком, звуком ѡ, более близким к древнеболгарскому. Памятники XI в., т.е. первого столетия по принятии Русью христианства, доказывают, что уже тогда произношение церковнославянского языка обрусело, утратило чуждый русскому слуху характер; русские люди обращались, следовательно, уже тогда с церковнославянским языком как со своим достоянием, не считаясь с его болгарским происхождением, не прибегая к инозному учительству для его усвоения и понимания. Можно было бы думать, что церковнославянский язык дошел до русских только путем книжным и усваивался ими только из книг; но некоторые данные свидетельствуют, что первыми нашими учителями были живые носители болгарского языка, сами болгары (ср. сделанные выше замечания относительно передачи древнеболгарских звуков, а также слоговых р, л); однако это первоначальное учительство не возобновлялось в первые века русской письменности: Болгария не переставала снабжать нас книгами, но учителей мы оттуда не выписывали, довольствуясь тою школою русских попов и дьяконов, которая, по свидетельству летописи, была создана еще при Владимире Святом. Впоследствии, но уже гораздо позже, наступили иные условия, при которых Русь, и не только Юго-западная, но также и Северо-восточная, стала принимать к себе и выходцев из болгарских земель, которые становились ее просветителями и духовными руководителями; им удалось в сильной степени обновить южнославянские элементы в книжном языке, уже значительно приблизившемся к народному; обновление шло через посредство церковного языка, на котором прежде всего отразилось новая южнославянская струя. Видоизмененный таким образом книжный язык должен был вновь проделать то, что в старший период уже было в значительной степени достигнуто в смысле приближения к живому языку народному. Обновление церковнославянского языка на Руси и новый фазис в развитии русского книжного языка наступили, однако, не раньше конца XIV в., когда главные центры просвещения, как и самая митрополичья кафедра, оказались уже перенесенными из Юго-западной Руси в Северо-восточную. Не могу проследить здесь ту сложную борьбу, которую повели народные элементы для овладения книжным языком, для вторжения в старшую запретную область духовного просвещения и церковного учительства; создание делового, приказного языка, наиболее доступного влиянию окружающей среды, в сильной степени облегчило победу идее о слиянии книжного языка с народным. Но окончательное торжество этой идеи увидели только XVIII в., осуществилась же она только в XIX; наш книжный язык приблизился к народному весьма значительно, сохранив, однако, и до сих пор свой

инославянский остов. Церковнославянские элементы, которыми пропитан этот язык, не могут быть рассматриваемы как элементы наносные, как заимствования, напротив, это остатки того общего церковнославянского основания, в которое постепенно пробивали себе путь, вытесняя исконные элементы, русские слова, русские формы и звуки.

Если искать сравнения истории образования русского книжного языка с историей образования других книжных языков, то ближайшую аналогию найдем, как кажется, в истории английского языка: она представляется постепенное проникновение французского, франко-романского основания, перенесенного с континента норманскими завоевателями Англии, элементами народными – англосаксонскими.

Таким образом, первой и существенной задачей при анализе современного русского литературного языка, из языка книжного превратившегося в разговорный язык как образованных классов, так и приобщающихся к образованию народных масс, является определить церковнославянские элементы, сохранившиеся в этом языке. Эти элементы в настоящее время окружены русской стихией. Но, как указано, русская стихия пробивалась в книжный язык постепенно и неравномерно: предже всего в книжный язык, уже в XI в. бывший разговорным языком духовенства и книжно-образованных классов (вспомним, например, язык, на котором Владимир Мономах написал свое поучение и свою летопись, приложенную к поучению), вторглись элементы южнорусские, украинские, ибо Киев – центр тогдашней образованности – находился в южнорусской, украинской этнографической среде. Эти древнейшие русские элементы с течением времени стерлись, уступив место другим в Руси Северо-восточный, но некоторые из них устояли и до нашего времени. Таким образом, второй задачей, нам предстоящей, будет определение тех южнорусских (украинских) элементов, которые сохранились в нашем книжном языке при переходе его из Киева в новые центры Руси Северо-восточной.

Перенос церковного управления, переход руководства в области духовной от Киева сначала во Владимир, а потом в Москву, почти совпал по времени с великим и сложным процессом, совершившимся в бассейне Оки и верхнего течения Волги. Здесь столкнулись два больших русских племени: одно из них, севернорусское, проникло сюда в результате колонизационного движения с запада и северо-запада; повидимому, оно застало здесь не одних финнов, но также и славянские поселения, более или менее прочно осевшие по левому побережью верхнего и среднего течения Оки и по верхнему течению Волги; поселения эти принадлежали ляхскому племени, направившему сильную колонизационную струю в северное Поднепровье еще в то время, когда все русское племя сидело южнее в среднем, частью в южном, Поднепровье и в Поднестровье; превосходившее ляхов своей культурой, питавшееся великим путем из варяг в греки, северно-русы покорили их себе и утвердились по крайней мере в верхнем Поволжье, проникая, однако, и в приокские области; вероятно, поволжские и приокские ляхи были бы с течением времени все вообще ассимилированы севернорусам, если бы с юга, из Рязани,

не пошло встречное движение другого русского племени – восточнорусского. Восточнорусы, как можно предполагать, главным образом в виду наличности многочисленных данных, свидетельствующих о значительных русских поселениях на берегу Дона и Азовского моря в период IX – XI вв., попали на Оку в результате движения своего к северу, к которому их вынудили события, разыгравшиеся в X – XI веке в южной России: здесь, в особенности в восточной ее части, произошла смена властителей, хозяев: место культурных, мирно настроенных к покоренным племенам хазар заняли сначала печенеги, воспользовавшиеся теми тяжкими ударами, которые нанес хазарам киевский князь Святослав, а потом могущественные половцы. Земледельческое и культурное население из донских и приазовских степей потянулось в более безопасные местности из донских к северу по Дону и его притокам. Широкой волной нахлынули восточнорусы, которых в Киеве называли вятичами, и на северо-запад и на северо-восток, в местности, уже захваченные другими русскими племенами (южнорусами и севернорусами). На северо-востоке произошла встреча восточнорусов с севернорусами. Ряд культурно-исторических причин, среди которых видное значение принадлежит и государственному началу, заложенному еще в Южной Руси, но проникшему отсюда и во все земли, занятые русским племенем, ряд причин служит объяснением, почему встретившиеся в Поволжье и Поочье севернорусы и восточнорусы были вынуждены к мирному сожительству. Татарское нашествие, отодвинувшее на задний план племенные интересы, местные раздоры и укрепившее как в населении, так и в правящих классах национальное, в особенности же религиозное самосознание, послужило одним из наиболее могущественных факторов при организации и развитии того сожительства, в которое вступили севернорусы и восточнорусы. Следуя инстинктивным стремлениям народных масс, князя Северо-восточной Руси начинают собирать земель. Благоприятное географическое положение Москвы на самой границе севернорусского и восточнорусского племени, на пути из Юго-западной Руси во Владимир, выдвигает ее значение среди других уделов семейства Всеволода Юрьевича, первого собирателя русских земель северо-востока (вспомним его походы на Рязань и удачную политику в отношении к Новгороду). Москва с XIV в. становится не только наиболее видным политическим центром, но также и средоточием церковной жизни, следовательно, и духовно-просветительных интересов. Здесь вокруг великого князя, с одной стороны, митрополита – с другой, группируются книжные и образованные люди: церковнославянский язык находит себе в Москве новый базис и новое поприще для своего развития; новая среда благоприятствует и тому обновлению, которое внесли в конце XIV в. в язык церкви прибывшие в Северо-восточную Русь болгарские и сербские выходцы; редкий слой образованного общества не может оказаться помехой новой южнославянской струе, задержать ее успех и развитие. Но уберечься от влияния все нарастающей этнографической среды церковнославянскому языку в его новом облике можно было только не надолго; в самом непродолжительном времени он наводняется народными элементами, нашедшими себе надежного союзника

в деловом, приказном языке, облакающемся естественно в письменную форму и вырастающем именно в ней и благодаря ей. Спрашивается, какой же именно этнографической среде принадлежали те элементы, которые легли в основание приказного языка и пробилась в книжный церковнославянский язык? Несомненно, что мы имеем перед собой прежде всего и главным образом влияние языка самого города Москвы. Действительно, и между современным языком образованных классов и языком московского простонародья, в особенности в области произношения, различие незначительно. Но совершенно ясно, что жители больших центров, в особенности при их возникновении, при начале их роста, не могут представляться устойчивой и вполне определенной этнографической единицей; большие центры возникают именно вследствие сосредоточения разноместных по происхождению, разнообразных по составу этнографических элементов, объединяющихся новыми возникшими в этих центрах торговыми, культурными, политическими интересами. Все эти элементы приносят в привлечший их к себе центр свой язык, свое наречие; только продолжительное сожительство может повести за собой сближение жителей на почве общего языка, создавшегося в результате смешения, продолжительного и последовательного, различных говоров и наречий. Создается язык, обнимающий сначала ограниченную территорию большого города, но распространяющийся с течением времени на широкое пространство области и даже государства по мере роста культурного и политического влияния этого центра. Распространение нового языка происходит при этом через отдельные единицы, однородные с теми, в которых она сама возникла, т. е. не через села и деревни, а через города и значительные местечки; местные говоры сельского населения могут сохранять свое древнее обличье в ближайшем соседстве, города, создавшего новый язык, а между тем он проникает в отдаленные города и торговые центры, связанные между собою единством культурных или политических интересов. Жители Москвы при начале ее роста принадлежали к разным русским племенам: возможно, что, кроме севернорусов и восточнорусов, здесь, были даже южнорусы, в лице дружинников князей, боярской челяди, торговцев и духовенства; но южнорусы потонули в массе севернорусского и восточнорусского населения, постоянно и неудержимо приливавшего из ближайших к Москве, соседних с нею, местностей; на юге и западе от нее в непосредственном соседстве с городом начинались восточнорусские поселения, на севере и востоке – севернорусские. Ни в XIV, ни в XV в. Москва не могла еще выработать своего языка; в Москве одни говорили по-севернорусски, другие по-восточнорусски, одни окали, другие акали, причем высшие классы употребляли, как кажется, севернорусское наречие: это видно из московских памятников: большинство их в XIV столетии не обнаруживает восточнорусских черт; объясняется такое явление тем, что московская культурная жизнь преемственно была связана с севернорусскими центрами; боярство, духовенство, дьяки потянулись в Москву из Владимира, Ростова, Суздаля, Переславля и других старших городов Северо-восточной Руси. Между тем чернь в значительной части была восточнорусская, что можно заключать из того, что восточнорусы по сравнению с

севернорусами были менее устойчивым, менее оседлым населением; восточнорусы в великом смятении доставали себе земли и места жительства, в то время когда севернорусы в постепенном колонизационном своем движении прочно осели в Поволжье и Поочье. Возможно, что влияние восточнорусской среды на севернорусское население Москвы сказалось очень рано; между прочим именно этому влиянию естественно приписать отсутствие смешения *ч* и *ц* в древнейших московских памятниках; смешение *ч* и *ц*, мне кажется, было чертой общей всему севернорусскому наречию; но она легче, чем всякие другие диалектические особенности, устраняется при встрече севернорусских говоров с другими; этим объясняется то значительное число местностей в севернорусской территории, где смешение *ч* и *ц* неизвестно; по большей части – это торговые селения или селения, лежащие на трактах, иногда уже в настоящее время оставленных, запущенных; общение с прошлым населением, шедшим снизу с южнорусами, восточнорусами, москвичами, имело следствием утрату диалектической черты, самой по себе неустойчивой, ибо рядом со смешением *ч* и *ц* севернорусские говоры представляли замену их одним общим звуком (шепелявым *ц*), или допускали полное вытеснение *ч* через *ц*, или обратное. Любопытным примером их утраты в севернорусских говорах могут служить архангельские и холмогорские говоры; памятники XV и XVI вв. свидетельствуют о том, что в то время смешение их было им не чуждо; отсутствие смешения в настоящее время легче всего объяснить влиянием московского говора, распространявшегося в течение веков по тракту, соединявшему Архангельск с великорусскою столицей. Позже этого частичного влияния одного из говоров, принадлежавших московским жителям, на другой произошло слияние обоих говоров в одно стройное целое. Исследователь московского говора лишен возможности, анализируя цельное в звуковом отношении наречие, определить, который из двух встретившихся в Москве русских говоров лежит в основании его и который внес в это основание свои наносные особенности, – так тесно срослись оба говора, так прочна создавшаяся амальгама. Выясняется, однако, что в московском наречии вокализм, система гласных, по преимуществу восточнорусский, мужде тем как консонантизм, система согласных, по преимуществу севернорусский.

В заключение сделанного мною отступления относительно московского наречия, его состава и происхождения отмечу, что оно оказывается одним из наиболее видных и определенных результатов того этнографического явления, которое характеризуется понятие великорусский (великорусское племя, великорусская культура, великорусское государство); сложное явление это было результатом совместного действия двух этнографических факторов и двух культур – северно-русской и восточнорусской. Оба соответствующие племени, продолжая различаться на окраинах, в центре сблизились между собой и составили одно целое; из этого центра распространились ассимилирующие влияния, приведшие между прочим к тому, что севернорусская и восточно русская языковые территории составили части одной общей языковой территории – великорусской; в области грамматических форм в особенности, но также и в области звуков, оказываются на пространстве всей этой

территории общие явления, доказывающие общность диалектической жизни. Таким образом, в наше время представлению о старых исконных диалектических группах севернорусской и восточнорусской противопоставляется представление о группах южновеликорусской и северновеликорусской.

Московское наречие – это наречие великорусское *par excellence*, его нельзя причислить ни к южновеликорусским, ни к северновеликорусским говорам; это наречие великорусское *par excellence* между прочим и потому, что в сущности оно и послужило, если не началом и не причиной, то главным выражением того слияния в одно великорусское целое, которое стало уделом восточнорусов и севернорусов в их языке. Московское наречие не единственное великорусское наречие; таких наречий много в той широкой полосе переходных говоров, которая образовалась между северновеликорусским и южновеликорусским наречием; их много и в тех местах, куда направлялась Московским государством колонизация (напр. в среднем Поволжье); но ни одно из них не получило того выдающегося общевеликорусского, а затем и общерусского значения, какое выпало на долю наречия города Москвы.

Значение это зависело прежде всего от значения самой Москвы; образовавшимся в нем наречием стали говорить правящие классы, мелкое служебное сословие, танные люди, получавшие вследствие политического положения Москвы влияние во всей вообще великорусской земле. Но значение московского наречия увеличилось еще и оттого, что в Москве наше себе почву и тот книжный, церковнославянский по своему происхождению, язык, о судьбах которого мы говорили выше. Им говорили духовенство и книжные люди, на нем писалось все, что сколько-нибудь возвышалось над уровнем повседневной жизни с ее практическими потребностями. Развитие просвещения в таком центре, как Москва, стало насущно необходимым; а между тем каждый шаг в направлении к такому развитию вел неминуемо за собой приобщение к книжному языку все более широких общественных кругов; а это имело последствием демократизацию книжного языка, проникновение в него живых народных элементов. Московское наречие стало источником жизни для книжного языка и с течением времени всосалось в весь чужеземный его организм, подчинив его звуки и формы своим законам, обогатив его непрерывным притоком новых образований слов, синтаксических оборотов, почерпаемых из самой гущи народной жизни. Московское наречие превратило книжный язык церковнославянский в близкое к себе, в существе тождественное наречие; но наречие это, в силу своего исторического прошлого, на которое наложило неизгладимые следы греко-византийская культура через посредство производной культуры – древнеболгарской, было богаче самого московского наречия, ибо заключало в себе, кроме элементов этого самого наречия, и крепкий остов языка церковнославянского. Богатство книжного языка в соединении с жизненностью, сообщенною ему московским наречием, обеспечило ему перевес не только в книжном употреблении, где он сохранил безраздельное владычество, но и в живом употреблении в качестве разговорной речи образованных классов. Сначала образованные классы говорили

московским наречием, уснащенным теми или другими заимствованиями из книжного языка, но, когда книжный язык проникся сам живыми народными элементами, образованным классам не трудно было перейти к употреблению в живой речи самого книжного языка, которые таким путем демократизировался и обрусевал еще более. Впрочем, различие между книжным языком и разговорным устранено было окончательно еще не скоро: усвоив себе книжный язык как разговорный, образованные классы этим самым не внесли еще единства между обоими языками; до тех пор, пока в образованные классы не проникло сознание, что писать можно на том самом языке, которым говорят, книжный язык продолжал свою отдельную жизнь, питаясь в своей искусственности и архаичности или подражание старым образцам, или следованием авторитету учебников, построенных на произвольных обобщениях и случайном материале. В XVII в. книжный язык уклоняется в стороны под влиянием нахлынувших в Москву представителей юго-западной образованности; возможно, что и на разговорном языке образованных классов отразились в свое время те или другие новшества, проникшие в книжный язык. Только в XVIII в. благодаря Ломоносову книжному языку узаконивается единственный путь развития и совершенствования – это следование за разговорным, слияние с ним, такое слияние укрепляло авторитетность и устойчиваость самому разговорному языку, который, приобретя права книжного языка, облекаясь в письменную форму для выражения высоких мыслей и чувств, этим самым ограждался от подражания языку просторечия и отмежевывался от него. Старый книжный язык замер в отвергнутых и устарелых формах; его признают одно время подходящим для употребления в «высоком штиле»; но просвящение все более демократизируясь, с одной стороны, все более отходя, с другой стороны, от церкви и церковного руководства, приведет скоро к пренебрежению этим высоким штилем, а это будет равносильно угасанию и смерти того книжного языка, который отделился от другого, менее искусственного, более жизненного языка, усвоенного образованными классами в качестве разговорного.

Из предыдущего видно, что наш современный литературный язык, разговорный язык образованных классов, - по происхождению своему древнеболгарский, пересаженный в Россию в качестве церковного языка. На Руси, сначала на юге, в Киеве, потом на северо-востоке, в Москве, он подвергся обрусению, проникся живыми народными элементами и в сильной степени приблизился благодаря этого к наречиям города Москвы; это обстоятельство сделало возможным и необходимым усвоение образованными классами книжного языка в качестве разговорного, что, в свою очередь, повело, во-первых, к еще большему приближению книжного языка к московскому наречию, во-вторых, к полному вытеснению разговорным языком тех остатков книжной речи, которые держались благодаря искусственному отделению литературного стиля от стиля разговорной речи. Таким образом, в настоящее время наш литературный язык должно признать одним из великорусских наречий (московским наречием), обнаруживающим в своем составе, во-первых, свою первоначальную природу (церковнославянизмы), во-вторых, свои

древнейшие судьбы на Руси (южноруссизмы, украинизмы). Следовательно, определив и выделив из нашего литературного языка те и другие элементы, основные (церковнославянизмы) и наносные (украинизмы), мы можем сосредоточить свое исследование на том современном его облике, который определяем как великорусский [Цитирую по: Шахматов, А. А. Очерк современного русского литературного языка : учебник для вузов / А. А. Шахматов ; под редакцией С. П. Обнорского. – Москва : Издательство Юрайт, 2019. – С. 8 – 18].

1.2. Истрин В.М. Происхождение древнерусского литературного языка

На каком языке писали древнерусские книжники свои произведения? Ответ будет тот, что – на книжном литературном. Как и всюду, с появлением письменности на Руси должен был вырабатываться и литературный язык, который основываясь на разговорном народном, постепенно отступал от него, по мере увеличения культурных понятий. История образования литературного языка у каждого народа бывает различна, в зависимости от условий развития самой письменности, и находится в тесной связи с историей последней. И история русского литературного языка зависела точно также от истории самой письменности. Древнерусская письменность не возникла постепенно, из основ, заложенных в самой русской народности, а явилась вдруг, будучи занесена от родственного народа, и сразу стала на ту ступень, которая наблюдается и столетиями позже. С введением христианства внесена была на Русь почти вся болгарская литература, явившаяся столетием раньше, и она легла в основание самостоятельной русской письменности. В связи с этим, и в основание русского книжного литературного языка лег литературный болгарский язык, который стал под пером русского книжника подвергаться тем или другим видоизменениям. Понятно, что книжный, письменный литературный язык находился в тесной связи с разговорным языком тех же книжных людей: новые понятия требовали новых слов не только на письме, но и в устах. <...>

Хотя русские приняли письменность и литературный язык уже готовыми, но и письменность и язык продолжали развиваться и на Руси тем же путем, при тех же частию условиях, как и на месте своего возникновения, с тем, конечно, различием, что история русской письменности и русского литературного языка представляет собою вторую ступень, имеющую именно вследствие этого, свои уже особенности. <...> Русские книжники попали в условия более благоприятные, так как они пользовались уже приобретенными результатами и могли воспринимать новый язык уже почти готовым. Вследствие этого, и можно говорить о церковно-славянском литературном языке, общем и для болгар и для русских. <...> так, для имени «священник» (греч. *πρεσβυτερος* – старейшина) употреблялись термины – «иерей, пресвитер, поп, чиститель, священник, молитвенник, молебник»; *πρεσβυτερος* передавалось или через «порода» или чрез «рай». Вместе с техническими словами должны были являться и другие слова, выражающие отвлеченные понятия, напр. в молитвах, которым обучались новые христиане пока изустно. <...>

Но вот в конце 10-го века вместе с христианством пришла на Русь и письменность. Первыми насадителями славянской письменности, а вместе с тем и первыми учителями было болгарское духовенство, которое принесло с собою имевшуюся у него литературу и, прежде всего, - церковно-богослужебные книги. <...> При посредстве церкви книжный язык, который был прежде всего, языком церковным, проникал и в уста народа, привыкавшего к употреблению слов в болгарской оболочке. С другой стороны, и книжный болгарский язык под пером первых же русских книжников стал воспринимать черты языка русского. До времени Ярослава, книжный церковнославянский литературный язык, надо думать, сравнительно мало подвигался вперед, так как русские книжники еще не проявляли своей деятельности на поприще литературы и не были еще принуждены к необходимости вступить на путь изобретений или, по крайней мере, на путь наибольшего подражания. <...> К княжению Ярослава т. е. к половине 11-го века относится новый период русской литературы и, следовательно, литературного языка. Этот период характеризуется переводами целого ряда греческих произведений, сделанными уже на Руси русскими книжными людьми, а частью, может быть, обрусевшими болгарскими. В 1037г. была учреждена на Руси митрополия, прибыл греческий митрополит, а с ним вместе и целый греческий клир, который привез с собой собрание книг, отсутствовавших у русских. <...>

Русские книжники, читая болгарские книги, те звуки, которые отличались от русских, произносили по своему: так древнеболгарские носовые звуки они произносили без носового призвука, именно вместо **ѣ** произносили у, вместо **ѡ** произносили а и другие. Но в то же время на письме продолжали оставаться и старые начертания: они становились традиционными, никого не смущали и не вносили никакой путаницы. Точно также и в области морфологии некоторые особые болгарские формы заменялись русскими формами, как, напр., болгарская форма, род. ед. «**дѣвѣцѣ**» заменялась формой «**дѣвѣцѣ**», но могла и оставаться. Но, напр., поти совсем не находили нужным заменять слова с сочетаниями ра, ла, рь, ль русскими «полногласными» сочетаниями оро, оло, ере, ело, как «власть», «страна», «время» и т. п. Слова с такими сочетаниями проникали и в разговорный язык, где стали употребляться рядом с соответствующими русскими полногласными формами, иногда в том же самом значении, иногда – с специфическим оттенком. <...>

Главная масса слов бралась первыми переводчиками и их ближайшими учениками из того разговорного языка, который, будучи в употреблении у просвещенных людей того времени – горожан, духовенства, военных, носил уже первоначальный вид языка книжного; ему недоставало лишь большей грамматической правильности и устойчивости. <...> Теперь нет возможности разграничить в языке древнеболгарской письменности чисто народную от запаса, бывшего в устах образованных людей. <...> Наибольшую трудность представляли слова, выражающие отвлеченные понятия, которых особенно много было в сочинениях догматических и толковательных и в церковных песнопениях, и здесь первым устроителям литературного книжного языка приходилось проявлять большую изобретательность. Но словарь славянского

языка, как сказано, оказался достаточно обширным, так что непреодолимых препятствий для передачи чуждых понятий на своем языке не оказалось. При этом некоторые особенности греческого языка оказывали влияние на увеличение состава слов: так, напр., в греческом языке существовало большое количество сложных слов, в противоположность славянскому языку, которому сложные слова в общем несвойственны. <...>

Так образовавшийся книжный язык, на котором учились, читали и писали древнеболгарские книжники, в конце 10-го века вместе с последними перешел на Русь, в Киев, и с этого время начинается история «русского» книжного литературного языка. Так как с этого времени книжный славянский язык стал жить у трех народностей – у болгар, у русских и у сербов, - где в области фонетики и морфологии воспринимал свои местные особенности, то образовались три вида или три редакции его; так как употребление этого языка во всех этих странах было преимущественно церковное, то в ученой литературе он и получил название языка «церковнославянского» в трех его редакциях – болгарской, русской и сербской. Этот церковно-славянский язык, ставши литературным языком у трех народностей, отличался от того, который в ученой литературе называется языком «старославянским» и на котором написаны древнейшие памятники славянского языка, без примеси черт русских, сербских и поздних болгарских.<...>

Церковно-славянский книжный литературный язык, пошедший от языка древнеболгарского, будучи принят русскими книжниками, до известной степени продолжал развиваться, пока не дожил до того вида, какой он имеет в настоящее время. В своей истории он постоянно совершенствовался и видоизменялся, увеличиваясь в своем объеме в зависимости от развития культурной жизни и постоянно преобразуясь. В то время, как, напр., слово «изящен» сохранило свое значение от Симеоновского периода до нашего времени, слово «напасен» в древнейшее время употреблялось только в значении «неожиданный». Наряду с этим, происходило и исчезновение многих слов, употреблявшихся в 11-12 вв. Помимо исчезновения таких слов, которые обозначали предметы, также с течением времени исчезнувшие, в роде напр. слова «капытце» (род особой обуви), исчезали из литературного употребления и названия вещей, в употреблении остающихся, напр., довольно обычное для 11-12 вв. слово «грамотица» (письмо, послание, сочинение). Так как на Руси в 11-12 вв. древнеболгарский литературный язык переживал эпоху своего преобразования в «русский» литературный язык, когда русским книжникам нередко приходилось и самим находить способы для передачи новых понятий, и так как немалая часть памятников той эпохи не сохранилась (свидетельства об их существовании имеются), то некоторые слова в древнерусских памятниках встречаются лишь в единичном употреблении, и у нас нет пока возможности определить, насколько иное слово, известное пока только из одного памятника, было в ту эпоху в общелитературном употреблении. <...>

Итак, книжный литературный язык, язык высшего слоя общества, образовался в Киеве и был соединением разговорного языка киевского городского населения и языка письменного, принесенного из Болгарии. Из

киева этот язык разносился и по всем другим местам тогдашней Руси, где только возникал какой-либо административный центр и где только являлось духовенство, вводившее христианство и распространявшее письменность. Примеров таких провинциальных разновидностей общелитературного языка мы также не имеем и говорить о них можем, исходя лишь из теоретических соображений, подкрепленных историческими фактами. Киевские князья посылали по городам или своих сыновей или посадников, приводивших с собой и дружину, а Киевская духовная власть наделяла те же города высшим и низшим духовенством, приносившим с собой разнообразного содержания книги. <...>

С возвышением Москвы, как политического и литературного центра, с конца 14-го века начинается новый период древнерусского литературного языка, дошедшего путем постоянных видоизменений и до нашего времени.

На юге же, в Киевской области, история литературного языка с 13-го века пошла иным путем, в зависимости от исторического хода вещей. Сначала юг, а потом и запад стали жить отдельной самостоятельной жизнью, и, вместе с тем, с это же времени стали уже ясно обнаруживаться признаки существования трех русских народностей – великорусской, малорусской и белорусской. В языке памятником западнорусского происхождения стали обнаруживаться особенности, отличавшие их от памятников, писанных на северо-востоке, во Владимиро-Ростово-Суздальской земле. В этот период стал образовываться там свой особый литературный книжный язык, который мог бы называться языком белорусско-малорусским. С 13-го века, как известно, стало образовываться Литовское государство, которое подчинило себе прежде всего, западнорусские области, превратившись в государство Литовско-русское, где руководящую роль стали играть, однако, побежденные русские люди, язык которых сделался официальным, а следовательно, и литературным языком. Вскоре в состав Литовско-русского государства вошли земли южнорусские, как Киевская, Черниговская и др., а также и часть земель Галицких. В то же время происходило сближение Литовско-русского государства с Польшей, уже раньше начавшей оказывать влияние на Галицию. Таким образом, получились четыре элемента, из которых стал слагаться особый здешний литературный язык: 1) старый церковно-славянский, 2) белорусский народный, 3) малорусский народный, 4) польский. В памятниках, писанных в западнорусских областях, преобладали белорусизмы, а в писанных в южных и югозападных – малорусизмы. Но благодаря общей жизни тем и других областей, литературный язык тех и других в 14-17 вв. был почти один и тот же. В 14-16 вв. первенствующее положение занимали западнорусские области, и центром культурно-просветительной деятельности была Вильна, а с начала 17-го в. эта роль опять перешла к Киеву. Соответственно этому, и литературный язык по своему облику был то более белорусским, то более малорусским. Но по старой традиции и в западнорусских областях с Вильной во главе и в южных и югозападных областях с киевом и Львом деловой и литературный язык назывался просто «русским». Таким образом 14-17 вв. существовало одновременно уже три «русских» языка: 1) в Московском государстве, 2) в

собственно Литовско-русском государстве т. е. в западнорусских областях (Белоруссии) и 3) в малорусских землях, вошедших частью в Литовско-русское государство, частью – в Польское [Цитирую по: Истрин В.М. Очерк истории древнерусской литературы домосковского периода: (11-13 вв.). Петроград : Наука и школа, 1922. – С. 65 – 84. <http://e-heritage.ru/ras/view/publication/general.html?id=53085843>].

1.3. Унбегаун Б.О. О русском литературном языке

Первым письменным языком, который выучили русские, был не их родной язык, а так называемый старославянский, принесенный им как церковный язык, когда они были обращены в христианство в самом конце десятого века. Первоначально этот старославянский язык был малоизвестным македонским диалектом болгарского типа, на котором говорили славянские крестьяне и пастухи на окраине великого греческого города Салоники. Однако ему неожиданно повезло: его знали и говорили два грека, уроженцы Салоник, два брата, один - ученый теолог и лингвист, другой - монах и бывший высокий администратор Византийской империи. Позже два брата были канонизированы и теперь известны как святые Кирилл и Мефодий. С помощью своего родного греческого языка, им удалось возвысить македонский жаргон Салоники до достоинства первой славянской письменности, даже более того - до статуса полноценного литургического языка. Свидетельство о рождении этого языка датировано 863 годом. Фонетически и морфологически он был чисто славянским, но по синтаксису, принципам словообразования и лексике он находился под сильным влиянием византийского греческого языка.

Этот старославянский язык был завезен в Киев и Новгород как церковный язык в конце X века. В то время неделимый общеславянский язык, существовавший еще в середине первого тысячелетия нашей эры, уже был разделен на отдельные славянские языки, но молодые отпрыски еще были настолько близки друг к другу, что старославянский язык мог быть принят. и без труда понимается как восточными, так и южными и западными славянами. Повсюду это приветствовалось как форма местного народного языка, но носила более высокий и священный характер. Нигде не было необходимости переводить это на местный язык.

Вполне естественно, что в средние века язык церкви стал языком теологии, философии, науки и литературы (почти исключительно религиозной), короче говоря, «литературным языком» в широком смысле этого слова. И всем этим старославянский язык стал и в Древней Руси, и в других славянских православных странах. Очевидна аналогия с латынью в странах Западной и Центральной Европы. Однако есть несколько характерных отличий.

Во-первых, старославянский язык был настолько близок к местному языку, как в Киеве, так и в Новгороде, двух главных культурных центрах XI и XII веков, что его можно было без труда понять, по крайней мере, в его более простых употреблениях, как, например, в церковных службах. Подобная близость к местной идиоме неизбежно подвергала старославянскому языку

определенному влиянию местного языка, что происходило и в других православных славянских странах. Этот более поздний и слегка загрязненный тип старославянского языка принято называть церковнославянским. Старославянский язык перестал быть «старым». По сравнению с тем, чем этот церковнославянский язык был знаком в России, латынь была совершенно экзотикой для английского или немецкого читателя. Для француза того же периода это было не более понятно.

Во-вторых, латынь стала языком церкви, потому что она уже долгое время существовала как язык цивилизации в западном мире. В России же, наоборот, старославянский язык стал языком цивилизации, потому что он уже был языком церкви. Это должно в определенной степени объяснить в высшей степени религиозный характер древнерусской литературы.

В-третьих, латынь покрывала все потребности языка цивилизации. К функциям, которые принимал на себя церковнославянский язык как язык церкви, теологии, философии, науки и литературы, средневековая латынь добавляла также функции языка закона и управления - естественного наследия Римской империи.

В этом заключается принципиальное отличие российской практики от практики западного мира. С самого начала право и все, что с ним было связано - торговые операции, дипломатические отношения и, конечно же, все управление - княжеское, муниципальное и частное - оставалось за пределами церковнославянского языка. Эти вопросы велись исключительно на местном языке. Этот парадокс можно удовлетворительно объяснить предполагаемым существованием в языческий период устного обычного права. Когда русские вследствие крещения получили старославянский алфавит и впервые смогли записать свой закон письменно, они сделали это в единственной форме, в которой этот закон был им знаком - в просторечный.

Таким образом, русские с самого начала владели двумя письменными языками. Один, импортированный церковнославянский язык, использовался для высших целей - для выражения религиозных, этических, философских, научных и эстетических ценностей. Другой, просторечный, использовался в практических целях как язык права и управления. Церковнославянский язык был литературным языком в широком смысле слова. Он не использовался в речи, но был понятен при чтении или прослушивании. В принципе, это был мертвый язык, но он мог впитать некоторые элементы разговорного русского языка. Другой, административная среда, был нелитературным языком. Это была живая идиома, основанная на просторечии. Такая дихотомия была свойственна России, где она просуществовала до восемнадцатого века и оставила неизгладимый отпечаток на современном стандартном русском языке.

Сосуществование двух разных, хотя и тесно связанных языков, и я подчеркиваю - ЯЗЫКОВ, а не СТИЛЕЙ - с разными функциями, было чем-то совершенно неизвестным для всего западного мира, включая Польшу и Богемию. Кажется, что в западном мире литературное качество народного текста вначале определялось тем, что он был написан стихами. Только стих удостоился чести драгоценного пергамента, что полностью согласуется с

аристотелевским принципом первенства поэзии. Использование разговорного языка как в литературной прозе, так и в административных целях пришло намного позже.

Здесь российская практика расходится с практикой западного мира: средневековая русская литература - это вся проза. Выученная поэзия появляется в семнадцатом веке под западным, то есть украинским, белорусским и польским стимулом, и до сих пор написана на церковнославянском языке украинскими и белорусскими поэтами, поселившимися в Москве. Его переключили на русский трек в тридцатых годах восемнадцатого века, в то время, когда польское, а затем и немецкое влияние было еще ощутимо. Связи с русской устной народной поэзией не обнаруживается.

Уже указывалось, что лингвистическая дихотомия русского языка не имеет аналогов ни в одной стране западного мира. Было показано, что отношение церковнославянского языка к русскому имеет совершенно иной характер, чем отношение латыни к различным европейским языкам. И все же не так сложно найти аналогии в дальнейшем развитии как латинского, так и церковнославянского языков. Оба языка были мертвыми языками. Их обычное употребление было письменным, хотя иногда на них можно было говорить, но только посвященными в науку, и обычно в отношении довольно высоких предметов. В этом отношении латынь использовалась чаще, чем церковнославянский. Как мертвые языки, используемые живыми людьми, они со временем неизбежно испортились, церковнославянский быстрее, чем латынь, из-за его опасной близости к разговорной речи. На обоих языках были реакции против такого ухудшения. Есть только один способ спасти отклонившийся мертвый язык - вернуть его к первоначальной чистоте.

В России попытка в этом направлении была предпринята в пятнадцатом веке с помощью сербских и болгарских ученых, бежавших в Москву до того, как победоносная турецкая армия вторглась в их страны. Не только было остановлено ухудшение, и была восстановлена правильная церковнославянская орфография и морфология, но и синтаксис и фразеология стали более гибкими, а словарный запас более чем удвоился в соответствии с традиционными линиями образования. Цена, которую пришлось заплатить за эту реконструкцию, была высокой, но не чрезмерной: возрожденный церковнославянский язык значительно отошел как от нелитературного административного языка, так и от разговорной идиомы.

Здесь снова приходит на ум другая аналогия из западного мира: ощущение постоянства латинского языка в отличие от постоянно меняющейся природы разговорного языка. Сколько философской и научной литературы шестнадцатого и семнадцатого веков было написано на латыни, потому что латынь считалась вечным средством обучения? Как ни странно, даже писатели на просторечии сомневались в его долговечности. Возможно, неудивительно, что Эдмунд Уоллер, гибкий по характеру и стихам, думал в середине семнадцатого века, что выражать себя на английском - значит писать на песке. Что еще более неожиданно, Монтень сожалел о том, что составил свои «Эссе» на французском языке, а не на более постоянной латыни. Таких

однозначных заявлений не найти в Древней Руси, вероятно, просто потому, что сама идея писать на местном языке показалась бы абсурдной. Но верность древнерусского писателя церковнославянскому языку, несомненно, во многом обязана ощущению его постоянства, так похожему на чувство западного писателя к латыни.

Еще одним преимуществом латыни было ее единообразие по сравнению с диалектным или местным разнообразием письменного наречия. Это особенно заметно в Англии и Германии, в меньшей степени во Франции, из-за раннего принятия франсьенского диалекта Иль-де-Франс в качестве национального языка. В частности, в Германии разделение страны на территории после смерти Генриха VI (1197 г.) привело к появлению ряда «Literaturdialekte».

В России тоже было бы излишне оптимистично говорить о русском языке без местной квалификации. В канцелярском нелитературном языке действительно можно найти различные местные традиции: центральная традиция, московская, северная, новгородская и его обширные зависимости; западный, маленький Псков, но культурно важный; Юго-Восточный, Рязанский, недолговечный и менее значимый в культурном отношении. В шестнадцатом веке все они начали поглощаться восходящей центральной традицией, московским обиходом, но даже в семнадцатом веке этот процесс не был полностью завершен. Этому диалектному разнообразию канцелярского языка противостоял неизменный в пространстве и времени монолит церковнославянского литературного, но доступный даже для непосвященных.

Однако монополия церковнославянского языка как единственного литературного языка имела и свою отрицательную сторону. К середине XVII века канцелярский язык приобрел значительную широту и гибкость. Но ему не хватало изящества, которое только литературное употребление может придать письменному наречию. Такая изысканность была привилегией церковнославянского языка, а не русского.

Короче говоря: России не хватало и Вильяма Тиндейла, и Мартина Лютера. Не имея Тиндейла, в нем не было Библии короля Иакова, одна треть которой сформулирована в точности так, как оставил ее Тиндейл. И в Англии, и в Германии перевод Библии на местные языки имел решающее значение для создания универсального языка прозы. Мало того, что в России ничего подобного не происходило, но и сам принцип перевода Лютера «*ich rede nach der sächsischen Kanzlei*» ужаснул бы набожных москвичей, считая его полным еретическим. Церковнославянская Библия (как Новый, так и Ветхий Завет) была переведена на стандартный русский язык только в начале XIX века и, как ни странно, под эгидой Британского и зарубежного библейского общества. Этот перевод остался незамеченным и никак не повлиял на русский литературный язык, уже воплощенный в шедеврах Пушкина. Русская Православная Церковь отказалась принять этот перевод и до сих пор придерживается Священного Писания в его церковнославянской версии.

Сила церковнославянского языка как литературного языка России заключалась в том, что он был языком Православной Церкви, и Православная

Церковь пронизывала всю духовную и интеллектуальную жизнь средневековой и Московской Руси. Было вполне естественно, что язык Церкви продолжал служить средством для этой религиозно ориентированной и в некотором роде тоталитарной цивилизации. Один казался созданным для другого. В конце семнадцатого века этот московский тип цивилизации был потрясен до основания все возрастающим давлением западного образа жизни и мысли. Окончательно он рухнул в восемнадцатом веке. Так родилась европеизированная Россия.

Были все основания ожидать параллельного распада московской культурной среды - церковнославянского литературного языка. Возможность казалась под рукой, когда, следуя великому примеру остальной Европы, Россия, наконец, прочно утвердит свой универсальный язык на просторечии. Как ни странно, ничего подобного не произошло. В общем культурном потрясении структура литературного церковнославянского языка удивительно прочна. Конечно, он приспособился к новой ситуации, удалив немного мертвой древесины в морфологии. Были отброшены три архаические вербальные парадигмы прошедшего времени. Они были сильно запутаны еще в семнадцатом веке. Несколько устаревших падежных окончаний, которые церковнославянские разделяли с древнерусскими, были заменены их более современными русскими эквивалентами. Были включены два новых окончания именительного падежа множественного числа. В целом же изменение склонения коснулось менее полудюжины концовок.

Однако величайшей и самой роковой уступкой просторечию было поглощение нелитературного административного русского языка и разговорной речи литературным церковнославянским. Этот процесс интеграции занял около ста лет, после чего два отдельных письменных языка Московской России возникли в середине восемнадцатого века как единый универсальный литературный язык Императорской России. Он остался без изменений.

Церковнославянский язык, конечно, с самого начала произносился порусски, почти так же, как латынь произносилась и до сих пор произносится в полдюжине разновидностей по всему европейскому континенту. Когда двадцать лет назад, с моим русским, то есть немецким, привычкой к латыни, я имел на моей первой Энкаиени в Оксфорде возможность насладиться латынью лорда Галифакса (тогдашнего ректора университета) латыни, я знал, что это латынь, потому что я вдруг перестал понимать его речь на английском. Так должно было быть с церковнославянским языком в России, и это было неизбежно и естественно.

Морфология церковнославянского языка, столь похожая на морфологию русского, окончательно адаптировалась к нему в конце XVII века. Некоторые острова, однако, остались церковнославянскими, как, например, вся причастная система и некоторые склонительные окончания, в основном в родительном падеже, единственном и множественном числе. Все остальное - синтаксис, приобретенная лексика и средства для ее расширения - широкий набор суффиксов остался церковнославянским, живым механизмом, который все еще производит новые церковнославянские слова и выражения. Важно то, что

преемственность не нарушалась, старая и испытанная церковнославянская структура оставалась неизменной. Лингвистической революции не было. Но церковнославянская структура теперь могла впитать столько русского материала, сколько могла вместить - русского обоих типов:

Когда позже, в восемнадцатом веке, новый литературный русский язык был наводнен немецкими и французскими «кальками», они обычно переводились на церковнославянский, а не на исконный русский язык. Такое русское слово, как «равновесие», является церковнославянским кальком немецкого «*Gleichgewicht*» (калька латинского «равновесие»), а русское выражение «влачит жалкое существование» - это дословный перевод церковнославянского языка. Французский «тренер нелегкого существования».

Интеграция разговорного языка в церковнославянский язык привела к двухмерной конструкции. Русский писатель был теперь волен давать своему произведению предвзятость по своему выбору - либо церковнославянский уклон, либо русский. Выбор касался, в основном, словарного запаса, но некоторые варианты были возможны даже в синтаксисе и морфологии. Огромная масса нейтральных слов и форм, общих для церковнославянского и русского языков, естественно тяготела к той или иной стороне - по выбору автора. Это была деликатная и часто подсознательная операция.

Оригинальность русского решения может быть полностью оценена только по сравнению с языками, которые изначально находились в тех же языковых условиях, что и русский, но вышли из церковнославянских рамок и построили свой универсальный стандарт на просторечии. Такие языки существуют, это два других восточнославянских языка: стандартный украинский и стандартный белорусский. По сравнению со стандартным русским, это, так сказать, одномерные языки.

Если не обращать внимания на многочисленные заимствования, можно увидеть, что русский абстрактный, заученный и образный словарь (именно тот, который маркирует идиому как язык цивилизации) продолжает развиваться в основном по традиционным линиям церковнославянского происхождения. Естественно, к нему присоединилась и административная территория, которая в древней Руси была исключительной привилегией местного населения. В общем, чем более абстрактный, или заученный, или метафорический, или церемониальный контекст, тем более вероятно его выражение в церковнославянских элементах. Например, газета «Правда» обычно описывает посадку советских космонавтов на безупречном модернизированном церковнославянском языке.

Самым очевидным завоеванием просторечия в церковнославянской крепости стало его использование в художественной литературе, которую русские называют «беллетристикой», «беллетристикой». В древнерусской литературе не было проблем с использованием церковнославянского языка в основном в морализаторской или повествовательной прозе. Современный русский писатель, особенно в диалоге, старается уйти от явно церковнославянской основы, чаще всего используя лексику, общую как для

церковнославянского, так и для русского языков. Тонкий вопрос дозировки остается на его умение. Возможно, хотя и довольно сложно, написать полстраницы без церковнославянского слова, и такие полстраницы существуют, например, как простые диалоги между простыми людьми. Некоторые русские писатели пошли дальше, придумав новые слова по чисто русскому образцу, или даже заимствовав слова из диалектов, обычно через диалектные словари. Чаще всего это был лингвистический успех, но художественный провал. Самый свежий пример - Солженицын.

Неуклонное развитие современного стандартного русского языка из церковнославянского дало ему несколько привилегий, которых не знают западные языки. Его литературное, невернакальное происхождение сохранило стандартный русский язык из местных разновидностей, «Literaturdialekte», который долгое время преследовал немецкую территорию. Немецкая «Hochsprache» окончательно избавилась от них, но не раньше восемнадцатого века, когда сначала Императорская канцелярия Вены, а затем швейцарская кальвинистская церковь переняли слегка измененную восточно-центральнонемецкую модель Лютера. Но даже в этом случае небольшая прогулка по улицам Франкфурта, Вены и Цюриха может посеять семена сомнений относительно завершения работы Лютера. К концу восемнадцатого века универсальный письменный русский язык также был принят образованным обществом в качестве устного стандарта. процесс, общий для всей Европы. В Англии, кстати, произошло почти одновременно с появлением в России. Это было еще одно завоевание церковнославянского языка, которое спасло разговорный русский язык от местного колорита, столь характерного для разговорного образованного немецкого, итальянского и даже французского языков.

Конечно, разговорный язык, который конкретизировал церковнославянский каркас, имел свою диалектную основу: это, как и следовало ожидать, центральный - диалект Москвы - столицы, поскольку диалектной основой французского языка был диалект Парижа, и английский, диалект Лондона. Однако диалектное происхождение стандартного русского языка вторично по сравнению с его церковнославянской генеалогией, которая была изначальной. И здесь развитие России разительно отличается от развития западного мира. В современном стандартном английском, основанном на традиции Восточного Мидленда, есть ряд слов, произношение которых выдает их происхождение не из Мидленда: например, «left» (в противоположность правому) и «bug» - это кентийский, «one» и «vixen». - южные, а « рейд » - северные. Стандартное русское произношение повсюду московское, но не обязательно неизменным, просто потому, что в письменной речи не было литературной традиции. Возможно, только два слова могут указывать на северное происхождение из-за их начальных «ц»; вместо ожидаемого «ч»: «чапля» (цапля) и «цеп» (цепочка). В речи образованных людей не обнаруживается ни единого вокального отклонения от московского образца.

И здесь выступает современный стандартный русский язык, натурализованный инопланетянин с непрерывной девятисотлетней традицией,

сначала как церковный язык, затем как литературный язык и, наконец, как универсальный стандарт и устная идиома образованных людей. Такое развитие событий уникально для славянского мира. Он не имеет аналогов среди языков Европы [Унбегаун Б.О. О русском литературном языке <https://oboguev.livejournal.com/613914.html>]

1.4. Обнорский С.П. Происхождение русского литературного языка старейшей поры

Происхождение русского литературного языка является центральной проблемой истории русского языка. Еще сто лет назад по этому вопросу высказался И.И. Срезневский, никак специально не аргументируя своего взгляда, и этот взгляд как-то сразу вошел в научный обиход и сохранился в нем до нашего времени. По мнению Срезневского, наш русский литературный язык в своем зарождении был не русским языком, а церковнославянским (древнеболгарским), пришедшим к нам, в связи с принятием христианства, в богатой церковно-богослужебной и иной церковно-религиозной книжности, представлявшей собой перевод с греческого языка на болгарский. Считается, что этот пришлый, книжного типа язык сразу оказался у нас с правами и в роли нашего литературного языка. Для объяснения этого явления Срезневский неоднократно подчеркивается, что именно церковнославянский язык по сравнению с иными славянскими языками был особенно близок к русскому языку. «Всего было легче утверждение старославянского наречия в русской письменности, - читаем мы в «Мыслях об истории русского языка и других славянских наречий» И.И. Срезневского (стр. 76), - потому что русский язык к старославянскому наречию был гораздо ближе всех других наречий славянских и по составу и по строю». В настоящее время это положение для нас, конечно, не может служить аргументов. Все славянские языки в старую пору (в IX – X вв.) были относительно близки друг к другу, каждый вместе с тем характеризуясь совокупностью своих черт применительно ко всем сторонам языка. Вместе с тем именно старославянский язык, как книжный язык, сложившийся на основе переводов, язык жанрово ограниченный, должен был представляться языком далеким в отношении к любому иному живому славянскому языку, в том числе и к языку русскому. Таким образом, с точки зрения высказанного положения о том, что русский литературный язык в своем происхождении был церковнославянским языком, вся дальнейшая его история должна была представляться как длительный процесс постепенного и непрерывного проникновения в его элементы собственно русского языка. Этот общий взгляд на происхождение русского литературного языка стал на последующие десятки лет стереотипным. Он, между прочим, был повторен и крупнейшим современным представителем науки русского языка – академиком А.А. Шахматовым. Должно, однако, заметить, что Шахматов специально проблемами истории русского литературного языка не интересовался и не занимался. Но в лекционном своем курсе современного русского литературного языка, читанном в 1911 г. в Петербургском университете, он в своем введении к

курсу должен был коснуться вопроса об образовании русского литературного языка и изложил его в согласии с обычными представлениями своего времени.

Приведенный взгляд на происхождение русского литературного языка, как будто не противоречащий общему представлению исторической обстановки прошлого, мог существовать в старую пору, когда не было четкого, научно расчлененного понятия старославянского языка, с одной стороны, и русского литературного языка старшего периода – с другой. Насколько соотносительно эти понятия были туманными в старой науке русского языка, видно, например, из следующей цитаты из «Мыслей» И.И. Срезневского: «До XIII в. язык собственно книжный (т. е. литературный язык) – язык произведений духовных, язык летописей и язык администрации – был один и тот же, до того, что и Слово Луки Жидяты, и Поучение Илариона, и Русскую правду, и Духовную Мономаха, и Слово Даниила Заточника, и Слово о полку Игореве, и Грамоту Мстислава некоторые позволяли себе считать написанными одинаково на наречии не русском, а церковнославянском» (стр. 77). Понятно, что высказанный взгляд на происхождение русского литературного языка с непосредственным обращением к исследованию собственно литературных памятников старой поры не мог не столкнуться с противоречивым материалом, шедшим от самих памятников.

Десять лет назад, в работе над исследованием языка Русской правды (в так называемой пространной редакции), в исчерпывающем анализе языкового материала памятника, мне пришлось столкнуться с фактом полного отсутствия в тексте Правды церковнославянских наслоений. Этот факт был известен А.А. Шахматову и Е.Ф. Карскому (издателю текста Правды по старейшему – Синодальному списку 1282 г.) и остался ими непонятным. Однако Русская правда – памятник слишком большого значения в разных отношениях; неизмеримо его значение и как источника русского литературного языка старшей поры. Данные его языка говорят о многом. Поэтому в работе над языком Русской правды, на вопрос о том, на каком языке она была написана, не мог не последовать один ответ – что это был русский язык, русский литературный язык старшей поры.

Анализ языка Русской правды позволили облечь в плоть и кровь понятие этого литературного русского языка старшего периода. Его существенные черты – близость к разговорной стихии речи и полное отсутствие следов взаимодействия с болгарско-византийской культурой.

Отсюда естественно напрашивался вывод о русской основе нашего литературного языка, а соответственно – о позднейшем столкновении с ним церковнославянского языка и вторичности процесса проникновения в него церковнославянских элементов. Это положение, выросшее на основе данных, представляемых Русской правдой, нуждалось в подкреплении на материале иных старейших русских литературных памятников. С этой целью в «Очерках по истории русского литературного языка старшего периода» (М., 1946) мы подвергли тщательному изучению язык основных наших ценнейших памятников, важнейших источников русского литературного языка старшей

поры, а именно: сочинений Владимира Мономаха, Моления Даниила Заточника, Слова о полку Игореве, Русской правды (в краткой ее редакции).

Анализ всех исследованных памятников показывает, что язык их один и тот же – общий русский литературный язык старшей поры. Сила единого содержания языка всех этих памятников становится особенно значительной, если принять во внимание, что исследованные памятники охватывают относительно широкий отрезок времени – около двух столетий (от начала XI по конец XII в.), принадлежат по своему происхождению к разным пунктам русской территории – и северу, и югу, и средней Руси – и, наконец, являются литературными произведениями, разными по жанру. Можно отметить общие признаки этого, старейшей поры, русского литературного языка. Основной и важнейшей чертой его является общий русский облик, дающий себя знать во всех сторонах языка (и в звуковой стороне, и в морфологии, а особенно в синтаксисе и лексике). Второй общей его чертой служит относительно архаический тип языка, понятный сам по себе ввиду того, что памятники принадлежат к старейшей поре (XI-XII вв.). Наконец, третьей, также замечательно особенностью языка, является очень слабая доля церковнославянского воздействия на него. Замечательно при этом, что незначительная сама по себе доля церковнославянского влияния, по свидетельству непосредственных памятников, колеблется в зависимости от жанра памятника, а так же от времени его сложения. Памятники более ранние имеют меньше наслоений церковнославянизмов по сравнению с памятниками позднейшими. В жанровом отношении выделяется Русская правда с полнейшим отсутствием церковнославянизмов, собственно таково же и Слово о полку Игореве. Показательны неодинаковые свидетельства отдельных произведений Владимира Мономаха о церковнославянском воздействии на язык: оно заметно в «Поучении», совсем незначительно в письме Мономаха к Олегу и почти отсутствует в его автобиографии.

Все эти данные, покоящиеся на материале непосредственных памятников, должны служить опосредственным основанием для признания ложности старого взгляда на происхождение русского литературного языка как языка в основе нерусского.

Самая мысль эта и теоретически, с разных точек зрения, не може не считаться совершенно неправдоподобной. Уровень русской культуры с ранней поры, еще на заре русской государственности, был очень высок. Мы имеем много разнообразных свидетельств этого. И, конечно, с общим высоким уровнем культуры не могла не быть связана и достаточно сложившаяся культура русского слова уже в раннюю пору. Лучшее свидетельство этого – появление в то отдаленное время таких образцовых произведений языка и художественного творчества, как Слово Илариона, или сочинения Мономаха, или Слово о полку Игореве и др. Конечно, такие высочайшие образцы языка и творчества не могли бы получиться из ничего и вдруг, если бы до этого у нас уже не упрочилась своя традиция художественного слова, художественного творчества. Все это требует предположения о ранней сложившейся у нас культуре слова.

Нельзя не отметить также, что с ранней поры русская культура во всех своих проявлениях обращает на себя внимание своей самобытностью. Сам русский язык издавна развивался собственным путем. Замечательным фактом является то, что, сталкиваясь в старейшую пору с различными языками, например финским, тюркским, греческим и др., русский язык развивался совершенно самостоятельно и из чужих языков в него проникали лишь изолированные слова. Впрочем, и это наследие почти незаметно. Так, о финских заимствованиях совсем не приходится говорить – настолько незначительно было проникновение их в живой оборот русской речи. При таком выраженном самобытном характере русского языка тем более естественной представляется самая возможность мысли о том, чтобы основу русского литературного языка мог составить язык нерусский.

Положение о происхождении русского литературного языка на русской основе имеет большое методологическое значение в дальнейшем изучении русского языка. Стоя на ложном пути, усматривая истоки нашего литературного языка в церковнославянском прошлом языке, мы в изучении русских памятников методологически неправильно и односторонне ставили вопрос о рамках русских элементов в свидетельствах того или иного памятника. Необходимо в равной мере освещать и другой вопрос: о доле церковнославянских элементов, принадлежащих каждому данному памятнику или серии памятников. Тогда на объективную почву исследования будет поставлена общая проблема об истории церковнославянизмов в русском языке, о судьбах церковнославянского языка в развитии русского литературного языка. Это исследование должно объективно показать роль древнеславянизмов в нашем языке, ибо представление об их влиянии у нас преувеличено. Многие церковнославянизмы, свидетельствуемые теми или иными памятниками письменности, имели значение условных, изолированных фактов языка, в систему его не входили, а в дальнейшем вовсе выпали из него, и сравнительно немногие слои их прочно вошли в обиход нашего литературного языка [Цитирую по: Обнорский С.П. Происхождение русского литературного языка старейшей поры. М.-Л.: Издательство АН СССР, 1946. – С. 3 – 9. <http://books.e-heritage.ru/book/10093852>].

1.5. Ларин Б.А. О происхождении русского литературного языка

Противопоставление двух различных взглядов на происхождение русского литературного языка известно нам с начала русской письменности. Сейчас установилась традиция противопоставлять две теории происхождения русского литературного языка: «старую» теорию акад. А.А. Шахматова и «новую» теорию акад. С.П. Обнорского. Это недопустимое упрощение истории вопроса. Считаю, что можно говорить только о различных приемах аргументации, о ее расширении и уточнении.

Ответ на вопрос о происхождении письменности у восточных славян дает «Повесть временных лет». В летописи говорится о том, что книги (грамоты славянская) пришли к нам из Византии через Болгарию. С начала научной

разработки истории русского языка акад. И.И. Срезневский и его ученики приняли это летописное сообщение и по-своему аргументировали данное положение. По существу, выводы Срезневского, о которых обнорский говорит в своих «Очерках по истории русского литературного языка старшего периода», совпадают с версией «Повести временных лет».

Аргументация Срезневского опиралась на данные сравнительной грамматики славянских языков. Устанавливая отличия древнерусского языка от церковнославянского, Срезневский исходит из признания приоритета церковнославянского языка как языка, уже обработанного, установившегося, имевшего более чем вековую традицию. Дальнейшая история русского литературного языка представлялась ему как постепенное проникновение в церковнославянский язык элементов русского народного языка.

Акад. А.И. Соболевский по этому вопросу писал: «Русским литературным языком сделался церковнославянский язык русского извода. (...) Церковнославянский язык был для Руси языком литературы в течение всего древнего периода русской истории, т. е. до конца XVII в. (...) Русские переводчики и авторы, сами того не замечая, постоянно подновляли церковнославянский язык, но эти подновления были относительно слабы, и в общем он оставался все тот же в своих звуках, формах, словаре». И выше: «Само собою разумеется, в первое время распространения у нас церковнославянских текстов русской оригинальной литературы совсем не существовало, (...) и мы едва ли ошибемся, если скажем, что даже к концу домонгольского периода собственно русские труды совершенно терялись в массе перенесенных из Болгарии текстов и по числу и по объему едва ли были более 1/10 этих последних».

Акад. Н.К. Никольский в своей работе «Повесть временных лет» как источник для истории начального периода русской письменности и культуры» убедительно доказал, что известная версия «Повести временных лет» о возникновении письменности у восточных славян, принадлежавшая Сильвестру, была создана в начале XII в. (около 1116 г.) по указаниям и в интересах киевских князей из дома Рюриковичей. Эта запись летописи – результат решительной переработки летописного свода X-XI вв. Основываясь на мастерском текстологическом исследовании Шахматова, который установил ряд вставок, разрывов и несоответствий в летописи, Никольский занялся вопросом о том, какими идеологическими причинами определялась эта переработка летописного текста.

Уже Шахматов обратил внимание на то, что переработка «Повести временных лет» в своей основе имеет защиту так называемой норманской теории происхождения русского государства. У Сильвестра была определенная задача – доказать, что основы русской государственности созданы Рюриком (варягами), выходцев из скандинавских стран, и что русская церковь – наследница Византии. Эта легенда о призвании варягов понадобилась в XII в. для укрепления власти киевских князей, которая начала колебаться из-за возрастающей феодальной раздробленности.

Никольскому удалось убедительно доказать, что, кроме версии о начале «книжного писания» на Руси, была и другая точка зрения, другое толкование вопроса. В основном тексте летописи говорится о крещении Руси князем Владимиром. Крещение Руси представляется как насильственный акт, осуществленный сверху. Однако в других частях летописи сообщается, что восточные славяне получили христианскую веру от апостола Андрея, как моравские славяне – от апостола Павла. Таким образом, по этой версии, христианство начало проникать к восточным славянам чуть ли не в первые века нашей эры. Но если оставить это известие в стороне как мало правдоподобное, то мы имеем более достоверные свидетельства о крещении княгини Ольги в 955 г., рассказ о гибели варягов-христиан, наконец, свидетельство трех договоров Руси с греками (911, 944, 971), которые указывают, что часть русских при заключении этих договоров принимали присягу христианском храме. Следовательно, в летописи имеются указания и на иное, чем официальное утверждение Сильвестра, происхождение христианства у восточных славян.

Я считаю упрощением вопроса говорить о чистой церковнославянской основе языка договором. Так же не состоятельна и попытка обнорского объяснить все болгаризмы позднейшими наслоениями. Некоторые историки литературы решают этот сложный вопрос очень «радикально» (например, Истрин): они отрицают подлинность договоров, считая их созданием позднего времени (эпохи Ярослава Мудрого).

Для решения спорного вопроса об основе русского литературного языка следует обратиться к истории русского общества, рассматривать историю языка в связи с историей народа.

Нам известно, как медленно, на протяжении длительного периода формируется общий национальный русский язык. Если ни Шахматов, ни Соболевский не видели типологической разницы между русским национальный языком и языком народности киевского периода, то мы не можем допустить этого. Единство восточных славян складывалось в Киевском государстве в процессе длительной борьбы. При решении вопроса о происхождении русского литературного языка этого периода следует не упускать из виду того, что в дофеодальную эпоху восточные славяне делились на целый ряд подоплеменных союзов: <...>

Только в условиях Киевской Руси, с прочным государственным аппаратом и развитой культурой, начинается становление единого (общерусского) языка на основе объединения старых родоплеменных союзов и их диалектов. Нельзя сомневаться, что диалекты этих племен были близкородственны между собой. Но нельзя и наивно считать язык всей Киевской Руси единым.

Было бы неверно вовсе отрицать роль христианства и церкви в развитии русской культуры. Культура раннего периода резко отличалась от культуры конца X-XI вв. Надо помнить, что в средние века в общий объем церковнославянской литературы входит не только церковная письменность, но и вся философская и схоластическая научная литература. Церковные деятели оказали в свое время положительное влияние на развитие культуры: их борьба с

кровной местию. (пережитком родового строя), рабством, многоженством, ростовщичеством имела положительное значение; развитие каменного строительства, архитектуры, фресковой (стенной) и станковой живописи, распространение книг, создание больших библиотек – тоже в значительной степени дело церковников. Не закрывая глаза на отрицательные явления и в то же время не преувеличивая положительной роли церкви, нужно отдать должное тому прогрессивному, что церковь дала культуре русского народа в X-XII вв. Широкие связи с южными странами, приезд оттуда ученых-церковников, русское паломничество и т. д. – все это тоже имело положительное значение.

Но абсолютно неверно предположение, что церковнославянский язык был единственным литературным языком в Древней Руси. Еще Соболевский противопоставлял «деловой» язык грамот языку церковных книг. Затем Шахматов, а в недавнее время проф. Л.П. Якубинский достаточно отчетливо проводили положение: церковные книги писались на церковнославянском языке, деловая литература – на древнерусском. Но сложнее вопрос о такой литературе, которая не относится ни к церковной, ни к деловой. Например, даже «Русская правда» в древнейшей ее части – это деловой памятник, но в позднем составе он уже осложнен элементами церковнославянского языка. Еще интереснее вопрос о составе языка «Слова о полку Игореве», летописей, произведений Владимира Мономаха, «Послания» Даниила Заточника и т. д.

Если не противопоставлять два языка в Древней Руси – древнерусский и церковнославянский, тогда все просто. Но если различать эти две основы, то приходится, либо признать, что мы имеем дело со смешанным характером языка в ряде наиболее важных и ценных памятников, либо производить насилие надо очевидными фактами, что и допускали некоторые исследователи. Я утверждаю, что именно русский язык сложного состава характерен для памятников XII-XIII вв. [Цитирую по: Ларин Б.А. Лекции по истории русского литературного языка (X – середина XVIII в.). Учебник для филолог. специальностей ун-тов и пед. ин-тов. Изд. 2-е, испр. – СПб., «Авалон», «Азбука-классика», 2005. – С. 24 – 26. <https://www.academia.edu/19486144/>]

1.6. Виноградов В.В. О двух типах древнерусского литературного языка

Признавая два основных типа древнерусского литературного языка – книжно-славянский и народно-литературный – и допуская их широкое, разностороннее взаимодействие, приведшее к развитой системе литературных стилей, исследователь истории древнерусского литературного языка не может согласиться с такого рода декларациями: «Вопросы языкового дуализма на территории восточных славян необыкновенно сложны. С появлением письменности здесь возникают три типа письменных языков: старославянский (во многом близкий восточнославянскому, но в своей основе южнославянский), с одной стороны, и два типа письменного языка на восточнославянской основе – с другой: деловой (юридический) и фольклорно-художественный. Каждый из этих письменных языков функционально связан с определенной сферой общественной жизни, каждый из них обладает специфическими чертами в

области фонетики, грамматики и лексики. Ни один из этих языков не совпадает с бытовым разговорным языком по той простой причине, что средневековую чужды литературные жанры, включающие бытовую тематику. Необходимо подчеркнуть, что все эти три языка имеют свою историю. Они развиваются самостоятельно (от языка «Русской правды» к языку современного уголовного кодекса ведет прямая линия), но, разумеется, не в полном отрыве друг от друга. Именно взаимоотношения этих трех языков в каждую конкретную эпоху развития восточнославянской, а позже русской, украинской и белорусской письменности, расширение или сужение сферы употребления каждого из них в разные эпохи и представляют тот круг вопросов, решение которых позволит установить общие закономерности литературного и языкового развития национальной культуры у восточных славян. Говорить об «истории русского литературного языка» (в единственном числе и начиная с XI века) нам кажется пока преждевременным, тем более, что многие ученые (например, Р.И. Аванесов) сомневаются в том, является ли литературный язык вообще субъектом развития».

Вообще говоря, предлагаемая А.В. Исаченко схема разграничения трех типов письменных языков в древней Руси очень близка к системе трех стилей древнерусского литературного языка, изложенной в «Истории древнерусского языка» Л.П. Якубинского и особенно в книге Г.О. Винокура «Русский язык» (1945). Правда, в соответствии со своим разграничением терминов – «литературный язык» (для эпохи национального развития) и «письменный язык» (для донациональной эпохи) – А.В. Исаченко говорит не о трех стилях, а о трех древнерусских письменных языках или типах письменных языков. Но всякому ясно, что так называемый «старославянский тип» языка не может сразу противопоставляться двум другим т и п а м письменного языка на восточнославянской почве – деловому и фольклорно-художественному. Когда речь идет об этих «двух типах письменного языка», то в понятие «типа языка» вкладывается совсем иное содержание. Поэтому целесообразнее всего пользоваться термином «фольклорно-художественный стиль древнерусского народно-литературного языка».

Понятие «литературности» языка исторически изменчиво. Понятие «литературности» речи необходимо отличать от понятия ее «художественности». Несмотря на множество отдельных интересных наблюдений и ценных обобщений, вопрос о роли стилей народной словесности в образовании и развитии древнерусского литературного языка до сих пор остается почти совсем не исследованным. В этом направлении историки русского литературного языка не могут не считаться с материалами и теоретическими воззрениями историков древнерусской литературы (Ф.И. Буслаева, А.С. Орлова, В.П. Адриановой-Перетц, Д.С. Лихачева и др.)

Историками древнерусской литературы все сильнее подчеркивается огромное организующее значение фольклора и его стилистики в развитии древнерусской литературы и древнерусского литературного языка. «При использовании в литературе живого русского языка создавалось иногда

разительное сходство между литературным и фольклорным применением одних и тех же, свойственных языку в целом, выражений». <...>

Выражения и образы обычного права, юридические формулы и термины, фразеологические обороты государственного делопроизводства, тесно связанные с традициями живой восточнославянской речи, не могли не приспособить славянской системы письменного изображения речи для своего закрепления. Они используются в литературных произведениях и подвергаются обработке.

Если даже ограничиться стилистикой одной жанровой сферы древнерусской художественной литературы в ее историческом движении, то и здесь легко увидеть и живучесть старой литературной и народно-поэтической традиции и вместе с тем развитие новых форм выражения, связанных отчасти с историей книжно-славянского типа литературного языка, а отчасти с живой обиходной речью.<...>

В середине XVII в., в традиционную книжную культуру речи врывается сильная и широкая струя живой устной речи и народно-поэтического творчества,двигающаяся из глубины стилей демократических слоев общества. Обнаруживается резкое смешение и столкновение стилей в кругу литературного выражения. Начинает коренным образом изменяться взгляд на литературный язык. Демократические круги общества несут в литературу свою живую речь, с ее диалектизмами, свою лексику, фразеологию, свои пословицы и поговорки. Так, старинные сборники устных пословиц (изданные П.К. Симони и обследованные В.П. Адриановой-Перетц) составляются в среде посадских, мелких служилых людей, городских ремесленников, в среде мелкой буржуазии, близкой к крестьянским массам.<...>

Лишь незначительная часть пословиц, включенных в сборники XVII – нач. XVIII в., носит в своем языке следы церковно-книжного происхождения.<...>

Таким образом, стилистика народной поэзии была крепкой опорой развития древнерусской литературно-художественной речи. При этом ссылаются обычно на словарь и образы «Слова о полку Игореве», «Слова о погибели Русския земли», «Задонщины» и древнерусский воинских повестей, исторической беллетристики XVI – XVII вв. и т. д. Язык народной поэзии явился важным цементирующим элементом в системе развития литературного языка великорусской народности, а затем и нации. <...>

В значительной степени свободные от местной, областной исключительности, стили народной поэзии, выражая рост национального самосознания в XVI – XVII вв., ускорили процесс формирования русского национального литературного языка. Но все это – пока лишь задачи и проблемы будущих исследований.

Таким образом, термин «фольклорно-художественный стиль» не может быть признан эквивалентным выражению «язык древнерусской художественной литературы». Его объем ограниченнее. Так, специфические свойства художественности речи обнаруживаются в таких жанрах, как жития святых, путешествия («хождения») и т. д. далеко не всегда в связи с

фольклорными мотивами. Нельзя забывать и о стихотворениях на древнецерковнославянском языке и на книжно-славянском типа древнерусского литературного языка. Следовательно, вопрос о стилистике древнерусской художественной литературы имеет гораздо более широкий смысл, чем вопрос о «фольклорно-художественном стиле». Пока же, говоря о литературно обработанном народном типе древнерусского литературного языка (куда относится и фольклорно-художественный стиль), необходимо отметить некоторые своеобразия его развития в отдельных феодальных центрах древней Руси.<...>

Вообще же наука о развитии художественной речи и языка художественной литературы имеет свои задачи и свой круг понятий и категорий, отличных от тех, которыми оперирует историк литературного языка и общенародной разговорной речи. Необходимо также помнить, что роль художественной литературы, ее место в системе народной культуры и ее влияние на развитие литературного языка различны в разные периоды истории народа. Особенно значительно и разнообразно влияние художественной литературы на характер и направление движения литературного языка в эпоху образования и развития нации. [Цитирую по: Виноградов В.В. Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка. – М.: Изд-во АН СССР, 1958. – С. 67 – 78. <http://e-heritage.ru/ras/view/publication/general.html?id=53151119>]

1.7. Винокур Г.О. Происхождение русского литературного языка

Письменная речь является у восточных славян относительно поздно, только в X в., в результате сложных культурно-исторических и политических событий, с которыми связано распространение христианства в славянской среде. Есть несомненная закономерность в том, как учреждение христианской церкви сказывалось возникновением письменности в разных частях средневекового мира. Мейе в превосходном сочинении, посвященном истории греческого языка, формулирует эту закономерность следующим образом: «Со времени возникновения христианства греческий язык стал языком христианской церкви только там, где говорили по-гречески. В то время как на Западе латынь, язык империи, стала официальным языком церкви, единственным языком, употреблявшимся в судебной «процедуре, единственным языком, служившим только для подготовки священников и распространения науки, на Востоке создалось столько ученых языков христианства, сколько было национальностей, достигших самосознания; священное писание было переведена на готский, на армянский, на коптский, на славянский, для каждого из этих языков был создан хорошо приспособленный алфавит и письменный язык на который переводились греческие сочинения и на котором даже составлялись сочинения оригинальные. Таким образом, в то время как на Западе Европы латынь оставалась единственным языком религии и высокой интеллектуальной культуры, на Востоке сложились языки национальных цивилизаций, которые частично сохранились до сих пор». Как

указывает далее Мейе, все эти национальные языки, естественно, многое заимствовали из греческого, потому что они возникали там, где христианство было получено именно из греческого, а не римского источника.

С этими интересными выводами современного французского ученого можно сопоставить то, что было сказано в 1755 г. Ломоносовым о значении славянского перевода священного писания с греческого для истории русского языка сравнительно с ролью, которая выпала на долю латыни в католических странах. Ломоносов писал: «Ясно сіе видѣть можно вникнувшимъ въ книги церковныя на Славенскомъ языкѣ, коль много мы отъ переводу ветхаго и новаго завѣта, поученій отеческихъ, духовныхъ пѣсней Дамаскиновыхъ и другихъ, творцевъ каноновъ видимъ въ Славенскомъ языкѣ Греческаго изобилія, и оттѣду ѹмножаемъ довольство Російскаго слова, которое и собственнымъ своимъ достаткомъ велико и къ пріятію Греческихъ красотъ посредствомъ Славенскаго сродно... Справедливость сего доказывается сравненіемъ Россійскаго языка съ другими ему сродными. Поляки преклонясь издавна въ Католицкую вѣру, отправляютъ службу, по своему обряду, на Латинскомъ языкѣ, на которомъ ихъ стихи и молитвы сочинены во времена варварскія, по большей части отъ худыхъ авторовъ, и потому ни изъ Греціи, ни отъ Рима не могли снискать подобныхъ преимуществъ, каковы въ нашемъ языкѣ отъ Греческаго пріобретены. Нѣмецкой языкъ по то время былъ ѹбогъ, простъ и безсиленъ, пока въ служеніи ѹпотреблялся языкъ Латинской. Но какъ нѣмецкой народъ сталъ священныя книги читать и службу слѹшать на своемъ языкѣ, тогда богатство его ѹмножилось, и произошли искусныя писатели».

В обеих приведенных выдержках, столь сильно разъединенных и временем и самим способом рассуждать, содержится тем не менее одна и та же мысль о благодетельной для восточноевропейских славян, и, следовательно, русских, зависимости их письменного языка от древнего перевода христианской литургической литературы с греческого на славянскую речь. Язык этого перевода принято называть старославянским или древнецерковнославянским языком. Возник он при следующих обстоятельствах.

В IX в., после смерти Карла Великого, в западноевропейской среде возникло мощное государственное образование, известное под именем Великоморавского княжества. Во главе этого княжества стоял даровитый государственный деятель Моймир, который принужден был вести постоянную борьбу с немцами и в 846 г. был побежден ими. Но преемник Моймира Ростислав продолжал эту борьбу и добился в ней значительных успехов. Ростислав противопоставил немецкому натиску не только силу оружия, но также средства культурной политики. Одним из его мероприятий было посольство к византийскому императору Михаилу III, отправленное около 863 г. с просьбой прислать в Моравию миссионеров, которые могли бы проповедовать христианство местному населению на его родном языке. Этим путем Ростислав пытался парализовать влияние немецкой (по языку - латинской) церкви на политическую и культурную жизнь Моравии.

Результатом этого начинания Ростислава явилась миссия братьев Константина и Мефодия, составляющая одну из самых знаменательных дат в истории культуры и просвещения всего славянства.

Константин (перед смертью принявший монашество с именем Кирилла) и Мефодий были сыновьями византийского вельможи Льва, родом из Солуня (Салоники). В то время Солунь был окружен болгарскими поселениями, и братья были поэтому практически знакомы с речью солунских болгар, представлявшей собой один из древних болгарских говоров македонского типа. Как рассказывают источники, император Михаил, назначая братьев в великоморавскую миссию, обратился к ним с следующими словами: «**Вы бо еста селоунынина, да селоуныне вси чисто словѣньскы бесѣдоуютъ**», то есть: вы родом из Солуня, а солуняне все хорошо говорят по-славянски. Это свое практическое знакомство с языком солунских болгар братья и сделали основанием своей миссионерской деятельности. Еще до выезда в Моравию Константин, славившийся своей ученостью и занявший руководящее положение в миссии, составил славянскую азбуку и начал переводить так называемое недельное Евангелие, начинающееся словами: «В начале было слово». Завершение переводческой деятельности Константина и Мефодия произошло уже в Моравии, где они занимались также подготовкой служителей национальной славянской церкви. После смерти обоих братьев (Константин умер в 869 г., Мефодий - в 885 г.) при преемнике Ростислава Святополке славянская литургия в Моравии прекратилась. Ученики Константина и Мефодия, изгнанные Святополком, перенесли свою деятельность в Болгарию. Здесь, в особенности в начале X в., при болгарском царе Симеоне, переводы Константина и Мефодия были подвергнуты новой обработке, причем дальнейшее свое развитие получила зародившаяся славянская письменность вообще. В X же веке она стала известна также восточному славянству.

Славянские языки, при всех различиях, которые должны были уже существовать между ними в IX-X вв., были все же настолько еще близки друг к другу, в особенности со стороны своего грамматического строя, что письменный язык, созданный Константином и Мефодием на болгарско-солунской основе, оказался вполне применимым и в западнославянской среде - в Моравии, а вслед за тем также и в среде восточных славян. Язык переводов, созданных братьями, стал, таким образом, как бы международным письменным языком славянства в раннефеодальную пору его истории, тем более что в его лексическом составе, наряду с болгарскими элементами, есть очень много элементов западнославянских, не говоря уже о грецизмах, некотором числе латинизмов и т.д. Этот, как его называют, старославянский или древнецерковнославянский язык был языком исключительно книжный, то есть никто им не пользовался в обиходной речи. В известной мере он отличался от местных живых говоров в каждой из тех славянских земель, где он применялся, сначала в качестве языка церкви, а почти сейчас же вслед за тем и в качестве общего учено-литературного языка. Эти отличия, однако, были не настолько велики, чтобы мешать его усвоению в каждой местной среде. Наоборот, знакомство со старославянским языком в Моравии, а затем в Болгарии, в

Сербии, в древней Руси создавало в каждой из этих областей грамотных людей и профессионалов книжного дела и, таким образом, клало начало самостоятельной местной письменности. Именно так, в процессе усвоения и переписки старославянских текстов, возникла и древняя русская письменность.

Переводы Константина и Мефодия, несмотря на отдельные, не вполне удачные частности, в целом отличаются значительными литературными достоинствами (они дошли до нас не в подлинниках, а в более поздних списках и обработках, относящихся к X-XI вв.). Громадное культурное значение их для славян заключалось, помимо прочего, в том, что они приобщали славянство к византийской культуре речи, сохранявшей, хотя и в своеобразной форме, прочную связь с античным преданием. Словарные, фразеологические и синтаксические грецизмы, переполняющие старославянские тексты, не нарушая национальной природы древнейших письменных языков славянства, делали их в тоже время законными участниками международной языковой культуры средневековья и служили могущественным средством их собственного литературного развития. Как мы видели, это хорошо понимал уже, в применении к русскому языку, Ломоносов. Позднее превосходно развивал ту же мысль Пушкин, писавший в 1825 г.: «Как материал словесности язык славяно-русский (то есть письменный язык, развившийся в России на почве усвоения старославянского - действительная история последнего Пушкину и его времени еще не была известна) имеет неоспоримое превосходство пред всеми европейскими: судьба его была чрезвычайно счастлива. В XI веке древний греческий язык вдруг открыл ему законы обдуманной своей грамматики, свои прекрасные обороты, величественное течение речи; словом, усыновил его, избавя таким образом от медленных усовершенствований времени. Сам по себе звучный и выразительный, отселе заимлет он гибкость и правильность».

В дальнейшем мы сделаем попытку проследить судьбу старославянского языка на русской почве и выяснить его роль в развитии русского литературного языка. Но наш отчет о самом возникновении старославянского языка был бы неполон, если бы мы не отметили выдающегося исторического значения, которое принадлежит первому шагу, сделанному Константином в его деятельности на поприще славянской культуры, именно - созданному им славянскому алфавиту. В изобретении азбуки для славян Кирилл, по общему признанию современных специалистов, обнаружил замечательное лингвистическое чутье и справился со своей задачей мастерски. Лучшим доказательством удачи его служит то, что созданная им алфавитная система, - разумеется, с неизбежными позднейшими наслоениями и поправками, - сохраняется до сих пор как основа письменности русской, болгарской и сербской и отражается также, в большей или меньшей мере, в письменности ряда неславянских народов (например, в новейших алфавитах многих национальностей СССР). Следует, однако, знать, что самая форма букв, из которых состоят современные славянские алфавиты, по всей вероятности, восходит не к той азбуке, которую изобрел Кирилл. Древнейшие из дошедших до нас текстов на старославянском языке писаны двумя азбуками -

«глаголицей» и «кириллицей». Первой, например, писаны Зографское и Мариинское Евангелия XI в., второй - Остромирово Евангелие 1056 г., Супрасльская рукопись XI в. и др. Кириллица, основанная на парадном греческом письме VIII-IX вв., так называемом унциале, сама лежит в основе теперешней русской, болгарской и сербской азбук. Глаголица, сейчас сохраняющаяся лишь в культовом обиходе у католиков-хорватов, как думают, восходит к греческому скорописному письму той же эпохи. По своему внешнему виду она сильно отличается от кириллицы, и только специальный анализ позволяет открыть в ее знаках генетическое родство с кириллицей и общеизвестными начертаниями греческих письмен. Интересно, что вполне совпадают между собой знаки кириллицы и глаголицы главным образом тогда, когда они восходят не к греческому, а какому-то иному источнику (как полагают - коптскому, может быть - еврейскому), например, в знаке Ш. Вопрос о том, какая из двух славянских азбук древнее и изобретена Кириллом, до сих пор еще не имеет единогласного решения в науке. Однако подавляющее большинство ученых как в славянских, так и в неславянских странах давно уже склонилось к мнению, что это была глаголица, а кириллица возникла только в X в., в Болгарии, в среде выучеников Мефодия, создавших новую редакцию самых переводов первоучителей. На эту более молодую и графически более совершенную азбуку, сохранявшую, однако, в большинстве случаев принципы первой, уже позднее было перенесено имя первоначального изобретателя славянской азбуки, но есть некоторые данные, позволяющие догадываться, что когда-то кириллицей именовалась именно глаголица. Так, в 1047 г. новгородский поп Упырь Лихой в послесловии к списанной им рукописи Пророков с толкованиями говорит: «Слава тебе господи царю небесный, яко сподоби мя написати книги сия ис коуриловицѣ» Подлинная рукопись Упыря Лихого не сохранилась, но в списках с нее, относящихся к XV в., содержатся слова, писанные глаголицей. Это делает вполне правдоподобным предположение, что Упырь Лихой называл кириллицей то, что мы теперь называем глаголицей.

Вообще же следует сказать, что в древней Руси глаголица имела небольшое применение. Древнерусских рукописей, которые целиком были бы писаны глаголицей, не существует. Но есть отдельные глаголические слова и строки в русских рукописях, писанных кириллицей - сюда относятся и упомянутые списки с рукописи Упыря Лихого. Есть также несколько глаголических надписей на стенах древних русских храмов. Таким образом, можно думать, что непосредственным источником русской письменности, поскольку об этом приходится судить на основании сохранившегося древнерусского рукописного материала, были тексты не моравского, а более молодого, болгарского периода истории старославянского языка. Существует, впрочем, очень интересная концепция Н. К. Никольского, согласно которой периоду византийско-болгарских воздействий на русскую культуру предшествовал период непосредственных ее связей с моравскими традициями, но следы этих традиций впоследствии, начиная с XI в., из тенденциозных побуждений намеренно уничтожались книжниками новой формации. Так или

иначе, но старославянские тексты, проникая вместе с христианством в восточнославянскую среду, становились здесь образцами для списывания и подражания. При списывании старославянских текстов и при составлении оригинальных текстов по старославянским образцам древнерусские литераторы иногда невольно, а иногда и сознательно допускали отступления от норм старославянского языка в пользу параллельных явлений своей родной речи. Этим путем вносились восточнославянские черты в орфографию, грамматическую систему и словарный состав старославянских оригиналов. В результате возникал своеобразный и новый письменный язык, в котором скрещивались книжные старославянские и живые восточнославянские элементы. Этот скрещенный язык, то есть старославянский язык русской редакции, и был первым письменным языком восточных славян. Соответствующие явления наблюдаем также в болгарской и сербской письменности XI-XII вв., которая также характеризуется местными наслоениями на языке более древнего типа, восходящем к первоначальным кирилло-мефодиевским текстам. В связи с этим, наряду с русской, различаются еще болгарская и сербская редакции старославянского языка. В нескольких древнейших рукописях находят также отдельные следы моравской редакции старославянского языка, то есть такие особенности языка, которые были занесены в кирилло-мефодиевскую речь солунско-македонского типа из живых моравских говоров.

Есть известные внешние признаки, по которым можно отнести тот или иной памятник древней славянской письменности к одной из перечисленных разновидностей по его языку. Отметим здесь два таких признака. Во всех славянских языках дописьменного периода были носовые гласные *o* и *e*. Для обозначения этих гласных в славянскую азбуку были введены особые знаки, так называемые «юсы», юс большой (в кириллице Ж) для обозначения *o* носового и юс малый (в кириллице А) для обозначения *e* носового. Далее, во всех славянских языках той же поры было два так называемых редуцированных гласных звука, то есть произносившихся с крайней степенью краткости и, вероятно, с ослабленным дрожанием голосовых связок, приглушенно (их так и называют часто: «глухие» гласные). Для обозначения этих гласных на письме в славянскую азбуку были введены знаки «ер» для редуцированного непереднего (в кириллице ъ, то есть наш теперешний «твердый знак») и «ерь» для редуцированного переднего (в кириллице ь, то есть наш теперешний мягкий знак). К тому времени, к какому относятся древнейшие из сохранившихся славянских рукописей, то есть к концу X - началу XI в., обе категории упомянутых гласных в разных славянских языках претерпели известные изменения, в результате которых возникали различные колебания в написании соответствующих знаков. Орфография «юсов» и «еров» в древнейших памятниках и дает возможность отнести их к определенной славянской территории. Так, для болгарской редакции старославянского языка характерно смешение юсов и смешение еров в определенных положениях; для сербской - смешение юса большого с буквой *y*, юса малого с буквой *e* и употребление ь вместо ъ. Для русской редакции старославянского языка

характерно, во-первых, правильное в целом различение букв ъ и ь и, во-вторых, смещение юса большого с буквой у, а юса малого - с буквами а и так называемым а йотированным (я) в зависимости от положения. Таким образом, например, старославянское ѡЗЫКЪ (ср. польское *język*) может встретиться в болгарской рукописи в виде ЖЗЫКЪ, в сербской - в виде ЕЗИКЪ, в русской - в виде ЯЗЫКЪ и т. д.

Въ оно врѣмя пришѣдъшю іисоусови въ страну гергесиньскоу. сѣрѣтоста и дѣва бѣсна от жяли исходящя лютѣ зѣло яко не можаше никто же минути поутѣмь тѣмь. и се възъписта. глаголюща. что естъ нама іисоусе и тебе сыне божи, пришлъ еси сѣмо прѣже врѣмене моучитѣ насъ. бѣ же далече отъ нею стадо свинни мѣного пасомо бѣси же моляхоути и глаголюще. аще изгониши ны. повели намъ ити въ стадо свиное, и рече имъ идѣте. они же шѣдъше идоша въ свиння. и абие оустрѣми ся все стадо по берегоу. въ море и оутпоша въ водахъ.

Для характеристики этого отрывка как памятника русского языка отметим, к примеру, что здесь **въ страну** написано вместо стоявшего в оригинале **въ странѣ**, **по берегоу** вместо стоявшего в оригинале **по брѣгоу**. На подобных простейших примерах и выясняется скрещенная, амальгамная природа древнерусского письменного языка, в который, следовательно, в определенной пропорции входили два начала: старославянское книжное и восточнославянское живое. Но доля участия каждого из двух основных элементов этой амальгамы в разных случаях бывала разная. Это зависело от характера составляемого текста, его содержания и стиля, от степени начитанности и культуры составителя, его литературных намерений и т. д. Возникавшие таким путем различные типы, или стили, древнерусского письменного языка нам и следует теперь рассмотреть более подробно. Но предварительно скажем несколько слов о тех документах, какими мы располагаем для восстановления истории русского языка и, в частности, начальных эпох его развития [Цитирую по: Г. О. Винокур. Происхождение русского литературного языка // Винокур Г.О. Избранные работы по русскому языку: сборник научных трудов. – М. : Флинта, 2016. – С. 56 – 67].

1.8. Успенский Б.А. Языковая ситуация как фактор истории русского литературного языка

Проблемы истории русского литературного языка самым непосредственным образом связаны с рассмотрением языковой ситуации Древней Руси. Это существенно отличает историю русского литературного языка от истории других литературных языков, где рассмотрение языковой ситуации не предполагается с непереносимостью самим предметом исследования; таким образом, указанное обстоятельство определяет специфику истории русского литературного языка как лингвистической дисциплины.

Что касается языковой ситуации Древней Руси, то основная, ключевая проблема здесь – это, бесспорно, отношение между церковнославянским и русским языком. При этом необходимо иметь в виду, что в процессе исторического развития на разных этапах эволюции оба понятия – «церковнославянское» и «русское» - существенно меняли свое содержание; тем не менее, сама дихотомия, сама оппозиция церковнославянского и русского оставалась и на каждом этапе отчетливо осознавалась коллективным языковым сознанием.

Действительно, церковнославянский язык – южнославянский в своей основе – с перенесением на русскую почву подвергался в течение XI – XIV вв. постепенной и последовательной русификации, в результате чего образовался русский национальный извод церковнославянского языка – тот язык, который впоследствии может называться не только «словенским» (или «славенским»), но также «рус(с)ким» и «славеноросс(ий)ским». Тем не менее, несмотря на русификацию, этот язык был отчетливо противопоставлен русскому книжному языку (по целому ряду релевантных признаков). В дальнейшем, а именно с конца XIV в. – в процессе так называемого «второго южнославянского влияния» - церковнославянский язык вновь становится насыщенным южнославянскими элементами. Но эта «славянизация» осуществляется, так сказать, на уже завоеванных позициях, т. е. дело идет фактически не о возвращении к исходному состоянию (хотя именно так понимают свою деятельность сами реформаторы языка), а о насыщении южнославянскими элементами того книжного языка, который уже сформировался к тому времени на Руси; в конечном счете дело идет, тем самым, о еще более отчетливом формировании церковнославянского языка русского извода – языка, соединяющего в себе южнославянские и восточнославянские по своему происхождению языковые элементы.

Так обстоит дело с церковнославянским языком. Что же касается русского языка, то он, в силу своей ненормированности (некодифицированности), был открыт для разного рода внешних влияний как со стороны церковнославянского и русского сохраняется на разных этапах эволюции. Ни постепенная русификация церковнославянского языка, ни постепенное проникновение церковнославянских элементов в русский книжный язык не уничтожали границы между церковнославянским и русским языком. В сущности, имеет место динамическое взаимодействие, когда каждое понятие определяется через ему противопоставленное – при том, что оба они могут содержательно меняться во времени: мы можем говорить о церковнославянском языке постолько, поскольку он противопоставлен русскому, и наоборот. В частности, все, что не осознается как церковнославянское, - относится к русскому языковому полюсу.

Как же строятся отношения между этими двумя языками?

Диглоссия и двуязычие

Языковая ситуация Древней Руси в специальных лингвистических терминах должны быть определена не как ситуация церковнославянского-

русского **двуязычия** в строгом терминологическом смысле этого слова, а как ситуация церковнославянско-русской диглоссии. Диглоссия представляет собой такой способ сосуществования двух языковых систем в рамках одного языкового коллектива, когда функции этих двух систем находятся в дополнительном распределении, соответствуя функциям одного языка в обычной (недиглоссийной) ситуации. При этом речь идет о сосуществовании **книжной** языковой системы, связанной с письменной традицией (и вообще непосредственно ассоциирующейся с областью специальной книжной культуры), и **некнижной** системы, связанной с обыденной жизнью: по определению, ни один социум внутри данного языкового коллектива не пользуется книжной языковой системой как средством разговорного общения (это обстоятельство, в частности, отличает ситуацию диглоссии от обычного сосуществования литургатурного языка и диалекта).

Необходимо подчеркнуть, что книжная и некнижная языковая система противопоставляется по способу усвоения, приобретения: если некнижная система усваивается естественным путем, так сказать, впитывается с молоком матери, то книжная система усваивается искусственным, книжным путем – в процессе формального обучения, что само по себе предполагает определенную кодификацию, т. е. наличие эксплицитно сформулированных правил. Таким образом, книжная языковая система накладывается на некнижную как вторичная, она приобретает в более зрелом возрасте.

В наиболее явном случае книжный язык выступает не только как литературный (письменный) язык, но и как язык сакральный (культовый), что обуславливает как специфический престиж этого языка, так и особенно тщательно соблюдаемую дистанцию между книжной и разговорной речью; именно так и обстоит дело в России.

Если вне диглоссии одна языковая система нормально выступает в разных контекстах, то в ситуации диглоссии разные контексты соотнесены с разными языковыми системами. Отсюда, между прочим, члену языкового коллектива свойственно воспринимать сосуществующие языковые системы как **один язык**, тогда как для внешнего наблюдателя (включая сюда и исследователя-лингвиста) естественно в этой ситуации видеть **два разных языка**. Таким образом, если считать вообще известным, что такое разные языки, диглоссию можно определить как такую языковую ситуацию, когда два разных языка воспринимаются (в языковом коллективе) и функционируют как один язык.

Соответственно, в отличие от **двуязычия**, т. е. сосуществования двух равноправных эквивалентных по своей функции языков, которое представляет собой явление избыточное (поскольку функции одного языка дублируются функциями другого) и, по существу своему, переходное (поскольку в нормальном случае следует ожидать вытеснения одного языка другим или слияния их в тех или иных формах), **диглоссия** представляет собой очень стабильную языковую ситуацию, характеризующуюся устойчивым функциональным балансом (взаимной дополнительностью функций). Ситуация

диглоссии может сохраняться в течении многих веков (как это имеет место в арабском мире и как имело место в России).

Понятие языковой нормы и, соответственно, языковой правильности связывается в условиях диглоссии исключительно с книжным языком, что проявляется прежде всего в его кодифицированности; напротив, некнижный язык в этих условиях в принципе не может быть кодифицирован. Таким образом, книжный язык фигурирует в языковом сознании как кодифицированная и нормированная разновидность языка. Как мы уже говорили, книжный язык, в отличие от некнижного, эксплицитно усваивается в процессе формального обучения, и поэтому только этот язык воспринимается в языковом коллективе как правильный, тогда как некнижный язык понимается как отклонение от нормы, т. е. нарушение правильного языкового поведения, - иначе говоря, явления живой речи воспринимаются через эксплицитно усвоенные представления о языковой правильности, которые связываются с книжным языком. Вместе с тем, именно в силу престижа книжного языка такое отклонение от нормы фактически признается не только допустимым, но даже и необходимым в определенных ситуациях.

Связь языковой нормы с книжным языком при диглоссии – при том, что книжный язык не может выступать как средство разговорного общения, - определяет нехарактерность социолингвистической дифференциации общества для этой языковой ситуации: одни и те же представления о языковой правильности оказываются едиными для всех слоев общества (хотя степень знакомства с книжным языком может быть неодинаковой в разных социумах).

Поскольку при диглоссии два языка воспринимаются как один, а контексты их употребления характеризуются дополнительным распределением (практически не пересекаются), перевод с одного языка на другой оказывается в этих условиях принципиально невозможным. Из этого следует, что одно содержание нельзя выразить на том и на другом языке; однако в этих условиях невозможно функционирование соотносящихся друг с другом параллельных текстов с одним и тем же содержанием – коль скоро некоторое содержание получит языковое выражение, т. е. выражено на одном языке, оно в принципе не может быть выражено на другом. Сказанное может быть проиллюстрировано как невозможностью перевода сакрального текста на разговорный язык, так и невозможностью обратного перевода, т. е. перевода на книжный язык текста, предполагающего некнижные средства выражения. Отсюда следует, в свою очередь, принципиальная невозможность в этих условиях шуточного, пародийного использования книжного языка, т. е. применения его в заведомо несерьезных, игровых целях – в самом деле, пародия на книжном языке представляет собой именно недопустимый при диглоссии случай употребления книжного языка в неподобающей ситуации; вообще в этих условиях отсутствует пародия как литературный жанр (если понимать литературу как совокупность текстов на литературном языке).

Таким образом, диглоссию характеризует ряд признаков негативного характера, которые, в частности, отличают эту языковую ситуацию от ситуации двуязычия, а именно: 1) недопустимость применения книжного языка как

средства разговорного общения; 2) отсутствие кодификации разговорного языка; 3) отсутствие параллельных текстов с одним и тем же содержанием (особенно характерны в этой связи запрет на перевод сакральных текстов и невозможность пародий на книжном языке). При несоблюдении хотя одного из этих условий мы вправе предположить, что сосуществующие друг с другом языки находятся не в отношениях диглоссии, а в отношениях двуязычия.

Так обстоит дело с церковнославянско-русской диглоссией. Вместе с тем, в истории русского литературного языка имеет место и церковнославянско-русское двуязычие. Более того, эволюция русского литературного языка связана именно с переходом от церковнославянско-русской диглоссии к церковнославянско-русскому двуязычию; поскольку двуязычие, в отличие от диглоссии, представляет собой нестабильную языковую ситуацию, этот переход имеет радикальные последствия для истории русского литературного языка, а именно, распад двуязычия и становление литературного языка нового типа (ориентирующегося на разговорное употребление).

Характер отношений между церковнославянских и русским языком

Определение языковой ситуации Киевской Руси как диглоссии означает прежде всего, что церковнославянский язык не был разговорным, а русский язык не был литературным.

Роль церковнославянского языка как литературного языка Древней Руси была подчеркнута А.А. Шахматовым. Однако Шахматов рассматривал языковую ситуацию Киевской Руси как ситуацию церковнославянско-русского **двуязычия**. Это вполне естественно, поскольку ситуация диглоссии как специфическая языковая ситуация в то время не была еще открыта: трудно было представить себе возможность стабильного сосуществования двух языковых систем (в рамках одного языкового коллектива), четко противопоставленных друг другу как в формальном, так и в функциональном отношении, - сосуществование такого рода должно было казаться аномальным явлением. Между тем, двуязычие, в отличие от диглоссии, имеет в принципе промежуточный, переходный, нестабильный характер. Определив сосуществование церковнославянского и русского языков в Древней Руси как ситуацию двуязычия, Шахматов – вполне последовательно с точки зрения логики – предположил более или менее быструю ассимиляцию церковнославянского языка на русской почве. В контексте двуязычия естественно было предположить, что образованный люди Киевской Руси говорили по-церковнославянски; по Шахматову, язык «книжнообразованных классов», т. е. церковнославянский, со временем превращается в общее койне, к которому восходит по своему происхождению современный русский литературный язык. В результате на несколько веков оказался отодвинутым тот процесс, который на великорусской территории происходит только со второй половины XVII в., когда имеет место разрушение церковнославянско-русской диглоссии и переход ее в церковнославянско-русское двуязычие. До этого история русского литературного языка – это история церковнославянского языка русской редакции.

Если церковнославянский язык не может служить в условиях диглоссии средством разговорного общения, то русский язык не имеет ничего общего с книжной (литературной) языковой нормой: тексты на русском (древнерусском) языке – в частности, памятники юридической, деловой, бытовой письменности – находятся вне сферы литературного языка и вне литературы, они не обработаны с точки зрения соответствия языковой норме. В определенной языковой ситуации – в частности, в той, какая имела место в Киевской Руси, – именно применение достаточно строго нормированного литературного языка, т. е. того языка, которому специально обучались грамотные люди, может служить критерием для суждения о принадлежности памятника письменности к кругу «литературных» (с точки зрения существующей эпохи) произведений. Иначе говоря: именно соблюдение норм литературного языка позволяет в этих условиях определить отношение рассматриваемого текста к «литературе». Понятие «литературного языка» выступает тогда как первичное по отношению к «литературе». Возможна и иная ситуация, когда, напротив, литературный язык ориентируется на употребление в контексте литературы. В этом случае понятие «литературы» является первичным по отношению к «литературному языку» – именно такая ситуация, в частности, характерна для России с XVIII в.

Определение языковой ситуации Древней Руси как диглоссии ставит историка русского литературного языка перед необходимостью пересмотреть ряд проблем, которые традиционно решались, исходя из презумции церковнославянско-русского двуязычия. К таким проблемам относится прежде всего вопрос о взаимном влиянии церковнославянского и русского языком и вопрос о критериях выбора между двумя языками в процессе языковой деятельности.

Взаимное влияние церковнославянского и русского языка и проблема границы между ними

Сосуществование двух языков в рамках диглоссии – книжного церковнославянского и разговорного русского – не исключает возможности взаимного влияния их друг на друга. Тем не менее, русское влияние церковнославянский язык, вопреки Шахматову, не приводит к **ассимиляции** церковнославянского языка, но сводится лишь к его адаптации на русской почве. В процессе такой адаптации определенные языковые элементы, восточнославянские по своему происхождению, усваиваются церковнославянским языком русской редакции, т. е. допускаются нормой церковнославянского языка. Первоначально соответствующие формы входят в церковнославянскую языковую норму на правах факультативных вариантов, которые конкурируют в церковнославянском языке русской редакции с коррелятными формами южнославянского происхождения, выступая в качестве допустимых отклонений от нормативных южнославянских форм. В дальнейшем, по мере освобождения от влияния южнославянских протографов – этот процесс имеет место по крайней мере с начала XII в. – соответствующие восточнославянские формы начинают восприниматься как нормативные, тогда как южнославянские написания могут допускаться лишь в качестве вариантных.

Таким, образом, если в начале русская церковнославянская орфография фигурировала как допустимое – в пределах нормы – отклонение от южнославянской, то с XII в. положение меняется: южнославянская орфография представляет собой допустимое отклонение от русской нормы. Существенно, что с конца XII в. южнославянские написания могут исправляться в рукописях на русские, и это наглядно свидетельствует о том, что соответствующая русская форма признается правильной, а южнославянская расценивается как неправильная. Так в процессе адаптации церковнославянского языка на русской почве образуется специальная норма русского церковнославянского языка.

Необходимо, таким образом, отличать признаки церковнославянского языка русской редакции, входящие в норму этого языка, от признаков живого русского языка, находящихся вне этой нормы; иначе говоря следует различать русизмы как явление книжного языка (определяющие специфику русского извода церковнославянского языка по сравнению с другими изводами) и русизмы как явления живой речи (определяющие противопоставление книжного и некнижного языка на Руси).<...>

Говоря о церковнославянской языковой норме, следует иметь в виду ее принципиальную вариативность, которая, между прочим, определяет возможность разных написаний одного и того же слова (как у разных писцов, так даже и у одного писца); такая вариативность особенно ярко проявляется в текстах, написанных разными писцами, которые могут следовать при этом разным орфографическим принципам. Вариация написаний определяется, с одной стороны, колебаниями между южнославянскими написаниями (отражающими влияние протографов) и русскими написаниями (отражающими специальную норму русского церковнославянского языка), с другой стороны – колебаниями между написаниями, отражающими орфографическую традицию (влияние графического традиционализма), и написаниями, ориентированными на книжное произношение (влияние фонетического традиционализма). Колебания такого рода могут быть допустимы в рамках книжной языковой нормы; напротив, окказиональное влияние живой речи, которое также может иметь место в церковнославянском тексте, нарушает эту норму. Соответственно, именно граница между книжным и некнижным языком приобретает в этих условиях принципиально важное значение, определяя представления о языковой норме.

Адаптация церковнославянского языка на русской почве, в процессе которой по мере освобождения от южнославянских протографов образуется специальная норма церковнославянского языка, осуществляется прежде всего на фонетическом уровне; основным фактором здесь оказывается книжное (церковное) произношение. Соответственно, в древнейший период (до второго южнославянского влияния) орфография в общем ориентируется – в большей или меньшей степени – на книжное произношение, ему подчиняется и им проверяется; в частности, писцы стремились выдержать усвоенную ими у южных славян орфографию лишь в тех случаях, когда она не вступала в конфликт с книжным произношением. Русская церковная орфография стабилизировалась не сразу, тогда как произносительная норма установилась,

видимо, достаточно быстро – это было вызвано практической необходимостью читать богослужебные тексты. Будучи непосредственно связано с практикой богослужения, книжное произношение требовало единообразия, и можно полагать, что единая норма произношения как элемент церковного обряда усваивалась по мере распространения христианского учения; таким образом, первоначально книжное произношение было, по-видимому, более или менее одинаковым на всей территории Древней Руси. Напротив, орфография в отличие от произношения изначально допускала значительный диапазон колебаний, поскольку с самого начала на Русь попадали книги с различными орфографическими системами. Соответственно, умение читать было повсеместным и входило в процесс элементарного религиозного образования; что в принципе предполагало единую систему чтения, - умение писать не было столь повсеместным, поскольку оно не связано непосредственно с сакральным моментом. Таким образом, обучение церковнославянскому языку связывалось прежде всего с обучением чтению по нормам книжного произношения, тогда как умение писать представляет вторичное явление: если правописанию и обучали, то во всяком случае не повсеместно, а лишь в специальных скрипториях. Естественно, что в этих условиях написание может подчиняться произношению и иногда выступает как письменная фиксация (транскрипция) традиционного книжного произношения. Соотношение между произносительной и орфографической нормой представляет собой ключевой момент при типологической характеристике памятника письменности: при анализе церковнославянских текстов необходимо отдавать себе отчет, какое место занимает рассматриваемый текст на шкале, крайние точки которой определяются отражением протографа, с одной стороны, и транскрипцией книжного произношения, с другой.

Таким образом, книжное произношение выступает как принципиально важный стабилизирующий фактор в становлении орфографическим норм русского церковнославянского языка. При этом книжное произношение в ряде моментов может быть не противопоставлено живому произношению, т. е. может совпадать с живым произношением и генетически быть им обусловленным. В подобных случаях и проявляется русское влияние на церковнославянский язык.<...>

Русское влияние на церковнославянский язык, определившее формирование и эволюцию церковнославянского языка русского извода, было ограниченным, поскольку влиянию такого рода противодействовал языковой консерватизм книжной нормы: русская языковая стихия проходила, таким образом через фильтр церковнославянской нормы, которая в одних случаях допускала проникновение русских элементов, а в других – противодействовала влиянию разговорного языка на книжный. Напротив, церковнославянское влияние на русский язык в принципе не испытывало подобных ограничений, поскольку для русского языка не существовало никакой кодифицированной формы; соответственно, русская речь свободно заимствует элементы церковнославянского текста, после чего окказиональные заимствования в речи могут закрепляться в языке.<...>

Церковнославянское влияние на разговорный язык отразилось, по-видимому, в русских говорах, где широко представлены неплогогласные формы. Разумеется, не всегда можно отличить древние заимствования из церковнославянского от более поздних, однако в ряде случаев имеет место характерное расхождение значений между аналогичными по форме церковнославянскими и диалектными словами, которое может указывать на древность заимствования.<...>

Церковнославянские влияние на русский язык, проявляясь непосредственно в разговорной речи, тем более должно было проявляться в письменной (некнижной) речи – этому способствовал сам процесс письменной фиксации текста. В самом деле, привычки письменного изложения у любого писца естественно связывались с обучением церковнославянской грамоте; соответственно, книжные навыки, усвоенные при таком обучении, могли автоматически отражаться на письме. Отсюда объясняются, между прочим, элементы церковнославянской офрографии в деловой письменности.

Славянизация русского языка (главным образом на лексическом уровне) способствовала характерному для диглоссии восприятию русского языка как отклонению от книжного церковнославянского, т. е. конечном итоге способствовала становлению и стабилизации диглоссии как языковой ситуации. Как бы ни был славянизирован русский язык, он все равно является в языковом сознании простым, некнижным: любое **сознательное** отклонение от церковнославянской языковой нормы в принципе дает возможность воспринимать текст как просторечный. Вместе с тем, поскольку русский язык свободно эволюционирует на глазах у носителя языка, а церковнославянский (кодифицированный) язык остается более или менее стабильным, процесс языковой эволюции закономерно воспринимается как порча, удаление от исходного состояния; церковнославянский язык в силу своей стабильности отождествляется с исходным состоянием языка, с языком-предком (лишь во второй пол. XVIII в. против такого понимания выступают Ломоносов и Барсов, а затем Карамзин, Каченовский, Востоков). [Цитирую по: Успенский Б.А. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI – XIX вв.). – М.: «Гнозис», 1994. – С. 3 – 42. <https://ksana-k.ru/?p=3670>]

2. ПАМЯТНИКИ ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ КИЕВСКОЙ РУСИ

2.1. Русская правда

Русская правда – свод древнерусского права эпохи Киевского государства и феодальной раздробленности. Дошла до нас в списках XIII – XVIII вв. в 3 редакциях: Краткой, Пространной и Сокращённой. В основе «Русской правды» лежали обычное право, княжеское законодательство, судебная практика. Краткую редакцию «Русской правды» составляет Правда Ярослава («Древнейшая Правда», связанная с именем Ярослава Мудрого, Правда Ярославичей и др.). «Русская правда» отразила в своём тексте эволюцию древнерусских общественных отношений XI – XIII вв.

Язык «Русской Правды» близок к разговорному языку восточных славян. Здесь употребляются типичные слова русской речи: полногласные формы (**борода, солод**), начальное ро, ло (**лодья, роботать**), начальное о (**одной матери**), встречаются общественно-политические, юридические, производственно-бытовые термины, восходящие к разговорной речи русичей: добытък – имущество (старослав. **именне**), задница (старослав. **наследне**). Значительная группа слов, встречающихся в данном памятнике, употребляется и в наши дни: **горох, корова, молоко, сено, свобода, хлеб** и др. Синтаксические особенности также свидетельствуют о русской основе языка «Русской Правды»: сочинительные отношения реализуются посредством союзов **а, и, либо, либо, да, нъ**, подчинительные – чаще всего условными союзами **аже, оже, оже ли, а оже ли**.

Уголовное право

Как и другие ранние правовые памятники, Русская Правда отличает убийство неумышленное, «**в сваде**», то есть во время ссоры, от умышленного - «**в обидѣ**», и от убийства «**в разбое**». Различалось причинение тяжкого или слабого ущерба, а также действия, наиболее оскорбительные для пострадавшего, например, отсечение усов или бороды, каравшиеся более высоким штрафом, чем отсечение пальца. Русская Правда содержит следы характерного для традиционных обществ принципа ответственности - кровной мести.

Уголовные санкции

Кровная месть

Правда Ярослава санкционировала кровную месть, но ограничивала круг мстителей определёнными ближайшими родственниками убитого. Ст. 1 Краткой Правды: «**Убьеть муж мужа, то мьстити брату брата, или сынови отца, либо отцю сына, или братучаду, либо сестрину сынови; аще не бѣдетъ кто мьстя, то 40 гривенъ за голову**». За убийство могли мстить брат за брата, сын за отца, отец за сына, племянник за дядю. В остальных случаях, а также в случае, если мстителя не находилось, убийца обязан был уплатить виру – штраф за убийство в пользу князя. В третьей четверти XI века кровная месть была законодательно запрещена сыновьями Ярослава

Мудрого (ст. 2 Пространной Правды). Н. А. Максимейко считал, что месть, упоминаемая Русской Правдой, была не досудебной кровной местью (самостоятельной расправой), а исполнением судебного приговора, на основании которого преступник выдавался родственникам убитого для расправы. Аналогичная практика присутствовала в более поздней правовой системе Литовского государства, основанной на древнерусском праве.

Штрафы в пользу князя

Княжеские штрафы и частные вознаграждения в Русской Правде исчислялись в гривнах, кунах, гривнах кун и других денежных единицах.

Вира – штраф за убийство свободного человека («**а в холопѣ и в робѣ виры нѣтутъ**», ст. 84 Пространной Правды). Величина виры зависела от знатности и общественной значимости убитого. За княжеского мужа, тиуна огнищного и конюшего платилась вира в 80 гривен. За княжеского отрока, конюха, повара или простого свободного мужчину без определенного социального статуса платилась вира в 40 гривен. За убийство ремесленника или ремесленницы полагалось наказание в 12 гривен, за смерда и холопа – 5 гривен, за рабыню – 6 гривен, за рядовича – 5 гривен, за тиуна княжеского сельского или руководящего пахотными работами – 12 гривен, за кормильца – 12 гривен, столько же и за кормилицу, «**хотя си буди холопъ, хотя си роба**» (даже если это холоп или рабыня). За убийство свободной женщины без определенного социального статуса платилась вира в 20 гривен.

Полувирьѣ – штраф за тяжкие увечья свободному человеку: «**дче ли утнеть рѹкѹ, и отпадетъ рѹка или усохнеть или нога, или око, или нос утнеть, то полувирьѣ 20 гривенъ, а тому за вѣкъ 10 гривенъ**» (ст. 21 Пространной Правды).

Продажа – штраф за другие уголовные преступления – нанесение менее тяжких телесных повреждений, кражу и др. Исчислялся различными суммами, но, как правило, небольшими в сравнении с вирой.

Плата пострадавшим

Головничество (ст. 4 Пространной Правды) – плата в пользу родственников убитого.

Плата «**за обиду**» - как правило, плата потерпевшему.

Урок – плата хозяину за украденную или испорченную вещь или за убитого холопа.

Поток и разграбление

Наиболее тяжкими преступлениями считались разбой, поджог и конокрадство. Преступник подвергался потоку и разграблению. Первоначально это была высылка преступника и конфискация имущества, позднее преступник обращался в рабство, а имущество его подвергалось разграблению.

«**Будеть ли сталъ на разбои безъ всякоя свады, то за разбойника люди не платятъ, но выдадять и всего съ женою и с дѣтми на потокъ и на разграбленне**» (ст. 5 Пространной Правды).

«**аще будеть коневии тать, выдати князю на потокъ**» (ст. 30 Пространной Правды)

«Аже зажъжетъ гѹмно, то на потокъ и на грабежъ домъ его, переди пагубѹ исплатившю, а въ процѣ князю поточити и. Тако же аже кто дворъ зажъжетъ» (ст. 79 Пространной Правды).

Частное право

По Русской Правде купец мог отдавать имущество на хранение (**поклажа**). Совершались ростовщические операции: в рост давались деньги – отданное (**исто**) возвращалось с процентами (**рѣзы**), или продукты с возвратом в пропорционально большем размере. Подробно представлены нормы наследственного права. Предусматривалось наследование как по закону, так и по завещанию, «**рядѹ**».

Процессуальное право

Уголовные правонарушения рассматривал княжский (княжеский) суд – суд, осуществлявшийся представителем князя. Пойманного на дворе в ночное время вора можно было убить на месте или вести на княжский суд.

По гражданским делам процесс носил состязательный (обвинительный) характер, при котором стороны были равноправными и сами осуществляли процессуальные действия. Предусматривался определённый порядок взыскания долга с несостоятельного должника.

Некоторые понятия

«**Заклнчють и на торгѹ**» - объявление о совершившемся преступлении (например, о пропаже имущества) в людном месте, «**на торгѹ**». Объявлялось о пропаже вещи, обладавшей индивидуальными признаками, которую можно было опознать. Если пропажа обнаруживалась по истечении трёх дней с момента объявления, тот, у кого она находилась, считался ответчиком.

«**Сводъ**» - многозначный термин. Мог означать показания свидетелей или процедуру поиска пропавшей вещи. В последнем случае лицо, у которого обнаружили пропавшую вещь, должно было указать, у кого эта вещь была приобретена. Свод продолжался до тех пор, пока не доходил до человека, не способного дать объяснения, где он приобрел эту вещь. Он и признавался вором (**татем**). Если свод выходил за пределы общины, где пропала вещь, он продолжался до третьего лица, на которого возлагалась обязанность уплатить собственнику стоимость вещи и право далее самому продолжать свод.

«**Слѣдъ гнати**» (ст. 70 Пространной Правды), **гонение следа**. Если вор не будет обнаружен, его ищут по следу; если след приведет к селу или к торговому стану и люди не отведут от себя следа, не поедут вести расследование или силой откажутся, они должны платить за украденное и штраф князю и вести расследование с другими людьми и со свидетелями; если след потеряется на большой торговой дороге и рядом не будет села или будет незаселенная местность, украденное не возмещается и штраф князю не платится.

Судебные доказательства

Вещественные доказательства, внешние признаки. Так, наличие синяков или крови на пострадавшем было достаточным доказательством того, что его избил тот, кого он обвинял.

*Если вещественных доказательств не было, применялись свидетельские показания – **свод**. Различалось две категории свидетелей – **видоки** и **послухи**. **Видоки** – очевидцы факта. **Послухи** – лица, которые слышали о случившемся от кого-либо, имеющие сведения из вторых рук. Под послухами могли пониматься и свидетели доброй славы, которые должны были показать, что ответчик или истец – люди, заслуживающие доверия.*

Если не было и свидетелей, для решения тяжбы обращались к Богу. Истец или ответчик подтверждали свои показания особым образом: или на роту или обращались к Божьему суду – подвергались испытанию водой или железом (то же, что западноевропейские ордалии). В частном праве эти виды доказательств зависели от суммы иска. При наименьшей сумме иска на роте, если сумма больше – испытание водой, при самой высокой сумме – испытание железом.

«Идти на роту» означало принести присягу, то есть совершить целование креста (крестоцелование) или иконы и произнести свои показания. Считалось, что, совершив такую присягу, человек не может лгать, иначе будет обречён на вечные муки в загробной жизни. Если человек выносил испытание водой или железом, считалось, что он делает это с Божьей помощью и его показания верны.

*Русская Правда не упоминает судебный поединок – **поле** (разновидность Божьего суда), известный по другим русским источникам. В. О. Ключевский считал, что составитель Русской Правды игнорировал этот правовой обычай, поскольку принадлежал к духовенству, а сама Русская Правда предназначалась для потребностей церковного суда. Н. А. Максимейко объяснял отсутствие упоминаний поля тем, что Русская Правда возникла в Южной Руси, где, по его мнению, судебные поединки не практиковались.*

Пространная русская правда (по Троицкому списку второй половины XIV в.)

Судь Ярославль Володимеричь Правда Р҃чьская

1. *Дже оубиеть м҃жь м҃жа, то мьстити брат҃у брата, любо отцю, ли сын҃у, любо брат҃чадо, ли братню сынови; аще ли не б҃детъ кто его мьстя, то положити за голову 80 гривенъ, аче б҃детъ княжь моужь или тио҃на княжа; аще ли б҃детъ р҃синъ, или гридь, любо к҃пець, любо тив҃нъ боярескъ, любо мечникъ, любо изгон, ли словенинъ, то 40 гривенъ положит и за нь.*

2. *По Ярославе же паки совкупившеся сынове его: Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ и м҃жи ихъ: Коснячко, Перенегъ, Никифоръ, и отложиша оубиение за голову, но к҃нами ся выкупати; а ино все*

якоже Ярославъ судилъ, такоже и сынове его оуставиша.

О оубинстве

1. Аже кто оубиеть княжа мѹжа в разбои, а головника не ищють, то виревнѹю (а) платити, въ чьей же верви голова лежитъ то 80 гривенъ; паки ли людинъ, то 40 гривенъ.

2. Которая ли вервь начнетъ платити дикѹю верѹ, колико летъ заплатитъ тѹ вирѹ, зане же безъ головника имъ платити. Бѹдетъ ли головникъ ихъ въ верви, то зань к нимъ прикладываетъ, того же деля имъ помагати головникоѹ, любо си дикѹю верѹ; но сплати имъ во обчи 40 гривенъ, а головничьство самому головнику; а въ 40 гривенъ емѹ заплатити ис дружины свою часть. Но оже бѹдетъ оубилъ или въ сваде или в пирѹ явлено, то тако емѹ платити по верви ныне, иже ся прикладываютъ вирую.

А придетъ кровавъ моужь

1. Аже придетъ кровавъ мѹжь на дворъ, или синь, то видока емѹ не искати, но платити емѹ продажу 3 гривны; аще ли не бѹдетъ на немъ знаменья, то привести емѹ видокъ слово противѹ слова; а кто бѹдетъ почалъ, томѹ плати 60 кѹнъ; аче же и кровавъ придетъ, или бѹдетъ самъ почалъ, а вылезѹтъ послѹси, то то емѹ за платежь, оже и били.

2. Аже оударить мечемъ, а не оутнетъ на смерть, то 3 гривны, а самому гривна, за ранѹ же лечевное; потнетъ ли на смерть, а вира.

3. Аче попѹхнетъ мѹжь мѹжа любо к себе ли от себе, любо по лицу оударить, ли жердью оударить, а видока два выведѹтъ, то 3 гривны продажи; аже бѹдетъ варягъ или колбягъ, то полная видока вывести и идета на ротоѹ.

Аже кто всядеть на чюжь конь

1. Аже кто всядеть на чюжь конь, не прашавъ, то 3 гривны.

2. Аче кто конь погѹбитъ, или оружье, или портъ, а заповестъ на торгѹ, а после познаеть въ своем городе, свое емѹ лицемъ взяти, а за обиду платити емѹ 3 гривны.

3. Аже кто познаеть свое, что бѹдетъ погѹбилъ или оукрадено оѹ него что и, или конь, или портъ, или скотина, то не рци и: се мое, но поиди на сводъ, кде естъ взялъ; сведитесь, кто бѹдетъ виноватъ, на того татва снидетъ, тогда онъ свое возметъ, а что погивло бѹдетъ с нимъ, то же емѹ начнетъ платити.

4. Аще бѹдетъ коневин тать, выдати князю на потокъ; паки ли бѹдетъ клетнын тать, то 3 гривны платити емоѹ.

О татве

Паки ли бѹдетъ что татевно кѹпилъ в торгѹ, или конь, или портъ, или скотинѹ, то выведеть свободна мѹжа два или мытника; аже начнетъ не знати, оѹ кого кѹпилъ, то ити по немъ темъ видокомъ на ротѹ (а), а истьцю свое лице взяти; а что с нимъ

погибло, а того ему желети, а оному желети своихъ кунъ, зане не знаетъ оу кого купивъ; познаеть ли на долзе оу кого то купилъ, то свое куны возметь, и сему платити, что оу него будетъ погибло, а князю продажу.

О жене, аже ворчеться седети

108

1. Аже жена ворчеться седети по мужи, а ростеряеть добыток и поидеть за мужь, то платити ей все детемъ. Не хотети ли начнутъ дети ей ни на дворе, а она начнетъ всяко хотети и седети, то творити всяко волю, а детемъ не дати воли; но что ей далъ мужь, с тем же ей седети, или, свою часть взяше, седети же.

2. А матерня часть не надобе детемъ, но кому матери дасть, тому же взяти; дасть ли всемъ, а вси разделять; безъ языка ли оумреть, то оу кого будетъ на дворе была и кто ю кормилъ, то тому взяти.

3. Аже будутъ двою мужю дети, а единое матери, то онемъ своего отца задница, а онемъ своего. Будеть ли потерялъ своего иночима что, а онехъ отца, а оумреть, то възворотитъ брату, на не же и людье вылезутъ, что будетъ отецъ его истерялъ иночимля; а что ему своего отца, то держитъ.

4. А матери который сынъ добръ, перваго ли, другаго ли, тому же дасть свое; аче и вси сынове ей будутъ лиси, а дчери можетъ дати, кто ю кормить.

Источники:

<http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4947>

<http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/RP/prp.htm> (Текст с пояснениями)

<http://starorus.oreluniver.ru/wp-content/uploads/2018/12/%D0%A0%D1%83%D1%81%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F-%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%B4%D0%B0.pdf>

2.2. Грамота великого князя Мстислава Владимировича и его сына Всеволода 1130 г.

Грамота князя Мстислава – это древнейшая грамота Древней Руси. Она определяет вклады Мстислава Юрьеву монастырю, в число которых входят волость Буицы с данями, вирами и продажами, 25 гривен из осеннего полюдья и серебряное блюдо весом 30 гривен. Здесь же сделана приписка, которую исследователи читают как «вено во(т)ское» или «вено(ло)чкое» и трактовка которой до сих пор остается весьма спорной.

Грамота была найдена епископом (впоследствии митрополитом) Евгением (Болховитиновым) в 1804 году «в куче гнилых бумаг Юрьева монастыря». В 1818 году им было предпринято первое монографическое издание памятника, которое по существу положило начало развитию русской дипломатики.

Се азъ Мѣстиславъ Володимиръ сынъ, държа Роусьскѣ землю, въ свок княженіе повелѣлъ ксмь сынѣ свокмѣ Всеволодоу Ѡдати Боуицѣ святому Геургиеви съ данію, и съ вирами, и съ продажами, и вено во...кое. Даже который князь по мокмь княженіи почнетъ хотѣти Ѡйти ꙗко ꙗко святого Геургия богъ боуди за тѣмь и святая богородица, и тѣ святын Геургии ꙗко него то отимають. И ты, игумене Исакъ, и вы, братиѣ, донелѣ же сѣ миръ състоитъ, молитѣ бога за ма и за моѣ дѣти, кто сѣ изоѡтанетъ въ монастыри, то вы тѣмь дължны есте молити за ны бога и при животѣ и въ смърти. А газъ далъ роукою своєю и осенникъ полюдик даровьнокъ, полѣтретинадесате гривнѣ святому же Геургиеви. А се га Всеволодъ далъ ксмь блюдо серебряно въ 30 гривнѣ серебра святому же Геургиеви; велѣлъ ксмь бити въ нѣ на обѣдѣ, коли игоуменъ ѡбѣдають. Да же кто запъртитъ или тѣ дань и се блюдо, да соудитъ кмѣ богъ в день пришествія своѣго и тѣ святын Геургии.

Источники:

<https://www.prlib.ru/item/407072>

<https://1981dn-dn.livejournal.com/17323.html>

<http://starorus.oreluniver.ru/pamatniki-drevnerusskoi-knijnosti/gramota-knaza-mstislva/>

2.3. Грамота Мстислава Давыдовича с Ригою и готским берегом

Договорная грамота смоленского князя Мстислава Давыдовича с Ригою и Готским берегом (Договор Смоленска с Ригою и Готским берегом, Смоленская торговая правда) отражает содержание торгового соглашения (договора), которое было заключено в 1229 году между Смоленским, Витебским, Полоцким княжествами и Ригою и Готландом (Готским берегом).

Договор сохранился в шести копиях (им присвоены латинское буквенное именование, принятое в науке после публикации текстов в Русско-Ливонских актах), которые подразделяются на две редакции. К так называемой готландской редакции относятся списки А, В, С; к рижской редакции – списки D, E, F. Разделение на редакции связано с тем, что списках указываются разные даты заключения договора, поскольку их составители пользовались разными календарями (один – мартовским, другой – юлианским), поэтому в готландской редакции указан 1228 год, а в рижской – 1229 год.

Копии А, В, С, D, E написаны на отдельных листах пергамента и хранятся в Рижском государственном городском архиве.

Первое издание было осуществлено А. Малиновским в книге «Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел (часть вторая, Москва, 1819).

Копия F входит в состав знаменитого Мусин-Пушкинского юридического сборника середины XIV века, который был издан Д. Дубенским в «Русских достопамятностях» (1843), хранится в Российском государственном архиве древних актов.

Длительное время считалось, что копии договоров были переведены с иноязычных источников: готландская редакция – с нижненемецкого языка, рижская – с латыни. Сейчас существует альтернативная точки зрения о том, что договор был написан на древнерусском языке особенно в той части, где излагаются его условия.

**Что ся деете по веремьнем. то отидето по верьмьнемь. приказано
бүдете добрым людем. а любо грамотою үтвердятъ. како то
бүдете всем ведом, или кто послъ живын останеться. того лет коли
алъбрахт. владыка ризкин үмьрл. үздүмал князе смольнескын.
мьстислав. давидов сын. прислал в ригү своего лүчьшого попа,
ерьмея и с ним үмьна мүжа Пантелья. и своего горда смольнеска.
та два была послъмъ ү ризе, из ригы ехали на гочкын берьго.
тамо твердити мир. үтвердили мир что был немирно, промьжю
смольньска. и ригы. и готскимь берьгомь. всем күпчем. Пре сеи
мир трүдили ся дъбрин людие. Ролфо. ис кашеля виж дворянин,
түмаше смолнянин. аж бы миро был и дъ века, үрядили пак мир.
како был любо рүси. и всемү латинескомү языкү, кто то ү рүсе
гостить. На томь мирү аж бы мир твьрд был. тако был князю
любо, и рижанъм всем и всемү латинескомү языкү. И всемь темь
кто то на үстоко моря ходить, аж бы нальзл правдү, то напсати.
како то держати рүси. с латинескимь языкоме. и латинескомү
языкү с рүсию. то держати. Аж быхъм что тако үчинили, того
бог не дай. аж бы промьжю нами бои был. а любо человека
үбиють до смьрти. како человека то отплатити. аж бы мир не
ръздрушен был. так платити. како то бы обoим любо были. Зде
починаеть ся правда. Аже бүдетъ своводеныи человек үбит 10
гривен серебра, за голъвү. Аж бүдете холъп үбит 1 гривна
серьбра заплатити, ү смольнескъ тако платити. и ү ризе, и на
готскомь берьзе. Око. рүка. нъга. или ин что любо, по пяти
гривьн серьбра. от всякого, платити за окъ 5 серьбра, за рүкү
5 серьбра, за нъгү 5 серьбра. и за всякын сүстав, пять гривьн
серебра. За зүв 3 гривн серебра, и смольньск. и ү ризе, и на
гочкомь березе. Кто вьетъ дръга, деревъмь. а бүдете синь, любо
кравав, полуторы гривны серебра платити емү. по үхү үдарите
3 четверти серебра, послү, и попу, что үчинять, за двое того
үзяти. два платежя. Аже кого үранять. полуторы гривны серебра,
аже бүдете без века. Тако платити. ү смоленеске. и ү ризе и на
гочкомь берьзе. Аже извинить ся рүсин, ү ризе, или на гочкъмь
березе, ү дывү его не сажати. Аже извинить ся латинин. ү смольнеске, не
мьтати его ү погреб. Аже не бүдете порүкы то ү жельза
үсадить. Аже латинин дасть. рүсинү товар свои ү дълго. ү
смольнеске. заплатити немчинү пьрвее. хотя бы инъмү комү виноват**

2.4. Договорная грамота Александра Ярославича Невского с новгородцами

Договорная грамота сохранилась в единственном списке. Написана на длинном пергаменном листе. После текста данной грамоты тем же почерком записан предшествующий Договор Новгорода с Готским берегом и немецкими городами о мире, о посольских и торговых отношениях и о суде 1189 – 1199 гг. Имеются два комплекта печатей: три серебряные с позолотой печати на красных шелковых шнурках у верхнего края и три свинцовые печати, которые оттиснуты по тем же матрицам, на нитяных шнурках у нижнего края: печать архиепископа Далмата, печать князя Ярослава Ярославича, печать Новгорода. Договорная грамота Александра Невского активно исследовались в исторической науке и неоднократно издавалась.

Се азъ князь Олександръ и сынъ мой Дмитрии, с посадникомъ Михаилъмъ, и с тысяцькимъ Жирославомъ, и съ всѣми новгородци докончахомъ миръ с посломъ нѣмецкимъ Шивордомъ, и с любьцькимъ посломъ Тидрикомъ, и с гъцькимъ посломъ Олъстенъмъ, и съ всѣмъ латиньскимъ языкомъ. Что ся учинило тяже межи новгороци и межи нѣмци, и гты, и со всѣмъ латиньскимъ языкъмъ, то все отложихомъ, а миръ докончахъмъ на сен правдѣ. Новгородцмъ гостити на Гоцкыи берегъ бес пакости, а нѣмцмъ и гтмъ гостити в Новъгородъ бес пакости и всему латиньскомуу языку, на старын миръ. Пудъ отложихомъ, а скалви поставихомъ по своей воли и по любви. А в Ратшину тяжю платили есмы 20 гривнъ серебра за двѣ голове, а третьюю выдахомъ. А нѣмцмъ, и гтмъ, и всему латиньскомуу языку платити по двѣ кунѣ от капи и от всякого вѣснаго товара, что кладутъ на скалви, и продаше и купивше. А старын миръ до Котлингъ. А новгородцмъ въ становищи на Гоцкомъ верезѣ бес пакости, въ старын миръ. А зимни гость, оже не поиметь нашего посла, ни новгородцкыхъ купецъ из Новагорода или съ Гъцького берега, а что ся учинить ис Котлингъ до Новагорода или из Новагорода до Котлингъ немецкъму гости, оже бес посла поидутъ, то Новугороду тяжя не надобе, въ старын миръ. Оже кто гоститъ в Корѣлу, или нѣмци или гтяне, а что ся учинить, а то Новугороду тяжя не надобе. А которыхъ трее дворць въпросили ваша братья послы, а тѣхъ ся есмы отступили по своей воли. А се старая наша правда и грамота, на чемъ цѣловали отци ваши и наши крестъ. А гдѣ ся тяжя родить, тѣ ю кончати. А иное грамоты у нас нѣтутъ, ни потаили есмы, ни вѣдаемъ. На томъ крестъ цѣлуемъ.

2.5. Договорная грамота Новгорода с великим князем Ярославом Ярославичем (1270)

Новгородская земля была боярской республикой, важнейшие вопросы жизни которой решались боярской верхушкой и утверждались на вече. Князей новгородцы приглашали на службу своей земле и заключали с ними договор. Князь приносил присягу Новгороду и всем новгородцам, после чего целовал крест.

В данной договорной грамоте перечислены обязанности князя Ярослава Ярославовича править по старине, не назначать своих управляющих в новгородские волости и не раздавать земли.

Благословение от владыкы, поклонъ от посадника Павше, и от всѣхъ старѣишихъ, и от всѣхъ меншихъ, и от всего Новгорода къ господину князю Ярославу. На семь, княже, цѣлѣи хрьстъ къ всему Новгороду, на цѣль то цѣловали дѣди и отецъ твои Ярославъ. Новгородъ ти дѣржати въ старинѣ, по пошлнѣ. Что волостии всехъ новгородскихъ, тѣхъ волостии, княже, не держати ти своими мѹжи, нѣ держати мѹжи новгородскими; а даръ, княже, тебе имати от техъ волостии. А бес посадника ти, княже, суда не судити, ни волостии раздавати, ни грамотъ ти даяти. А кому волости роздаялъ Дмитрии съ новгородци и Александръ, братъ твои, тѣхъ волостии тебе без вины не лишати. А что ти, княже, пошло на Торожкѹ и на Волочѣ: тивѹнъ свои дѣржати на своей чясти, а новгородецъ на своей чясти. А въ Бежичяхъ тебе, княже, ни твоей княгыни, ни твоимъ бояромъ, ни твоимъ слѹгамъ селъ не держати, ни купити, ни даромъ примати, и по всей волости Новгородской. А се, княже, волости новгородские: Волокъ съ всеми волостями, Торжекъ, Бежиче, Городецъ Палиць, Мелечя, Шипино, Егна, Заволочье, Ёрѣ, Перемь, Печера, Юграг Вологда. А в Рѹсѹ ти, княже, ездити на третнюю зиму. А лѣттѣ, княже, ездити на Озвадо звери гонитъ. А в Ладогѹ, княже, слати осетръникъ и медовара по грамоте отца своего Ярослава; а тѹ грамотѹ, княже, отъялъ еси, а та грамота, княже, дати ти назадъ. А в Ладогѹ, княже, ездити на третнее лѣто. А из Бежиць, княже, людии нѣ выводите въ свою волость, ни изъ инои волости новгородской, ни грамотъ имъ даяти, ни закладниковъ примати ни твоей княгыни, ни бояромъ твоимъ, ни слѹгамъ твоимъ: ни смерда, ни купцины. А без виныти, княже, мѹжа без вины не лишати волости. А грамотъ ти не посѹжати. А поже, княже, что твое и твоихъ мѹжъ пошло, то твое и твоихъ мѹжъ. А что былъ отъялъ драгъ твои Александръ поже, то ти не надобе. А что, княже, грамоты посѹбилъ еси отца своего и брата своего, а свое грамоты подаялъ еси на ты грамоты, ты грамоты

отъимати, а старыѣ оправливати. А что, княже, братъ твои Александръ дѣялъ насиліе на Новгородѣ, того ти ся отступите. А дворяномъ твоимъ, како пошло, погонъ имати: от князя по 5 кунъ, а от тивуна по 2 куне. А что, княже, мытъ по Буждальской земли и въ твоей волости: от воза имати по 2 векши, и от лодье, и от хмѣлна короба, и от лняна. А дворяномъ твоимъ ꙗ купчевъ повозовъ не имати, разве ратной вѣсти. А свободъ ти, ни мытъ на Новгородской волости не ставити. А на Имоволозскомъ погостѣ куны ти имати и на Важанскомъ. А что еси, княже, отъимъ ꙗ Кюрили Хотуниче, далъ еси попу святаго Михаила, а городскимъ попомъ не пошло дани имати на новгородскомъ погостѣ, вдан опять. А холопъ или роба почнетъ вадити на господу, тому ти вѣры не яти. А на Низу, княже, новгородца не судити, ни дани ти раздавать. А что, княже, тебе было гнѣва на посадника и на весь Новгородъ, то ти, княже, все нелюбье отложити и от мала и от велика, не мщати ти ли судомъ, ни чим же. А кто почнетъ вадити к тебе, тому ти веры не яти. <...> А въ Немецкомъ дворѣ тебе торговати нашею братіею; а двора ти не затваряти; а приставовъ ти не приста[в]ливати. А про полонъ, кто кде заточенъ, или человекъ, или конь русьскыи и новгородскыи, то исправи. А село святой Софии исправи къ святой Софии. А до владыки, отча нашего, гнѣва ти не держати. На томъ, господине, на всемъ крѣстѣ цѣлѣи къ всему Новгороду. А гости нашему гостити по Буждальской земли безъ рѣбежа, по цесаревѣ грамотѣ. А судье слати на Петровъ день, тако пошло. А вывода, ти, княже, межи Буждальскою землею и Новъмьгородомъ не чинити. А что закладниковъ за Гюргемъ на Торожку или за тобою, или за кн[я]гынею, или за мѹжи твоими: кто купецъ, тотъ въ сто; а кто смердъ, а тотъ потягнетъ въ свои погостъ; тако пошло Новгородѣ, отпустите ихъ проць.

Источники:

<http://raritety.rusarchives.ru/dokumenty/dogovornaya-dokonchalnaya-gramota-novgoroda-velikogo-s-velikim-knyazem-vladimirskim-i-tverskim>

<http://www.illuminats.ru/component/content/article/27-2009-10-23-21-06-50/4029-novgorod-yaroslav-yaroslavich-of-tver-1270>

2.6. Берестяные грамоты

Берестяные грамоты представляют собой древнейшую форму фиксации записей на березовой коре, представляют интерес в плане изучения истории развития древнерусской письменности, истории общества и повседневной жизни, а также истории древнерусского языка.

О существовании письменности на бересте было известно до их официального обнаружения археологами. Так, есть сведения, что в Троице-Сергиевом монастыре во времена Иосифа Волоцкого писали на бересте. В архивах сохранилось немало старообрядческих документов и книг XVII – XIX века, написанных чернилами, но на бересте.

Первую коллекцию берестяных грамот собрал новгородский краевед и археолог-любитель С. В. Передольский. К сожалению, сам он не обладал достаточной квалификацией, чтобы читать и изучать берестяные грамоты. Большая часть экспонатов музея, организованная собирателем, была утрачена в 1920-е годы.

Позднее аналогичные находки были сделаны в 12 древнерусских городах: Великий Новгород, Старая Русса, Торжок, Смоленск, Псков, Тверь, Москва и др. Более всего грамот обнаружено именно в Великом Новгороде, поскольку их сохранности способствуют природные условия, а именно характер почвенного покрова.

Однако совершенно очевидно, что берестяные грамоты как форма деловой и частной переписки были повсеместно распространены в Древней Руси. Кроме того, археологи в раскопах находят заготовки для грамот – обрезанные листы березовой коры и писала – заостренные металлические или костяные стержни, которыми процарапывали буквы. Древнейшие писала относятся к слоям 953 – 989 годов.

Грамота №9 (примерно 1160–1180)

Письмо от Гостяты к Василью

Ѡ гостаты къ васильви кже ми отьць даалъ и роди съдаали а то за нимъ а нынѣ вода новоую женоу а мѣнѣ не вѣдасть ничьто же избивѣ роуки поустилъ же ма а иноую поалъ доеди добрѣ сътворѣ

Грамота №10 (примерно 1360–1380 гг)

Загадка о Ноевом ковчеге

естъ градъ межѣ новомъ и землею а к ному еде посолъ безъ пути самъ нимъ везе грамоту непсану

Грамота №49 (примерно 1410–1420 гг)

От Настасьи к братьям (сообщение о смерти Бориса).

поклонъ Ѡ настасьи къ гнѣ къ моки къ бѣратьи оу мене бориса в животѣ нѣтъ какъ се гсдо мною попецалѣте и моими дѣтми

Грамота №169 (примерно 1400–1410 гг)

Запись о сборе рыбного оброка

василевѣ софонтѣкѣва онтане послале овдокимѣ два клеща да щѣка с василевы рыбы клещъ послале клещѣстопане четворты

Грамота №377 (примерно 1280–1300 гг)

Ѡ микити к маланин поиди за мѣне азъ тѣбе хоцю а ты мене а на то послоухо игнато мо[иснѣвъ а] во жи[во](т)

Источники: <http://starorus.oreluniver.ru/pamatniki-drevnerusskoi-knijnosti/berrestanii-gramoti/>
<http://gramoty.ru/birchbark/>

3. ПАМЯТНИКИ ЦЕРКОВНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ КИЕВСКОЙ РУСИ

3.1. Митрополит Иларион. Слово о законе и благодати

«Слово о законе и благодати» написано выдающимся оратором и публицистом начала XI в. – киевским митрополитом Иларионом (1037 - 1050).

Митрополит Иларион был первым Киевским митрополитом русского славянского происхождения. Вероятно, князь Ярослав возвёл его в митрополиты по своей инициативе, в условиях либо какого-то конфликта с Византией (русско-византийская война происходила в 1043 году), либо просто стремясь к самостоятельности. Иларион был поставлен не патриархом, как того требовал канон, а собором епископов Руси (в, основном, кроме Илариона, греков), хотя разрешение константинопольского патриарха на это было, видимо, всё же получено до этого собора или хотя бы после него, так как в 1051 году все церковно-иерархические споры Руси и Византии закончились миром с согласием Киева и Константинополя о законности Илариона. Обстоятельства ухода или смерти Илариона неизвестны. К 1055 году митрополитом Руси стал грек Ефрем. В «Слове о законе и благодати» Иларион, восхваляя дела князя Владимира Красное Солнышко, проводит мысль о самостоятельности молодых народов. Многие историки видят в этом жесте желание Руси продемонстрировать автономию от Константинополя. Категорически отрицается влияние Византии и даже воздействие благодати как непреодолимой силы на решение Владимира крестить Русь, утверждается подобие Владимира и апостола Павла, сформировавшего христианское учение о благодати, что становится одним из главных аргументов в пользу синергической трактовки учения Павла о свободе воли и божественной благодати.

Существует свыше 50 разных списков XV – XVII веков. Но их анализ показывает, что оригинал составлен между 1037 и 1051 годами, так как автор обращается к пребывавшей в Киеве не позднее 1051 года и умершей в 1049 – 1056 годах Ирине-Ингигерде.

*«Слово» строится на противопоставлении «закона» («ветхого завета») и «благодати» («нового завета» - христианства). Противопоставление содействует прославлению русской земли, ее могущества. Язык произведения экспрессивный. Это создается широким употреблением антонимов (**живые и мертвые, малый и великий, раб и свободный, юный и старый, благословити и хулити**), синонимов (**сын, чадо, утроба, милый**), перифрастических построений (**дождь благодатный, млеко благодати, слуга будущему веку и христианство**), метафорических существительных, прилагательных и глаголов (**отряси сон, церкви цветущи**), а также сложных слов, среди которых*

употребительны существительные, оканчивающиеся на -ство, -ение, -ние, -ие (словоохотие, многобожество и др.).

Иларион пересказывает ветхозаветную историю Агари, служанки Авраама, и его жены Сарры, приравнивая Исаака («свободного сына свободной матери») к последователям христианства, а Измаила («сына рабыни») – к иудеям. Иларион подчеркивает, что Закон появился до благодати так же, как Измаил родился до Исаака. Поэтому как Авраам отверг Агарь, так Господь отверг и прежний Израиль (Мф. 21:43). Евангелие распространится по всей земле, в то время как «озеро Закона пересохло».

**О законе Моисеом даннем ему и о благодати и истине Исус Христом
бывшим дъа и похвала кагану нашему Владимиру**

Благословен господь бог Израилев, бог христианск, яко посети и сътвори избавление людем своим, яко не презре твари своея до конца идольским мраком одержиме быти и бесовским служением, но оправди прежде племя Авраамле скрижальми и законом, послежде Сыном своим вся языки спасе евангелием и крещением, и вводя в обновление пакыбытия в жизнь вечную. Закон бо предтеча бе и слуга благодати и истине, истина же и благодать слуга будущему веку, жизни нетленной. Яко закон привождаше възаконеныа к благодатному крещению; крещение же препущает сыны своя на вечную жизнь. Моисий бо и пророци о Христове пришествии поведаху, Христос же и апостоли его о въскресении и о будущем веце

И что успе закон? что ли благодать? Прежде закон, потом благодати; прежде стень, ти потом истина. Образ же закону и благодати а Агар и Сарра, работнаа Агар и свободнаа Сарра; работнаа прежде, ти потом свободнаа. И да разумеет, иже чтет. Яко Авраам убо от уности своея Сарру име жену си, свободну, а не, раву; и бог убо прежде век изволи и умысли сына своего в мир послати, и тем благодати явити ся. а Сарра же не раждаше, понеже бе неплоды; не бе неплоды, но заключена бе божним промыслом на старость родити. Безвестная же и утаенаа мудрости божиа утаена бяху от ангел и человек, и не яко не явима, но утаена и на конец века хотяща явити ся. Сарра же глагола к Аврааму: се заключи мя господь бог не раждати, вниди убо к рабе моей Агари и родиши от нея. Благодать же глагола к богу: аще несть време не снити ми на землю и спасти мир, сниди на гору Синай и закон положи. а Послуша Авраам речи Саррины и вниде к рабе ея Агари. Послуша и бог, яже от благодати словес, и сниде на Синай. Роди же Агарь раба от Авраама рабочищъ, и нарече Авраам имя ему Измаил. И снесе Моисей от Синайския горы закон, а не благодать, стень, а не истину а По сих же, уже стару сущу Аврааму и Сарре, явися бог Аврааму, седящу ему пред дверьми куща своеа в полудне у дуба Мамврийскаго; Авраам же тече в сретение ему и поклони ся ему до земле и приат и в кущу свою. Веку же сему к концу

приближающуся, посети господь человечьскаго рода и сниде с небесе, в утробу девицы вѣходя; прият же и девица с покланянием в кущу плотяную, не болевши, глаголющи к ангелу: се раба господня, буди мне по глаголу твоему. **А Тогда убо отключи бог ложесна Саррина, и заченши роди Исаака, свободнаа свободнаго. Присетившу богу человечьска естества, явишася уже безвестная и утаеная, и родися благодать и истина, а не закон; сын, а не раб. А Яко отдон ся отроча Исаак и укрепе, и сътвори Авраам гостивству велику, егда отдон ся Исаак сын его. Егда же Христос на земли, и еще благодать не укрепела беаше, но дояше ся еще, за 30 лет, в ня же Христос таяше ся; егда же отдон ся и укрепе, яви ся благодать божна спасеннаа всем человеком в Иерданстей реце; сътвори бог гостивству велику и пир велик тельцем упитанным от века, възлюбленным сыном своим Исус Христом, съзвав на едино веселие небесныя и земленыя, съв купив в едино ангелы и человеки**

Вера бо благодатнаа по всей земли распростре ся, и до нашего языка русскаго дойде, и законное езеро пресыше, евангельский же источник наводив ся и всю землю покрыв, и до нас проливяв ся. Се бо уже и мы с всеми христианми славим святую троицу, а Иудея мльчит

Источник: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=4868>

3.2. Слова и поучения Серапиона Владимирского

Святитель Серапион (ум. 1275 г.) поначалу был монахом и, позднее, игуменом Киево-Печерского монастыря, а в 1274 г. занял стол епископа Владимирского, Суздальского и Нижегородского.

Серапиону Владимирскому, как достоверно установлено, принадлежит пять "Слов". Почти все они точно датируются: первое написано около 1230 г., остальные – в последние два-три года жизни автора. Впрочем, скорее всего, эти послания составляет лишь малую часть его творческого наследия.

В основе религиозно-философской концепции Серапиона Владимирского лежит идея величия человека, созданного Господом. И это величие проявляется в заповеди любви, заложенной в сердца людей самим Господом, как самой главной, ибо только любовью можно устроить нормальную человеческую жизнь: "Всегда в любви пребываючи, мирно поживем". Если же люди смогут соблюсти Божии заповеди, то Господь дарует им и радостную жизнь на земле, и вечное спасение и жизнь в Царствие Небесном после смерти, ради которого, собственно говоря, и были созданы люди.

В нравственном оскудении русского народа, в забвении им христианских заповедей Серапион Владимирский видит главную причину нового, рабского, униженного положения Руси, завоеванной татарами. И Серапион с горечью и болью перечисляет грехи русского народа: ложь, клеветы, грабежи, воровство, разбои, сквернословие, прелюбодейство, зависть, злоба, ненависть, жадность... Серапион Владимирский не останавливается на перечислении лишь на этих, нравственных, греховных качествах. К грехам он относит и

скверные и немилостивые суды, и неправедные лихоимства, безжалостное ростовщичество, т.е. социальные явления. Столь же греховным считает Серапион и возрождение языческих обычаев – колдовства, гаданий. А совсем тяжкое впечатление на него производит возрождение человеческих жертвоприношений.

По убеждению Серапиона Владимирского именно за эти прегрешения Русь и наказана Господом. В "Словах" Серапиона предстает яркая картина "казней Божиих", которым она подверглась, самым страшным из которых стало татарское нашествие. Причем, по мнению мыслителя, Господь заранее предупреждал русский народ о своем гневе. Серапион перечисляет многие предзнаменования, случившиеся задолго до татарского завоевания: голод, мор и землетрясение, обрушившиеся на Русь в 1230 году, солнечное затмение 28 февраля 1206 г., затмение луны 3 февраля 1207 г., появление комет в 1223 и 1230 гг. Все эти природные явления и были предупреждениями Господними о греховности русского народа.

В учении о страхе Божиим, которого придерживается Серапион Владимирский, вполне естественно можно усмотреть влияние византийской трактовки христианского вероучения. Однако, русский мыслитель, в соответствии с реальной исторической обстановкой, вполне творчески подходит к некоторым христианским положениям. Так, когда он в одной из проповедей перечисляет заповеди господни, он, видимо, совершенно сознательно не упоминает заповедь "люби врага своего" – в реальной жизни подобный призыв можно было рассматривать как предательство. Следовательно, для Серапиона главным оказывается не просто призыв к христианскому благочестию, но духовное укрепление русского народа в борьбе за возрождение Русского государства.

Несомненно, своими выступлениями Серапион способствовал духовному очищению народа, укреплению в нем чувства патриотизма. Более того, проповеди Серапиона Владимирского вселяли в сердца людей крепкую надежду на спасение и на неизбежное освобождение от тяжкого иноземного ига. Ведь, по его искренней вере, всех возвратившихся к Христовым заповедям, Господь простит и вновь наделит благодатью. И недаром в народе вплоть до XIX века Серапиону Владимирскому поклонялись как одному из заступников в тяжелые жизненные времена. Святитель Серапион Владимирский канонизирован Русской Православной Церковью, его память празднуется в день Собора Владимирских святых 23 июня (6 июля).

«Слово третье» преподобного Серапиона

Почюдим, братие, человеколюбье бога нашего. Како ны приводит к себе? кыми ли словесы не наказаеть нас? кыми ли запрещени не запрети нам? Мы же никакоже к нему обратихомся. Видев наша безаконья умножившася, видев ны заповеди его отвергъша, много знамени показав, много страха пущаше, много рабы своими учаше, и ничим же үнше показахомся. Тогда наведе на ны язык немилостив, язык лют, язык не

щадящъ красы ѹны, немощи старецъ, младости дѣтин; двигнухомъ бо на ся ярость бога нашего; по Давиду, въскоре възгорися ярость его на ны. Разрушены божественныя церкви; осквернени быша ссѹди священни; потоптана быша святая; святители мечю во ядь быша; плоти преподобныхъ мнихъ птицамъ на снѣдь повержени быша; кровь и отецъ и братия наша, аки вода многа, землю напои; князнии нашихъ воеводъ крепость ищезе; храбрини наша, страха наполтънъшеся, бежаша; множанша же братия и чада наша в плен ведени быша; села наша лядиною поростоша, и величство наша смерися; красота наша погыбе; богатство наше онемъ в користь бысть; трудъ нашъ погани наследоваша; земля наша иноплеменикомъ в достояние бысть; в поношение быхомъ живущимъ въскрани земля наша; в посмехъ быхомъ врагомъ нашимъ, ибо сведохомъ собе, акы дождь с небеси, гневъ господень; подвигохомъ ярость его на ся и отвратихомъ велию его милость; и не дахомъ приизирати на ся милосердыма очима. Не бысть казни, кая бы преминула нас; и ныне беспрестани казними есмы; не обратихомся къ господу; не покаяхомся о безаконии нашихъ, не отступихомъ злыхъ обычаи нашихъ, не оцестихомся калѹ грѣховнаго, забыхомъ казни страшныя на всю землю нашу; мали оставши, велице творимся. Темъ же не престають злая мѹчаще ны: завѣсть оумножилася, злоба преможе ны, величанье възнесе ѹмъ нашъ, ненависть на дрѹгы вселися в сердца наша, насытовство именье поравоти ны, не дасть миловати ны сиротъ, не дасть знати человѣческаго естества; но, акы зверье жадають насытитися плоти, тако и мы жадаемъ и не престанемъ.

Слово блаженнаго Серапиона о маловерье

Печаль многу имамъ въ сердци о васъ, чада. Никако же не премѣните от злобы обычая своего, вся злая творите в ненависть Богу, на погубѹ души своей. Правду есте оставили, любуе не имате, зависть и лѣсть жирѹетъ въ васъ, и вознесѣся ѹмъ вашъ. Обычай поганьскый имате: волухвамъ вѣрѹ имате и пожагаете огнемъ неповинныя человѣки. Гдѣ се есть въ Писаньи, еже человѣкомъ владѣти обильемъ или скудостью? подавати или дождь, или теплоту? О, неразумнии! вся Богъ творитъ, якоже хощетъ; бѣды и скудость посылаетъ за грѣхи наша и наказая насъ, приводя на покаянье. О маловѣрнии, слышасте казни от Бога: в первыхъ родѣхъ потопа на гиганты, огнемъ пожжени, а содомляне огнемъ же сожени, а при фараонѣ десять казней на Егѹпетѣ, при хананинѣ каменею огненною с небесѣ пѹсти, при сѹдьяхъ рати наведе, при Давидѣ моръ на люди, при Титѣ плѣнь на Ерѹсалимъ, потомъ трясение земли и паденьемъ града. И в наша лѣта чего не видѣхомъ зла? многи бѣды и скорби, рати, голодъ, от поганыхъ насилье. Но никако же премѣнимъся от злыхъ обычаи нашихъ; нынѣ же гнѣвъ Божии видяши и заповѣдаете: хто бѹде ѹдавленника или ѹтопленика погребѣтъ, не погубите людии сихъ, выгребите. О, безѹмье злое! О, маловѣрье! Полни есми зла исполнени, о

томъ не каемъся. Потопъ бысть при Нои не про удавленнаго, ни про утопленика, но за людския неправды, и иныя казни бесчисленныя. Драчь град 4 лѣта стоялъ от моря потопленъ бысть и нынѣ в мори есть. В лясѣхъ от умноженья дождя 600 людей потопло, а инни в Перемышли градѣ 200 потопоша, и глад бысть 4 лѣта. Тамо же се все бысть в сия лѣта за грѣхи наша. О человекъци, се ли ваше покаянье? сим ли Бога умолите, что утопла или удавленника выгрести? сим ли Божию казнь хотите утишити? Лучши, братья, престанемъ от зла, лишимъся всѣхъ дѣлъ злыхъ: развоя, грабленья, пьянства, прелюбодѣйства, скѹпости, лихвы, обиды, татбы, лжива послушства, гнѣва, ярости, злопоминанья, лжи, клеветы, рѣзонманья. Азъ бо грѣшный всегда учю вы, чада, велю вамъ каятися. Вы же не престанете от злыхъ дѣлъ. Ёгда кая на насъ казнь от Бога придет, то болѣ прогнѣваем, извѣты кладѹчи: того ради ведро, сего дѣля дождь, того дѣля жито не родиться; и бываете строители Божией твари, а о безумьи своемъ почто не скорбите? Погании бо, закона Божия не вѣдѹще, не убиваютъ единовѣрнихъ своихъ, ни ограбляютъ, ни обадят, ни поклепят, ни украдут, не зарятся чѹжаго; всякъ поганый брата своего не продасть; но, кого в нихъ постигнетъ бѣда, то искупятъ его и на промыслъ дадутъ ему; а найденая в торгѹ проявляютъ; а мы творимъся, вѣрнии, во имя Божие крещени есмы и, заповѣди его слышаще, всегда неправды есмы исполнени и зависти, немилосердыя; братью свою ограбляемъ, убиваемъ, въ погань продаемъ; обадами, завистью, аще бы мощно, снѣли другъ друга, но вся Богъ боронит. Аще велможа или простой, то весь добытка жалает, како бы обидѣти ого. Оканне, кого снѣдаеши? не таковъ же ли человекъ, яко же и ты? не звѣрь есть, ни иновѣрецъ. Почто плачь и клятвѹ на ся влечеши? или бессмертенъ еси? не чаеши ли сѹда Божия, ни возданья комуждо по дѣломъ его? От сна бо вѣставъ не на молбѹ умъ прилагаеши, но како бы кого озловити, лжами перемочи кого. Аще ся не останете сихъ, то горшая бѣды почаете по семъ. Но, моляся, вамъ глаголю: примемъ покаянье от сердца, да Богъ оставитъ гнѣвъ свой и обратимъся от всѣхъ дѣл злыхъ, да Господь Богъ обратиться к намъ. Се вѣдѣ азъ, поучаю вы, яко за моя грѣхи бѣды сия дѣются. Придѣте же со мною на покаянье, да умолимъ Бога; вѣдѣ уво, аще ся покаевѣ, будемъ помиловани; аще ли не останетеся безумья и неправды, то узрите горша на послѣдъ. Богѹ же нашемѹ.

Источник: <http://lib2.pushkinskijdom.ru/tabid-4963>.

3.3. Житие Феодосия Печерского

«Житие Феодосия» - инока, а затем игумена Киево-Печерского монастыря – обширное произведение о жизни преподобного Феодосия, одного из основателей и игумена Киево-Печерского монастыря, написанное монахом того же монастыря преподобным Нестором Летописцем. Подробно

рассказывает о святом, начиная от его рождения, прихода в монастырь до игуменства и смерти, и включает как легендарные житийные мотивы, так и действительные факты биографии преподобного. Существуют различные датировки написания Жития: 1080-е годы (исходя из описания ряда событий произведение было написано не позднее 1088 года) или начало XII века.

Жизнеописание святого, как того требовал жанр произведения, должно было содержать ряд традиционных сюжетных мотивов: будущий святой рождается от благочестивых родителей, с детства отличается «прилежанием» к церкви, бежит от радостей и соблазнов «мирской жизни», а став монахом, являет собой образец аскета и подвижника, успешно борется с кознями дьявола, творит чудеса. Все эти мотивы встречаются и в «Житии Феодосия». Но в то же время это житие привлекает обилием ярких картин мирского и монастырского быта Киевской Руси. Житие описывает также быт раннего периода существования Киево-Печерского монастыря, при этом монахи показаны вполне земными людьми: им порой трудно жить с суровым монастырским уставом, они сильно уступают своему игумену в трудолюбии, смирении и благочестии.

Нетрадиционным является образ матери Феодосия. С одной стороны автор Жития оценивает её как женщину благочестивую, но в то же время она описана как властная, суровая. Вопреки христианскому благочестию, которым, согласно агиографическому канону, наделил её Нестор, мать Феодосия борется со стремлением сына «датися» Богу (посвятить себя Богу). Мать Феодосия выступает как орудие дьявола. Летописец приводит рассказ, как она сопротивлялась аскетизму и благочестию сына: избивает его, сажает на цепь, срывает с него вериги, объявляет награду за его розыск, когда Феодосий уходит в монастырь.

Сложным является и характер Феодосия: отличающийся необычайным смирением, он, однако, решительно выступает против князя Святослава Ярославича, изгнавшего с княжеского стола своего брата Изяслава. Предание, зафиксированное Житием, свидетельствует о близких духовных отношениях Изяслава с Феодосием. В прошлом смиренный нравом отрок, терпеливо сносивший побои матери и глумление сверстников, Феодосий становится деловитым хозяином монастыря и смело вмешивается в политическую жизнь Киева. Образ Феодосия характеризуют любовь и милосердие к ближним. Он тихий, ласковый, смиренный, раздаёт всё, что у него ни попросят. Феодосий впервые упорядочил монашескую жизнь. При нём монастырь стал богатым, так как «всё, что ни отдаёт Феодосий, возвращается сторицей» (в стократном размере). Феодосий шлёт Святославу обличительные грамоты, но потом переходит к уговорам, и князь сам едет в монастырь мириться с Феодосием. Житие рассказывает об обычае преподобного удаляться в затвор на время Великого поста ради сосредоточенной молитвы и покаяния.

Житие преподобнааго отьца нашего Феодосия, игумена Печерьскаго

Господи, благослови, отъче!

Благодарю тя, владыко мой, Господи Исусе Христе, яко съподобилъ мя еси недостойнааго съповѣдателя быти святымъ твоимъ въгодникомъ, се бо испърва писавъшю ми о житие и о погублении и о чудесхъ святою и блаженою страстотръпцю Бориса и Глѣба, понудихъ ся и на другоє исповѣдание принити, еже выше моея силы, емү же и не вѣхъ достоинъ а грѣбъ сы и неразүмичьнъ, къ симъ же яко и не вѣхъ үченъ никоеждо хытрости, нъ въспоманүхъ, Господи, слово твое, рекъшее: Аще имате вѣрү яко и зрно горүщю и речете горѣ сей: преиди и въврзися въ море, и авне послушаетъ васъ. Гина үмѣ азъ грѣшный Нестерь примъ и оградивъся вѣрою и үпованиємъ, яко вься възможна отъ тебе сүть, начатъкъ словү списания положихъ, еже о житии преподобнааго отьца нашего Феодосия, бивъша игумена монастыря сего святыя владычицѣ нашея Богородицѣ, его же и день үспение нынѣ празднүюще память творимъ. ђ...ѡ

Градъ есть отстоя отъ Кыева, града стольнааго, 50 попьрищъ, именовъ Васильевъ. Въ томъ бѣста родителя святаго въ вѣрѣ крѣстиянѣстѣй живүща и всячьскимъ благочѣстиюмъ үкрашена. Родиста же блаженаго дѣтища сего, таче въ осмый днь принесоста и къ святителю Божию, якоже обычай есть крѣстияномъ, да имя дѣтищю нарекутъ. Прозвүтеръ же, видѣвъ дѣтища и срьдъчьныма очима прозря, еже о немъ, яко хощеть измлада Богү датися, Феодосиемъ того нарицаеть. Таче же, яко и минуша 40 дньни дѣтищю, крѣщениемъ того освятиша. Отроча же роставше, кѣрмимъ родителема своима, и благодать Божия съ нимъ, и Дүхъ Святий измлада вѣселися въ нь. ђ...ѡ

Мы же паки пондемъ на прьвое исповѣдание святааго сего отрока. Растый үбо тѣлѣмъ и дүшею влекомъ на любѣвь Божию, и хожаше по вся дньи въ църкѣвь Божию, послушая божѣствныхъ книгъ съ всѣмъ вѣниманиємъ. Ёще же и къ дѣтѣмъ играющимъ не приближашеся, якоже обычай есть үнымъ, нъ и гнүшашеся играмъ ихъ. Одежа же его вѣ хүда и сплатана. О семь же многашды родителема его нүдящема и облещися въ одежду чистү и на игры съ дѣтѣми изити. Онъ же о семь не послушааше ею, нъ паче изволи быти яко единъ от үбогыхъ. Къ симъ же и датися веля на үчение божѣствныхъ книгъ единому от үчитель; якоже и створи. И въскорѣ извече вся граматикия, и якоже всѣмъ чюдитися о премүдрости и разүмѣ дѣтища и о скорѣмъ его үчении. Покорение же его и повинование кѣто исповѣствъ, еже сътяжа въ үчении своемъ не тѣкмо же къ үчителю своему, нъ и къ всѣмъ үчащимъся с нимъ?

Въ то же время отъць его житию коньць приять. Бүщю же тѣгда божѣствному Феодосию 13 лѣт. Оттолѣ же начатъ на трүды паче подвижнѣй бивати, якоже исходити емү съ равы на село и дѣлати съ всякимъ сѣмѣрениємъ. Мати же его оставляше и, не велящи емү тако

творити, моляше и паки облачитися въ одежу свѣтлы и тако исходити ему съ съвѣрьстныи своими на игры. Глаголаше бо ему, яко тако ходя, укоризну себе и роду своему твориши. Оному о томъ не послушающую ея, и якоже многашды ей отъ великия ярости разгнѣватися на нь и бити и, бѣ бо и тѣлѣмъ крѣпка и сильна, якоже и мужь. Аще бо кто и не видѣвъ ея, ти слышааше ю бесѣдующю, то начынаше мнѣти мужа ю суща.

Къ симъ же паки божьствный уноша мысляше, како и кымъ образѣмъ спасеться. Таче слыша паки о святыхъ мѣстѣхъ, идеже Господь нашъ Исусъ Христосъ плѣтию походи, и жадаше тамо походити и поклонитися имъ. И моляшеся Богу, глаголя: Господи Исусъ Христе мой! Услыши молитву мою и съподоби мя съходити въ святая твоя мѣста и съ радостию поклонитися имъ! И тако многашды молящюся ему, и се приидоша страньници въ градъ тъ, иже и видѣвъ я божьствный уноша и радъ бывъ, текъ, поклонися имъ, и любезно цѣлова я, и въпроси я, отъкуду суть и камо идуть. Онѣмъ же рекъшемъ, яко отъ святыхъ мѣстѣ есмь, и, аще Богу велящю, хоцѣмъ въспять уже ити. Святый же моляше я, да и поимуть въ слѣдъ себе и спутника и створять съ собою. Они же обѣщашася пояти и съ собою и допроводити и до святыхъ мѣстѣ. Таче се слышавъ блаженный Феодосий, еже обѣщашася ему, радъ бывъ, иде въ домъ свой. И егда хотяху страньници отъйти, възвѣстиша уноши свой отходъ. Онъ же, въставъ нощю и не вѣдущю никомуже, тай изиде из дому своего, не имый у себе ничоже, развѣ одежа, въ нейже хожаше, и та же худа. И тако изиде въслѣдъ страньныхъ. Благый же Богъ не попусти ему отъйти отъ страны сея, егоже и-щрева матерья и пастуха быти въ странѣ сей богогласныхъ овецъ назнамена, да не пастуху убо отшѣдъшю, да опустѣеть пажить, юже Богъ благослови, и тьрние и вълчыцъ въздрасетъ на ней, и стадо разидеться. *д...н*

Источник: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4872>.

3.4. Хождение игумена Даниила

«Житъе и хоженъе Данила, русьскыя земли игумена» - литературно обработанные записи паломника, побывавшего в Палестине (1106 – 1108 гг.). Данное произведение пользовалось большой популярностью; яркие зарисовки тех мест, о которых вел рассказ паломник, привлекали внимание современников. Сохранилось более 150 его списков.

В центре внимания произведения – описание христианских святынь. Одновременно изображены быт местного населения – мусульман и христиан, рассказывается о земледелии, скотоводстве, садоводстве, рыболовстве.

Книга состоит из многих коротких глав: О пути в Иерусалим, О Ефесе граде, О Патме острове, О Кипрьстем острове, О горе, идеже Святая Елена крест поставила, О Финияне, О Иерусалиме, О церкви воскресения Господня, О месте среди земля, идеже распяться Христос, О месте лобном и др. Большое

количество экономических и географических данных выгодно отличает «Хождение» от других описаний Палестины.

«Житие и хождение игумена Даниила из Русской земли» можно рассматривать как первое историческое литературное произведение, где отражен уровень знаний образованных людей Древней Руси об экономической географии других стран.

Житье и хоженье Данила, рѹсьскыя земли игѹмена

Се аз недостойный игѹмен Данил рѹсскыя земля, хѹжиши во всех мнисех, смиренный грехи многими, недоволен сый во всяком деле блазе, понѹжен мыслию своею и нетерпением моим, похотех видети святыи град Иерѹсалим и землю обетованнѹю. И благодатию божию доходинѹ святаго града Иерѹсалима и видех святыя места, обходинѹ всю землю галилейскѹю и около святаго града Иерѹсалима по святым местом, кѹдаже Христос бог наш походи своима ногама и велика чюдеса показа по местом тем святым. И то все видех очима своима грешныма, беззловивый показа ми бог видети, егоже жедах много дний мыслию моею. Братиа и отци, господине мои, простите мя грешнаго и не зазрите хѹдоумью моемѹ и гровости, еже писах о святем граде Иерѹсалиме, и о земли той блазей, и о пѹти, еже к святым местом. Иже во кто пѹтем сим ходил с страхом божиим и смиреньем, не погрешити милости божия николи же. Аз же неподобно ходих пѹтем сим святым, во всякой лености и слабости и во пьянстве и вся неподобная дела творя. Но, обаче, надеяся на милость божию и на вашѹ молитвѹ, да ми простити Христос бог моих грехов безщисленых, да си исписах пѹть си и места сии святыя не возносяся ни величаяся пѹтем сим, яко что добро створив на пѹти сем, не бѹди то: ничтоже бо добра сътворих на пѹти сем; но любве ради святых мест сих, исписах все, еже видех очима своима, дабы не въ забыть было то, еже ми показа бог видети недостойномѹ. Ѹбояхся онаго раба лениваго, скрывшаго талант господина своего и не створившаго прикупя им, да сие написах верных ради человек. Да кто ѹбо, слышав о местех сих святых поскорбл бы ся дѹшею и мыслию к святым сим местом и равнѹ мзду примѹт от бога с теми, иже бѹдѹть доходили святых сих мест. Мнози бо дома сѹще, в местех своих добрии человеци мыслию своею и милостынею ѹбогих, добрыми своими делы, достигаютъ мест сих святых, иже болшѹю мзду примѹт от бога спаса нашего Исѹса Христа. Мнози бо доходивше святых сил мест и святыи град Иерѹсалим и възнесшеся ѹмом своим, яко нечто добро сътворивше, и погѹбляютъ мзду трѹда своего, от них же первый есмь аз; мнози бо, ходивше святаго града Иерѹсалима, пойдѹт опять, много добра невидевши, тщаще опять вскоре, а сего пѹти незде вскоре сотворити ни истоком того мощи видети и вся святаа та места и в граде и вне града.

О Иерусалиме, о Лавре

Аз недостон игүмен Данил, пришед в Иерусалим, превых месяц 16 в месте лавре святаго Савы и тако могох походити и испытати вся святая си места. Невозможно бо без вожа добра и без языка испытати и видети всех святых мест. И что имея в рүкү моею хұдаго моего добыточка, то от того все подавах ведүщим добре вся святаа места в граде и вне града, да быша ми ұказали все добре, якожь и бысть. И пригоди мы бог налести в лавре мұжа свята и стара деньми, и книжна вельми. Тому святому мұжеви вложи бог в сердце любити мя хұдаго и той ұказа ми добре вся святаа та места, и в Иерусалиме и по всей земли той поводи мя и до Тивирнадского моря поводи мя, и до Фаворы, и до Назарефа, и до Хеврона, и до Иордана, и по всем тем местом поводи мя, и потрүдися со мною любве ради. И ина святаа места видех многа, яже последи скажү.

О Иерусалиме

Есть же святой град Иерусалим в дєврєх, около єго горы камены и высокы. Да нолны пришедше близько граду тоже видети первое столп Давидов и потом, дошедше мало, ұвидети Єлеоньскүю гору и святаа святых и Воскресение церковь, идеже есть гробгосподень, и ұзрети потом весь град. И тү есть гора равна от пүти близ града Иерусалима, яко версты вдале; на той горе сседают с конь вси людие и поставляют крестьци тү и покланяются святому Воскресению на дозоре граду. И вываєт тогда радость велика всякому христианинү, видевшє святой град Иерусалим и тү слезам пролитье вываєт от верных человек. Никто же бо может не прослезитися, ұзрев желаннүю тү землю и места святаа вида, идеже Христос бог наш претерпе страсти нас ради грешных. И идүт вси пешы с радостию великою к граду Иерусалимү. И тү есть на левой рүце, ү пүти тамо идүчи, церкви святаго Стефана первомүченика; на том месте повниен бысть камением Стефан первомүченик от иудей, и тү есть гроб єго. И тү есть гора камена плоска проселася в распятие Христово то зовется ад; есть близь стєны градная, яко довержет. И потом вхүдять в святой град Иерусалим вси людие с радостию великою враты, сүщими близь сына Давидова, и та сүть врата от Вифлеєма лиць, и тү сүть врата Вениаминова. Яко войдүче в град пүть есть сквозє град в святая святых на правүю рүкү, а на лєвүю к святому Воскресению идеже есть гроб господень.

Источник: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4934>

3.5. Слова и поучения Кирилла Туровского

Кирилл Туровский (1130 – после 1182), родом из знатной семьи, рано увлекся «почитанием книжным» и получил высокое по тому времени образование, учась у отечественных и иноземных книжников, знал языки, в том числе и греческий, изучал средневековые науки, превосходно владел словом, был блестящим проповедником и писателем, снискав славу русского

Златоуста. Уйдя от светской жизни в монастырь, посвятил себя аскезе, но со временем включился в идеологическую и политическую борьбу своего времени на стороне Киева и туровского князя Юрия Ярославича, по желанию последнего был поставлен в епископы (ок. 1169–1182 гг.) г. Турова, в котором Кирилл родился, прожил всю жизнь и умер. Сохранилось много произведений, принадлежащих Кириллу и приписываемых ему.

«Слово» Кирилла, епископа Туровского, - риторическое произведение второй половины XII в. Блестящая форма литературного изложения обусловлена риторическими средствами церковнокнижного языка Древней Руси.

В «Слове на антипасху» (антипасха – воскресенье, непосредственно следующее за пасхальной неделей) используются аллегории, антитезы, уподобления. Евангельские символы христианской догматики раскрываются на фоне природных явлений: яркие картины времени года символизируют борьбу добра и зла в духе христианского вероучения. Побудительная направленность поучения Кирилла способствует употреблению метафор, риторических фигур (обращений, повторов слов, анафорического словорасположения).

Слово в новѹю неделю по пасце

ѦѦ Ныня солнце красѹся к высоте всходить и радѹся землю огреваетъ: взиде бо нам от гроба праведное солнце Христос и вся верѹющая емѹ спасаетъ. Ныня луна, с вышняго сступивши степени, большему светилѹ честь подаваетъ: ѹже ветхый закон, по писанию, с суботами преста и пророкы, Христовѹ законѹ с неделей честь подаетъ. Ныня зима греховная покаяниемъ престала есть и лед неверия богоразѹмием растаяся; зима ѹбо языческаго кѹмирослужения апостольским ѹчением и Христовою верою престала есть, лед же Фомина неверия показаниемъ Христов ребр растаяся. Днесъ весна красѹеться, оживляющи земное естъство: бурнии ветри, тихо повевающе, плоды говьзѹють и земля, семена питающи, зеленѹю травѹ ражаетъ. Весна ѹбо красная вера есть Христова, яже крещениемъ поражаетъ человеческое пакыестъство, бурнии же ветри грехотворений помысли, иже покаяниемъ претворшеся на добродетель, дѹшеполезныя плоды говьзѹють: земля же естъства нашего, акы семя слово божие примши и страхомъ его присно боляши, дѹх спасения ражаетъ. Ныня новоражаемии агньци и ѹнци, быстро пѹть перѹще, скачють и, скоро к матеремъ возвращающеся, веселиемъ Христа хвалять. Агнеца глаголю Ѧ кроткыя от языкъ люди, а ѹнца Ѧ кѹмирослужителя неверныхъ стран, иже Христовомъ вѣчеловечениемъ и апостольскимъ ѹчениемъ и чудесы, скоро по законъ емшеся, к святей церкви вѣзвратившеся, млеко ѹчения ссѹтъ; да и ѹчители Христова стада о всехъ молящеся, Христа бога славятъ, вся волкы и агньца в единомъ стадо собравшаго. Ныня древа леторасли испѹщаютъ, и цветы благоѹхания процвитають, и се ѹже ограды сладкѹю подавають воню; и делатели с надежею трѹжяющеся плододавеца Христа призывають. Бехомъ бо преже

ака древа дубравная, не имуща плода, нынже присадися Христова вера в нашем неверьи, и уже держащися корене Иосеева, яко цветы добродетели пущающе, райскаго пакыбытья о Христе ожидаютъ, да и святители о церкви труждающися от Христа мзды ожидаютъ. Ныня ратаи слова, словесныя унца к духовному ярму приводяще, и крестное рало в мысленыхъ браздахъ погружающе, и бразду покаяния начертающе, семя духовное въсыпающе, надежами будущихъ благъ веселяться. Днесъ ветхая конецъ прияша, и се быша вся нова, въскресения ради. Ныня реки апостольския наводняются, и язычныя рыбы плодъ пущаютъ, и рыбаи, глубинѹ божия въчеловчения испытавшѹ, полнѹ церковнѹю мрежю ловитвы обрѣтають: реками бо, рече пророк, расядеться земля, узрятъ и разболаться нечестивии людие. Ныня мнишьскаго образа трудолюбивая бчела, свою мудрость показуши, вся удивляеть; якоже бо они, в пустыняхъ самокърмиемъ живущѹ, ангелы и человеки удивляють, и си, на цветы излетаючи, медвенныя сты сътваряеть, да человекомъ сладость и церкви потребная подаеть. Ныня вся доброгласныя птица церковныхъ ликомъ гнездящися веселяться: и птица бо, рече пророк, обрете гнездо себе, олтаря твоя, и свою каяждо поющи песнь, славить бога гласы немолчьными.

Источник: <http://lib.pushkinskijdom.ru/default.aspx?tabid=4936>

4. ЯЗЫК СВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ КИЕВСКОГО ГОСУДАРСТВА

4.1. Поучение Владимира Мономаха

Князь Владимир Всеволодович Мономах (1053-1125) получил прозвание Мономаха по матери - дочери византийского императора Константина Мономаха. Он был князем черниговским, затем переяславским (Переяславля Южного), а с 1113 г. - киевским. Всю жизнь провел в борьбе с половцами и их обычным союзником - князем Олегом Святославичем. Владимир Мономах совершил на своем веку 83 больших похода и поездки, а более мелких и припомнить не мог.

Поводом к переписке Мономаха и Олега послужило убийство младшего сына Мономаха - Изяслава в битве с Олегом. Вняв совету своего старшего сына Мстислава, которого крестил Олег Святославич, Мономах послал это письмо Олегу со словами примирения.

«Поучение Владими́ра Монома́ха» (в некоторых источниках - «Поучение Владимира Всеволодовича», «Завещание Владимира Мономаха детям», «Поучение детям») – литературный памятник XII в., написанный великим князем киевским Владимиром Мономахом. Это произведение называют первой светской проповедью.

До нас дошли три произведения Владимира Мономаха. Первое - «Поучение», второе – рассказ о «путях и ловах» (автобиография), третье – письмо к двоюродному брату Олегу Святославовичу.

В Поучениях цитируется 36 и 55 псалом. Также Мономах упоминает следующие города: Берестье, Владимир, Курск, Новгород, Переяславль, Полоцк, Ростов, Смоленск, Стародуб, Сутейск, Туров, Чернигов, Голтав, Лубны, Ромны, Воишь, Вырь и центр вятичей Корьдно (Кордно)

Основу нравственности («начало добра») Мономах видит в «страхе Божьем». Далее цитирует Псалтырь и Василия Великого, кои призывают к терпению и воздержанности. Затем он поучает своих детей о необходимости «малых дел». Он призывает молиться молитвой «Господи помилуй», помогать нищим, не губить христианских душ, быть верными клятвам, гостеприимным, почитать старших и священников, не лениться, не пьянствовать, не блудить, не лгать. Далее поучение прерывается воспоминанием о походах Мономаха против половчан, вятичей, поляков и половцев. Всего Мономах помнит 83 похода и 19 соглашений, которые он заключил с половцами. Также Мономах упоминает об охотах на диких куниц, туров, оленей, лосей, вепрей, медведей и «лютых зверей».

Поученье

Се́дя на сане́х, помыслих в дѹши своѣй и похвалих бога, иже мя сих днѣв грѣшнаго допровади. Да дѣти мои, или ин кто, слышав сю грамотицю, не посмейтєся, но емѹже люба дѣтий моих, а приметъ ю в сердце своѣ, и

НЕ ЛЕНИТСЯ НАЧНЕТЬ ТАКОЖЕ И ТРУЖАТСЯ: ПЕРВОЕ, БОГА ДЕЛЯ И ДУША СВОЕЯ, СТРАХ ИМЕЙТЕ БОЖИЙ В СЕРДЦИ СВОЕМЪ, И МИЛОСТЫНЮ ТВОРЯ НЕОСКУДНУ, ТО БО ЕСТЬ НАЧАТОК ВСЯКОМУ ДОБРУ. АЩЕ ЛИ КОМУ НЕ ЛЮБА ГРАМОТИЦЯ СИ, А НЕ ПООХРИТАЮТСЯ, НО ТАКО СЕ РЕКУТЬ: НА ДАЛЕЧИ ПУТИ, ДА НА САНЕХ СЕДЯ, БЕЗЛЕПИЦЮ ЕСИ МОЛВИЛ. УСРЕТОША БО МЯ СЛЫ ОТ БРАТЬЯ МОЕЯ НА ВОЛЗЕ, РЕША: ПОТЪСНИСЯ К НАМ, ДА ВЫЖЕНЕМ РОСТИСЛАВИЧА И ВОЛОСТЬ ИХ ОТЪИМЕМ; ЕЖЕ ЛИ НЕ ПОИДЕШИ С НАМИ, ТО МЫ СОБЕ БУДЕМ, А ТЫ СОБЕ, И РЕХ: АЩЕ ВЫ СЯ И ГНЕВАЕТЕ, НЕ МОГУ ВЫ Я ИТИ, НИ КРЕСТА ПЕРЕСТУПИТИ. И ОТРЯДИВ Я, ВЗЕМ ПСАЛТЫРЮ, В ПЕЧАЛИ РАЗГНУХ Я, И ТО МИ СЯ ВЫНЯ: ВЕКЮ ПЕЧАЛУЕШИ, ДУШЕ? ВЕКЮ СМУЩАЕШИ МЯ? И ПРОЧАЯ. И ПОТОМЪ СОБРАХ СЛОВЦАЖСИ ЛЮБАЯ, И СКЛАДОХ ПО РЯДУ, И НАПИСАХ: АЩЕ ВЫ ПОСЛЕДНЯЯ НЕ ЛЮБА, А ПЕРЕДНЯЯ ПРИМАЙТЕ

Поистине, дети моя, разумеите, како ти есть человеколюбець бог милостив и премилостив: мы, человеци, грешни суще и смертни, то оже ны зло створить, то хощем и пожрети и кровь его прольяти вскоре; а господь нашъ, владея и животом и смертию, согрешенья наша выше главы нашея терпить, и паки и до живота нашего, яко отецъ, чадо свое любя, бья, и паки привлачить е к себе. Также и господь нашъ показал ны есть на врагы победу, 3-ми делы добрыми избыти его и поведити его: покаяньем, слезами и милостынею; да то вы, дети мои, не тяжька заповедь божья оже теми делы 3-ми избыти грехов своих и царствия не лишитися.

А бога дея не ленитесь, молю вы ся, не забывайте 3-х дел тех: не бо суть тяжька; ни одиночество, ни чернечество, ни голод, яко инии добрии терпятъ, но малым делом учити милость божью.

Что есть человек, яко помниши и? Велий еси, господи, и чудна дела твоя, никакже разумъ человеческ не может исповедати чудес твоих; и паки речем: велий еси, господи, и чудна дела твоя, и благословено и хвално имя твое в веки по всей земли. Иже кто не похвалить, ни прославляетъ силы твоея и твоих великих чудес и доброт, устроенных на семь свете; како небо устроено, како ли солнце, како ли луна, како ли звезды, и тма и свет, и земля на водах положена, господи, твоим промыслом! зверье разнолични, и птица и рыбы, украшено твоим промыслом, господи.

И сему чуду дивуемъся, како от персти создав человека, како образи разнолични в человекских лицах, аще и весь мир совокупить, не вси в один образ, но кыйже своим лица образом, по божии мудрости; и сему ся подивуемы, како птица небесная из ирья идуть, и первее в наши рuce, и не ставятся на одной земли, но сильныя и худыя идуть по всем землям, божнимъ повеленьемъ, да наполнятся леей и поля; все же то дал бог на угодые человеком, на снedy, на веселье. Велика, господи, милость твоя на нас, яже та угодыя створил еси человека дея грешна. И ты же птице небесная умудрены тобою, господи, егда повелиши, то вспоютъ, и человеки веселятъ тебе; и егда же не повелиши им, язык же имеюще,

онемеютъ. А благословен еси, господи, и хвален зело! всяка чюдеса и ты доброты створив и зделав, да иже не хвалить тебе, господи, и не веруетъ всемъ сердцемъ и всею душою во имя отца и сына и святаго духа, да будетъ проклятъ.

Си словца прочитающе, дети моя, божественная, похвалите бога, давшаго нам милость свою, и се от худаго моего безумья наказанье; послушайте мене, аще не всего примете, то половину. Аще вы бог умякчить сердце, и слезы своя испустите о гресех своих, рекуще: якоже блудницу и разбойника и мытаря помиловал еси, тако и нас грешных помилуй; и в церкви то дейте и ложася.

Не грешите ни одну же ночь, аще можете, поклонитися до земли; а ли вы ся начнете не мочй, а трижды; а того не забываете, не ленитесь, тем бо ночным поклоном и пеньем человек побеждает дьявола, и что в день согрешить, а тем человек избываетъ. Аще и на кони ездяче не будетъ ни с кым орудья, аще инех молитв не умеете молвити, а господи помилуй зовете бес престани, втайне; та бо есть молитва всехъ лепши, нежели мыслити безлепицю езда. Всего же паче убогихъ не забываете, но елико могуще по силе кормите, и придавайте сироте, и вдовицю оправдате сами, а не вдавайте сильнымъ погубити человека.

Ни права, ни крива не убивайте, не повелевайте убити его; аще будетъ повиненъ смерти, а душа не погубляйте никакояже хрестьяны. Речь молвляче, и лихо и добро, не кленитесь богомъ, ни хреститесь, нету бо ти нужа никоеяже; аще ли вы будете крест целовати к братьи, или к кому, а ли управивъше сердце свое, на немже можете устояти, тоже целуйте, и целовавше блюдете, да не, приступни, погубите душе своее, Епископы, и попы и игумены, с любовью взимайте от нихъ благословенье, и не устраняйтесь от нихъ, и по силе любите и навидите, да примете от нихъ молитву от бога.

Паче всего гордости не имейте в сердце и в уме, но рцемъ: смертни есмы, днесь живи, а завтра в гробе; се все, что ны еси вдал, не наше, но твое, поручил ны еси на мало дний; и в земли не хороните, то ны есть велик грехъ.

Старыя чти яко отца, а молодыя яко братью. В дому своемъ не ленитесь, но все видите; не зрите на тивуна, и на отрока, да не посмеются приходящии к вам и дому вашему, ни обеду вашему.

На войну вышед, не ленитесь, не зрите на воеводы; ни питью, ни еденью не лагодите, ни спанью; и стороже сами наряживайте, и ночь, отвсюду нарядивше около вой, тоже лязите, а рано встанете; а оружья не снимайте с себе вборзе, не розглядавше ленощами, внезапно бо человек погыбаетъ.

Аже блюдися и пьянства и блуда, в том бо душа погыбаетъ и тело. Куда же ходяще путем по своимъ землям, не дайте пакости десяти отроком, ни своим, ни чюжим, ни в селехъ ни в житехъ, да не кляти вас начнутъ.

Куда же пойдете, идеже станете, напоите, накормите чужина; и более же чтите гостя, откуда же к вам придет, или прост, или добр или сол, аще не можете даром, брашном и питием: ти бо мимоходячи прославляют человека по всем землям, либо добрым, либо злым.

Богнаго присетите; над мертвеца идете, яко вси мертвени есмы; и человека не минете, не привечавше, добро слово ему дадите. Жену свою любите, но не дайте им над собою власти. Се же вы конец всему: страх божиий имейте выше всего; аще забываете всего, а часто прочитайте: и мне будет бе-сором, и вам будет добро. Егоже чужючи, того не забываете доброго, а егоже не чужючи, а тому ся чужите, якоже бо отец мой, дома сядя, изумяше 5 язык, в том бо честь есть от инех земля.

Леность бо всему мати: еже чужеет, то забудет, а егоже не чужеет, а тому ся не чужит; добре же творяще, не можете ся ленити ни на что же доброе, первое к церкви: да не застанет вас солнце на постели; тако бо отец мой деяше блаженный и вси добрии мужи свершени; заутреннюю отдаше богу хвалу, и потом солнцу вьсходящу, и чужевше солнце, и прославити бога с радостью, и рече: просвети очи мои, Христе боже, иже дал ми еси свет твой красный, и еще: господи, приложи ми лето к лету, да прок, грехов своих покаявъся, оправдив живот, тако похвалю бога; и сядше думати с дружиною, или люди оправливати, или на лов ехати, или поездити, или лечи спати: спанье есть от бога присужено полудне, о т чин бо почивает и зверь, и птица, и человек.

А се вы поведаю, дети моя, труд свой, оже ся есмь тружал, пути дея и ловы 13 лет. Первое к Ростову идох, сквозе Вятиче, посла мя отец, а сам иде Курьску; и паки 2-е к Смолинску со Ставком Скордятичем, той паки и отиде к Берестию со Изяславомъ, и мене посла Смолинску, то и-Смолинска идох Володимерю. Ноже же зимы той посласта Берестию брата на головне, иде бяху пожгли, той ту блюдох город тех. Та идох Переяславу отцю, а по Велице дни ис Переяслава та Володимерю, на Гутейску мира творит с Ляхы; оттуда паки на лето Володимерю опять. Та посла мя Святослав в Ляхы: ходив за Глоговы до Чешьскаго леса, ходив в земли их 4 месяци; и в то же лето и деля ся роди старейшее Новгородское; та оттуда Турову, а на весну та Переяславу, таже Турову. И Святослав умре, и яз паки Смолинску, а и-Смолинска той же зиме та к Новгороду; на весну Глебови в помочь; а на лето со отцемъ под Полтеск, а на другую зиму с Святополком под Полтеск; ожгоша Полтеск; он иде Новгороду, а я с Половци на Одрьск, воюя; та Чернигову. И паки и-Смолинска к отцю придох Чернигову; и Олег приде, из Володимеря выведен, и возвах ѥ к себе на обед со отцемъ в Чернигове, на Краснемъ дворе, и вдах отцю 300 гривен золота. И паки и-Смолинска же пришед, и придох сквозе Половечьскыи вой, вьяся, до Переяслава, и отца налезох с полку пришедша; то и паки ходихом, том же лете, со отцемъ и со Изяславомъ битися Чернигову с Борисомъ, и поведихом Бориса и Олга. А всех путей 80 и 3 великих, а прока не испомню менших. И мирое есм

створил с Половечьскими князи без одного 20, и при отци и кроме отца, а дая скота много и многы порты свое; и пустил есм Половечских князь лепших из оков толико: Шаруканя 2 брата, Багубарсовы 3, Овчины братье 4, а всех лепших князий инех 100; а самы князи бог живы в руже дава: Коксусь с сыномь, Аклан, Бурчевичь, Таревский князь Азгүлүй, и инех кметий молодых 15, то тех живы вед, исек, вметах в ту речку в Главлий; по чередам избьено не с 200 в то время лепших. А се тружахуться ловы дея (...). А се в Чернигове деял есм: конь диких своима ружама связал есмь в пушах 10 и 20 живых конь, а кроме того же по Роси ездя имал есм своима ружама теже кони дикие. Тура мя 2 метала на розех и с конем, олень мя один бол, а 2 лоси, один ногами топтал, а другый рогома бол, вепрь ми на бедре мечь оттял, медведь ми у колена подъяклада укүсил, лютый зверь скочил ко мне на бедра и конь со мною поверже; и бог неврежена мя съблюде. И с коня много падах, голову си розвих дважды, и руже и нозе своих вередих, в уности своей вередих, не блюда живота своего, ни щадя головы своея. Еже было творити отроку моему, то сам есмь створил, дела на войне и на ловех, ночь и день, на зною и на зиме, не дая себе упокоя; на посадники не зря, ни на биричи, сам творил что было надобе, весь наряд и в дому своемь то я творил есмь; и в ловчих ловчий наряд сам есмь держал, и в конюсех, и о соколах и о ястребах; то же и худаго смерда и убогие вдовице не дал есм сильным обидети, и церковнаго наряда и службы сам есм приизрал.

Да не зазрите ми, дети мои, ни ин кто, прочет, не хвалю бо ся ни дерзости своея, но хвалю бога и прославляю милость его, иже мя грешнаго и худаго селико лет съблюд от тех час смертных, и не ленива мя был створил, худаго, на вся дела человеческая потребна. Да сю грамотицю прочитаючи, потьснетеса на вся дела добрая, славяще бога с святыми его. Смерти бо ся, дети, не боячи, ни рати, ни от звери, но мужьское дело творите, како вы бог подасть; оже бо яз от рати, и от звери и от воды, от коня спадаяся, то никтоже вас не может вредитися и убити, понеже не будет от бога повелено; а иже от бога будеть смерть, то ни отец, ни мати, ни братья не могут отьяти, но оче добро есть блюсти, божие блюденье лепеесть человеческого

Источники: <http://lib.pushkinskiydom.ru/default.aspx?tabid=4874>

4.2. Слово о полку Игореве

«Слово о полку Игореве» было написано в конце XII века. Поводом для создания произведения явился неудачный поход на половцев князя Новгород-Северского Игоря Святославича в 1185 году: русское войско потерпело поражение, а возглавлявшие его князья и оставшиеся в живых воины оказались в плену. Об этом походе рассказывается также в современных событиям летописях (см. отрывки из Ипатьевской и Лаврентьевской летописей).

Однако автор «Слова» создал не воинскую повесть, а произведение совершенно особого жанра. Злосчастный поход Игоря Святославича явился поводом для глубоких раздумий о судьбах Русской земли, о пагубности феодальных междоусобиц, вызвал воспоминания о прошлом - о славных и о трагических периодах русской истории.

В «Слове» сочетаются как бы две художественные стихии – книжная, близкая по системе образов и поэтическим приемам к ораторскому слову, и фольклорная, причем эта последняя объединяет в себе элементы разных жанров - «плачей» и «слав». Яркий язык «Слова», его образная система, ритмический строй, сочетание тонкого лиризма и гражданского пафоса – все эти черты памятника выделяют его среди других произведений русской литературы XII века и в то же время роднят с ними, поскольку те же художественные приемы и те же образы, хотя и не в такой концентрации и не в столь же совершенной форме, мы встречаем и в русских летописях, и в «Словах» Кирилла Туровского, и в таких произведениях XII – XIII веков, как «Слово Даниила Заточника» или «Слово о погибели Русской земли».

Рукописная судьба «Слова» сложилась крайне неблагоприятно. До нового времени сохранился лишь один список памятника. Он входил в состав сборника, принадлежавшего известному ценителю русских древностей, графу А. И. Мусину-Пушкину. Но в 1812 году вся коллекция рукописей графа погибла в пожаре Москвы. Сгорел и сборник, содержащий «Слово о полку Игореве». Мы располагаем сейчас только изданием памятника, осуществленным в 1800 году А. И. Мусиным-Пушкиным, А. Ф. Малиновским и Н. Н. Бантыш-Каменским, а также копией с текста «Слова», изготовленной не позднее 1793 года для Екатерины II.

Не лепо ли ны вяшеть, братие, начяти старыми словесы трудных повестий о пълку Игореве, Игоря Святъславича! начати же ся тъй песни по вылинам сего времени, а не по замышлению Бояню.

Боян бо вещий, аще кому хотяше песнь творити, то растекашется мыслию по древу, серым вълком по земли, шизым орлом под облакы. Помняшеть бо речь първых времен ѹсобице; тогда пущашеть 10 соколовъ на стадо лебедей, который дотечаше, та преди песь пояше, старому Ярославу, храброму Мстиславу, иже зареза Редюю пред пълкы Касожъскими, красному Романови Святъславичю. Боян же, братие, не 10 соколовъ на стадо лебедей пущаше, нъ своя вещна пръсты на живая струны въскладаше; они же сами Князем славу рокотаху.

Почнем же, братие, повесть сию от стараго Владимира до нынешняго Игоря; иже истягну ѹмь крепостию своею, и поостри сердца своего мужеством, наплънився ратнаго дѹха, наведе своя храбрыя пълкы на землю Половецкѹю за землю Рускѹю. Тогда Игорь възре на светлое солнце и виде от него тьмою вся своя воя прикрыты, и рече Игорь к дружинне своей: братие и дружино! лѹцеж вы потятѹ быти, неже полоненѹ быти: а всядем, братие, на свои бръзья комони да позрим синего Дону.

Спала Князю умь похоти, и жалость ему знамение заступи, искусити Дону великаго. Хощу бо, рече копие приломити конец поля Половецкаго с вами, Русици, хощу главу свою приложити, а любо испити шеломомь Дону. О Бояне, соловию стараго времени! авы ты сия плъкы ущекотал, скача славию по мыслену древу, летая умом под облакы, свивая славы оба полы сего времени, рища в тропу Трояню чрес поля на горы.

Пети было песь Игоревн, того (Олга) внуку. Не буря соколы занесе чрес поля широкая; галици стады бежить к Дону великому; чили въспети было вещей Бояне, Велесовь внуче: Комони ржуть за Сулою; звенить слава в Києве; трувы трувятъ в Новеграде; стоятъ стязи в Путивле; Игорь ждет мила брата Всеволода.

И рече ему Буй Тур Всеволод: один брат, один свет светлый ты Игорю, оба есве Святъславличя; седлай, брате, свои бръзыи комони, а мои ти готови, оседлани у Курьска на переди; а мои ти Куряни сведоми к мети, под трувами повити, под шелома възлелеяны, конец копия възскрмлени, пути имь ведоми, яругы им знаеми, лүци у них напряжени, түли отворени, сабли изъострени, сами скачють акы серый влъци в поле, ищүчи себе чти, а Князю славе. Тогда въступи Игорь Князь в злат стремянь, и поеха по чистому полю. Солнце ему тьмою путь заступаше; ночь стонущи ему грозою птичь убуди; свист зверин в стазби; див кличет врѣху древа, велит послушати земли незнаеме, влъзе, и по морию, и по Сулию, и Сурожу, и Корсуню, и тебе Тьмотораканьский влѣван. А Половци неготовама дорогами повегоша к Дону Великому; кричат телегы полүнощы, рци лебеди распущени. Игорь к Дону вой ведет; уже бо веда его пасет птицъ; подобию влъци грозу въсрожат, по яругам; орли клетком на кости звери зовут, лисици врешут на чръленыя щиты. О руская земле! уже за Шеломянем еси. Длго. Ночь мркнет, заря свет запала, мгла поля покрыла, щекот славий үее, говор галичь убуди. Русичи великая поля чрълеными щиты прегородиша, ищүчи себе чти, а Князю славы.

С зарания в пятк потопташа поганяя плъкы Половецкыя; и рассүшыась стрелами по полю, помчаша красныя девкы Половецкыя, а с ними злато и паволокы и драгыя оксамиты; орътъмами и япончицами, и кожүхы начаша мосты мстити по болотом и грязивым местом, и всякыми үзорочьи Половецкыми. Чрълен стяг, бела хорюговь, чрълена чолка, сребрено стружие храврому Святъславличю. Дремлет в поле Ольгово хороброе гнездо далче залетело; небылон обиде порождено, ни соколү, ни кречетү, ни тебе чръный ворон, поганый Половчине. Гзак бежит серым влѣком; Кончак ему сле д править к Дону великому.

Другаго дни велми рано кровавыя зори свет поведают; чръныя түчя съморя идут, хотять прикрыти 4 солнца: а в них трепещутъ синии млънии, быти громү великому, идти дождю стрелами с Дону великаго; тү ся копием приламатн, тү ся саблям потрүчяти о шелома Половецкыя, на реце на Каяле, у Дону великаго. О Руская земле! уже не Шеломянем еси. Се ветри, Стривожн внуци, веют съморя стрелами на храврыя плъкы

Игоревы! земля тѹтнет, рѣкы мѹтно текѹтъ; пороси поля прикрывають; стязи глаголютъ, Половци идѹтъ от Дона, и от моря, и от всехъ стран. Рѹскыя плѣкы отступиша. Дети бесови кликом поля прегородиша, а храбри Рѹсници преградиша чрѣленным и щиты. Яр тѹре Всеволоде! стоиши на борони, прыщѣши на вой стрелами, гремлеши о шеломы мечи харалѹжными. Камо Тѹр поскочашѣ, своимъ златымъ шеломомъ посвѣчивая, тамо лежатъ поганыя головы Половецкыя; поскепаны саблями калеными шеломы Оварьскыя от тебе Яр Тѹр Всеволоде. Кая раны дорога, братие, забывъ чти и живота, и града Чрѣнигова, отня злата стола, и своя милья хоти красныя Глебовны свычая и обычая? Были вечи Трояни, минула лета Ярославля; были плѣцы Олговы, Ольга Святъславличя. Тѣй бо Олег мечемъ крамолѹ ковашѣ, и стрелы по земли сеяшѣ. Стѹпаетъ в златъ стремянь в граде Тѣмѹтороканѣ. Тоже звон слыша давный великий Ярославъ сын Всеволожь: а Владимир по вся ѹтра ѹши закладашѣ в Чернигове; Бориса же Вячеславличя слава на сѹд приведе, и на канинѹ зеленѹ паполомѹ постла, за обидѹ Олговѹ храбра и млада Князя. С тояже Каялы Святюплѣкъ повелея отца своего между Ѹгорьскими иноходьцы ко Святѣй Софии к Киевѹ. Тогда при Олзе Гориславличи сеяшется и растяшетъ ѹсобицами; погивашетъ жизнь Дажь-Божа внѹка, в Княжихъ крамолахъ вещи человекомъ скратишася. Тогда по Рѹской земли рѣтко ратаеве кикахѹтъ: нѣ часто врани граяхѹтъ, тѹпиа себе деляче; а галици свою рѣчь говоряхѹтъ, хотятъ полетѣти на ѹединѣ. То было в ты рати, и в ты плѣкы; а сице и рати не слышано: с зараниа до вечера, с вечера до света летятъ стрелы каленыя; гримлютъ сабли о шеломы; трещатъ копиа харалѹжныя, в поле незнаеме среди земли Половецкыи. Чрѣна земля под копыты, костью была посеяна, а кровию польяна; тѹгою въздоша по Рѹской земли. Что ми шѹмить, что ми звенить давечя рано пред зорями? Игорь плѣкы заворочает; жаль бо емѹ Цила брата Всеволода. Бишася день, бишася дрѹгый: третьяго дни к полѹднию падоша стязи Игоревы. Тѹ ся брата разлѹчиста на брезѣ выстрой Каялы. Тѹ кроваваго вина недоста; тѹ пир докончаша храбри Рѹсници; сваты попиоша, а сами полегоша за землю Рѹскѹю. Ничить трава жалощами, а древо стѹгою к земли преклонилось. Ѹже бо, братие, не веселая година възстала, ѹже пѹстыни силу прикрыла. Въстала овида в силахъ Дажь-Божа внѹка. Вступил девою на землю Трояню; възплескала левѣдинными крылы на синем море ѹ Донѹ плещѹчи, ѹвѹди жирня времена. Ѹсобица Князем на поганыя погыбе, рекоста бо брат братѹ: се мое, а то моеже; и начяша Князи про малое, се великое млѣвити, а сами на себе крамолѹ ковати: а погании с всехъ стран прихощахѹ с победами на землю Рѹснѹю. О! далече зайде сокол, птицѣ бя к морю: а Игорѣва храбраго плѣкѹ не кресити. За нимъ кликнѹ Карна и Жля, по скочи по Рѹской земли, смагѹ мычючи в пламяне розѣ. Жены Рѹскыя възплакашася аркѹчи: ѹже намъ своихъ милыхъ лад ни мыслию смыслити, ни дѹмою сдѹмати, ни очима сѹглядати, а злата и сребра ни мало того потрепати. А възстона бо, братие, Киев тѹгою, а Чернигов

напастьми; тоска разлися по Руской земли; печаль жирна тече средь земли Руской; а Князи сами на себе крамолу коваху; а погани сами победами нарищуще на Рускую землю, емляху дань по беле от двора. Тии бо два храбрая Святъславича, Игорь и Всеволод уже лжу убуди, которую то баше успил отец их Святъслав грозный Великий Киевский. Грозою башеть; притрепетал своими сильными плъкы и харалужными мечи; наступи на землю Половецкую; притопта хлъми и яругы; взмутьи реки и озеры; иссуши потоки и болота, а поганаго Ковяка из лүкү моря от железных великих плъков Половецких, яко вихр выторже: и падеся Ковяк в граде Киеве, в гриднице Святъславли. Тү Немци и Венедици, тү Греци и Морава поют славу Святъславлю, каютъ Князя Игоря, иже погрузи жир во дне Каялы реки Половецкия, Рускаго злата насыпаша. Тү Игорь Князь выседе из седла злата, а в седло Кощинево; үныша бо градом забралы, а веселие пониче. А Святъслав мутен сон виде: в Киеве на горах си ночь с вечера одевахъте мя, рече, чръною паполомою, на кровати тисове. Чръпахуть ми синее вино с трудомъ смешено; сыпахутьми тъщими түлы поганых тльковин великий женчюгъ на лоно, и негүют мя; уже дьскы без кнеса вмоем тереме златовръсем. Всю ночь с вечера босүви врани възгряху, ү Плесньска на волони веша деврь Кисаню, и не сошло к синемү морю. И ркоша бояре Князю: уже Княже туга үмь полонила; се бо два сокола слетеста с отня стола злата, поискати града Тъмүтороканя, а любо испити шеломомъ Донү. Уже соколома крильца припешали поганых савлями, а самую опүстоша в пүтины железны. Темно бо бе в 3 день: два солнца померкоста, оба багряная стлѣпа погасоста, и с ним молодая месяца, Олег и Святъслав тьмою ся поволокоста. На реце, на Каяле тьма свет покрыла: по Руской земли прострошася Половци, аки пардүже гнездо, и в море погрузиста, и великое бүйство подасть Хинови. Уже снесеса хула на хвалү; уже треснү нүжда на волю; уже връжеса див на землю. Се бо Готския красныя девы възпеша на брезе синемү морю. Звоня Руским златом, поют время Бүсово, лелеют мечь Шароканю. А мы уже дружина жадни веселия. Тогда Великий Святслав изрони злато слово слезами смешено, и рече: о моя сыновчя Игорю и Всеволоде! рано еста начала Половецкую землю мечи цвелити, а себе славы искати. Нъ нечестно одолеете: нечестно бо кровь поганюю пролияете. Ваю храбрая сердца в жестоцем харалүзе скована, а в бүести закалена. Се ли створисте моей сребреней седине! А уже не виждү власти сильного, и богатаго и многовои брата моего Ярослава с Черниговьскими былями, с Могүты и с Татраны и с Шельвиры, и с Топчаки, и с Ревүгы, и с Ольверы. Тии бо бес щитовь с засапожники кликом плъкы побеждают, звонячи в прадеднюю славу. Нъ рекосте мү жа имеса сами, преднюю славу сами похитим, а заднюю ся сами поделим. А чи диво ся братие старү помолодити? Коли сокол в мытехывывает, высоко птиц възбивает; не даст гнезда своего в обиду. Нъ се зло Княже ми не пособие; на ниче ся години обратиша. Се Урим кричат под савлями Половецкими, а Володимир под ранами. Туга и тоска сынү

Глебову. Великий Княже Всеволоде! не мыслию ти прелетети издалеча, отня злата стола поблюсти? Ты во можеши Волгу веслы раскропити, а Дон шеломы выльяти. Аже бы ты был, то была бы Чага по ногате, а Кашей по резане. Ты во можеши посуху живыми шерешеры стреляти удалыми сыны Глебовы. Ты буй Рюриче и Давыде, не ваю ли злаченными шеломы по крови плаваша? Не ваю ли храбрая дружина рыкают акы турри, ранены саблями калеными, на поле незнаеме? Вступита Господина в злата стремя за обиду сего времени, за землю Рускую, за раны Игоревы, бугео Святславича! Галички Осмомысле Ярославе высоко седиши на своем златокованнем столе. Подпер горы Угорский своими железными плъки, заступив Королеви путь, затвори в Дунаю ворота, меча времени чрез облаки, суды рядя до Дуная. Грозы твоя по землям текут; отворяши Киеву врата; стреляши с отня злата стола Галтани за землями. Стреляй Господине Кончака, поганого Кощея за землю Рускую, за раны Игоревы бугео Святславича. А ты буй Романе и Мстиславе храбрая мысль носит вас ум на дело. Высоко плаваеши на дело в бугести, яко сокол на ветрех ширяся, хотя птицю в бугестве одолети. Буть во у ваю железный папорзи под шеломы латинскими. Теми тресну земля, и многи страны, Хинова, Литва, Ятвязи, Деремела, и Половци сүлицы своя повръгоща, а главы своя поклониша под тын мечи харалужныи. Нъ уже Княже Игорю, утрпе солнцю свет, а древо не бологом листовие срони: по Рсин, по Сүли гради поделиша; а Игорева храбраго плъку не кресити.

Дон ти Княже кличет, и зоветь Князи на победу. Олговичи храбрый Князи доспели на брань. Ингварь и Всеволод, и вси три Мстиславичи, не худа гнезда шестокрилци, непобедными жребии собе власти расхытитесте? Кое ваши златыи шеломы и сүлицы Ляцкии и щиты! Загородите полю ворота своими острыми стрелами за землю Рускую, за раны Игоревы бугео Святславича. Уже во Сүла не течет сребренными струями к граду Переяславлю, и Двина болотом течет оным грозным Полочаном под кликом поганых. Един же Изяслав сын Васильков позвони своими острыми мечи о шеломы Литовския; притрепа славу деду своему Всеславу, а сам под чрълеными щиты на кроваве траве притрепан Литовскими мечи. И схоти ю на кровать, и рек: дружинну твою, Княже, птиць крилы приде, а звери кровь полизаша. Не высь ту врата Брячяслава, ни другаго Всеволода; един же изрони жемчюжну дүшу из храбра тела, чрез злато ожерелие. Унылы голоси, пониче веселие. Трувы трувят Городеньскии. Ярославе, и вси внуце Всеслави уже понизить стязи свои, вонзить свои мечи вережени; уже во выскочисте из дедней славе. Вы во своими крамолами начястє наводити поганя на землю Рускую, на жизнь Всеславлю. Которое во вешє насилие от земли Половецкыи! На седьмом вецє Трояни връже Всеслав жребий о девицю себе любу. Тый клюками подпръся о кони, и скочи к граду

Киеву, и дотчеся стружием злата стола Киевскаго. Скочи от нух лютым зверем в плъночи из Бела-града, обесися сине мгыле, утръ же

возни стрикүсы оттвори врата Нову-градү, разшибе славу Ярославү, скочи влъком до Немиг и с Дудүток . На Немизе снопы стелют головами, молотят чеши харалүжными, на тоце живот кладут , веют дүшү от тела. Немизе кровави врезе не бологом вяхүть посеяни, посеяни костями Руских сынов. Всеслав Князь людем судяше, Князем грады рядяше, а сам в ночь влъком рыскаше; из Кыева дорискаше, до Кур Тмүтороканя; великомү хрѣсови влъком пүть прерыскаше. Тому в Полотске позвониша заүтреннюю рано ү Святыя Софен в колоколы: а он в Кыеве звон слыша. Аще и вещь дүша в дүзе теле, нѣ часто беды страдаше. Тому вещей Боян и прѣвое припевкү смысленый рече: ни хытрү, ни гораздү, ни птицю гораздү, суда Божиа не минүти! О! стонати Руской земли, помянүвше прѣвүю годинү, и прѣвых Князей. Того стараго Владимира не лъзе бе пригвоздити к горам Киевским: сего бо ныне сташа стязи Рюриковы, а дүзии Давидовы; нѣ рози нося им хоботы пашүт, копиа поют на Дүнай.

Ярославнын глас слышит: зегзицею незнаемь, рано кычеть: полечю, рече, зегзицею по Дүнаеви; омочю беврян рүкав в Каяле реце, үтрү Князю кровавыя его раны на жестоцем его теле. Ярославна рано плачет в Пүтивле на забрале, аркүчи: о ветре! ветрило! чемү Господине насильно вееси? Чемү мычеша Хиновьскыя стрелкы на своею нетрудною крилцю на моя лады вой? Мало ли ти бяшет гор под облакы веяти, лелеючи коравли на сине море? Чемү Господине мое веселие по ковылию развеза? Ярославна рано плачет Пүтивлю городү на завороле, аркүчи: о Днепре словүтицю! ты пробил еси каменные горы сквозе землю Половецкүю. Ты лелеял еси на себе Святослави носады до плѣкү Ковякова: възлелей господине мою ладү к мне, а бых не слала к немү слез на море рано. Ярославна рано плачет к Пүтивле на забрале, аркүчи: светлое и тресветлое слънце! всем тепло и красно еси: чемү господине простре горячую свою лүчу на ладе вой? в поле безводне жаждею имь лүчи съпряже, түгою им түли затче.

Прыснү море полүнощи; идүт сморци мылами; Игореви Князю Бог пүть кажет из земли Половецкой на землю Рускүю к отню златү столү. Погасоша вечерү зари: Игорь спит, Игорь бдит, Игорь мыслию поля мерит от великаго Дону до малаго Донца. Комонь в полүночи. Овлүр свиснү за рекою; велить Князю разүмети. Князю Игорю не быть: кликнү стүкнү земля; възшүме трава. Вежи ся Половецкии подвизашася; а Игорь Князь поскочи горностаем к тростию, и белым гоголем на воду; възврѣжеся на брѣз комонь, и скочи с него восьм влъком, и потече к лүгү Донца, и полете соколом под мьглами извивая гүси и лебеди, завтракү, и обеду и үжине. Коли Игорь соколом полете, тогда Влүр влъком потече, трүся собою стүденүю росү; претрѣгоста бо своя брѣзая комони. Донец рече: Княже Игорю, не мало ти величия, а Кончакү нелюбия, а Руской земли веселна. Игорь рече, о Донче! не мало ти величия? лелеявшү Князя на влънах, ставвшү емү зеленү травү на своих сребренных брезех, одевавшү его теплыми мьглами под сению зеленү древү; стрежаше е гоголем на воде,

чайцами на струях, Чрънядьми на ветрех. Не тако ли, рече, река Стугна худу струю имея, пожръши чужи ручьи, и стругы ростре на кусту? Уношу Князю Ростиславу затвори Днепръ темне верезе. Плачется мати Ростиславя по уноши Князи Ростиславе. Уныша цветы жаловою, и древо стугою к земли преклонило, а не сорокы втроскоташа. На следу Игореве ездит Гзак с Кончаком. Тогда врани не граахуть, галици помлъкоша, сорокы не троскоташа, полозию ползоша только, дятлове тектом путь к реце кажут, соловни веселыми песьми свет поведают. Млъвит Гзак Кончакови: аже сокол к гнезду летит, соколича ростреляево своими злаченными стрелами. Рече Кончак ко Гзе: аже сокол к гнезду летит, а ве соколца опутаево красною девицею. И рече Гзак к Кончакови: аще его опутаево красною девицею ни нама будет соколца, ни нама красны девице, то почнут наю птици бити в поле Половецком.

Рек Боян и ходы на Святъславля пестворца старого времени Ярославля Ольгова Коганя хоти: тяжко ти головы, кроме плечю; зло ти телу, кроме головы: Руской земли без Игоря. Солнце светится на небесе, Игорь Князь в Руской земли. Девици поют на Дунай. Вьются голоси чрез море до Кнева. Игорь едет по Боричеву к Святей Богородици Пирогощей. Страны ради, гради весели, певше песнь старым Князем, а по том молодым. Пети слава Игорю Святъславлича. Буй твру Всеволоде, Владимиру Игоревичу. Здравии Князи и дружина, поварая ж за христьяны на поганья плъки. Князем слава, а дружинне Аминь.

Источник: <http://lib.pushkinskiydom.ru/default.aspx?tabid=4941>

4.3. Моление Даниила Заточника

Произведение Даниила Заточника принадлежит к числу наиболее интересных литературных памятников Древней Руси. Оно известно в нескольких редакциях, которые настолько отличаются друг от друга, что правильнее говорить не о разных редакциях одного произведения, а о разных произведениях, подписываемых именем Даниила, или анонимных. Один из двух основных памятников называется «Словом Даниила Заточника», другой - «Молением Даниила Заточника». Едва ли не все основные вопросы литературной истории этого произведения до сих пор не решены окончательно. Спорным является прежде всего вопрос о личности автора и характере его сочинения. Одни исследователи считают, что Даниил Заточник – чисто литературный образ, от лица которого анонимный автор создал сугубо литературное произведение, другие полагают, что Даниил Заточник – историческая личность, а его произведение – реальное послание князю. Сторонники последней точки зрения по-разному определяют социальный статус Даниила (дворянин, дружинник, ремесленник, холоп, летописец и т. п.) и адресатом послания считают разных князей. Спорным также является вопрос о взаимоотношении и датировке «Слова» и «Моления». Одни ученые

считают первичным «Слово», датируя его XII в., другие - «Моление», датируя его XIII в.

Первоначальный, авторский текст «Слова» представлял собой, вероятно, послание опального княжеского дружинника своему князю, Ярославу Владимировичу, с перерывами княжившему в Новгороде в 80-е – 90-е гг. XII в.; в это время и было, очевидно, написано послание. Оказавшись в опале за свою дерзость, излишнюю прямоту и испытав в изгнании все тяготы нищенской жизни, Даниил обращается к князю с просьбой помиловать его и вернуть в княжескую дружину, указывая на свои достоинства (ум, мудрость, дар художественного слова) и претендуя на роль княжеского советника, посла и ратора.

Некоторые исследователи считают «Моление Даниила Заточника» первым опытом древнерусской дворянской публицистики. Для стиля «Моления Даниила Заточника» характерны сочетание цитат из Библии, летописи с живой речью, сатирой, направленной против бояр и духовенства.

Слово Даниила Заточника еже написа своему князю Ярославу Володимировичу

**Вострувим уво, братие, аки в златокванну трубу, в разум ума
своего и начнем бити в сребреныя органы во известие мудрости, и ударим
в бубны ума своего, поюще и богодохновенныя свирели, да восплачутся в
нас душеполезный помыслы. Востани, слава моя, востани, псалтыр и гусли.
Да развергу в притчах гадания моя и провещаю во языцех славу мою.
Сердце смысленнаго укрепляется в телесе его красотою и мудростию**

**Ведыи, господине, твое благоразумие и притекох ко обычной твоей
любве. Глаголет во святое писание: просите и примете; Давид рече: не
суть речи, ни словеса, их же не слышатся гласи их. Мы же не умолчим, но
возглаголем господину своему всемилостивому князю Ярославу
Всеволодичю.**

**Княже мои, господине! Помяни мя во княжении своем, яко аз раб твои
и сын рабы твоя.**

**Вижу, господине, вся человеки, яко солнцем, греми милостию твоею,
точно аз един яко трава, в застени израстущи, на нуже ни солнце сияет,
ни дождь идет: тако аз хожу во тме, отлучен день и ночь света очию
твоею. Тем, господине, приклони ухо твое во глаголы уст моих и от всех
скорбен моих избави мя. Княже мои, господине! Все напитаются от обилия
дому твоего, аки потоком пища твоея; токмо аз един жадаю милости
твоея, аки елень источника воднаго.**

**Есмь во яко древо сухо, стояще при пути, да вси мимоходящен секут
его; тако и аз всеми обидим есмь, зане не огражден есмь страхом грозы
твоея, аки оградом твердым.**

**Княже мои, господине! Богат муж везде знаем есть и в чужем граде:
а убог муж и во своем граде неведом ходит. Богат муж возглаголет а вси**

молчат и слово его до облак вознесут; а убог муж возглаголет, то вси на него воскликнут. Их же во ризы светлы, тех и речи честны.

Княже мой, господине! Не возри на внешняя моя, но вонми внутренняя моя. Аз во есмь одеянием скуден, но разумом обилен, юн возраст имын, но стар смысл вложих вонь. И бых паря мыслию своею, аки орел по воздуху.

Княже мой, господине! Яви ми зрак лица твоего, яко глас твой сладок, и уста твоя мед истачают, и образ твой красен; послания твоя яко рай с плодом; руже твой исполнены яко от злата аравинска; ланиты твоя яко сосуд араматы; гортан твой яко крин, капля миро, милость твою; вид твой яко ливан избран; очи твои яко источник воды живы; чрево твое яко стог пшеничен, иже многи напитая; слава твоя превозносит главу мою, и бысть выя в бусте, аки фарис в монисте.

Княже мой, господине! Не зри на мя, аки волк на агнеца, но зри на мя, яко мати на младенца. Возри на птица небесная, яко ни сеют, ни жнут, ни в житница собирают, но уповают на милость Божию.

Да не буди рука твоя согбена на подание убогим. Писано во есть: просящему у тебе дай, толкущему отверзи, да не лишен будеши царства небеснаго; писано во есть: возверзи на господа печаль свою, и той тя препитает во веки.

Княже мой, господине! Не лиши хлеба нища мудра, не возноси до облак богата несмыслена. Нищъ бо, а мудр, яко золото в полне сосуде; а богатый человек несмыслен, яко паволочито изголовие соломы наткано; а убог несмыслен, аки солома во грязи втоптана.

Княже мой, господине! Аще есми на рати не велми храбр, но в словесех крепок; тем звиран храбрый и совкупляй смысленыя. Луче един смыслен, паче десяти владеющих грады властелин без ума; иво Соломон тако же рече: лучше един смыслен, паче десяти владеющих властелин без ума, зане же мудрых мысль добра. Данил рече: храбра, княже, борзо добудешь, а умен дорог. Мудрых полцы крепки, и грады тверды; храбрых же полцы силни, а безумни: на тех бывает победа. Не корабль топит человеки, но ветер; тако же и ты, княже, не сам владеши, в печал введут тя думцы твои. Не огонь творит разжение железу, но надмение мешное. Умен муж не велми бывает на рати храбр, но крепок в замыслех, да тем собирати мудрые

Княже мой, господине! Се бо был есми в велицей мнозе нужи и печали и под работным ермом пострадах; все то искусих, яко зло есть. Луче бы ми нога своя видети в лыченицы в дому твоем, нежели в черлене сапозе в боярстем дворе; лучше бы ми в дерюзе служити тебе, нежели в багрянице в боярстем дворе. Не лепо у свинии в нозрех рясы златы, тако на холопе порты дороги. Аще бо были котлу во ушню златы колца, но дну его не избыти черности и жжения; тако же и холопу: аще бо паче меры горделив был и буйав, но укору ему своего не избыти, холопья имени. Луче бы ми вода пити в дому твоем, нежели мед пити в боярстем дворе; лучше бы

ми воробей испечен принимати от рѹки твоея, нежели боранье плечо от госѹдарей злых. Многожды во обретаются работные хлѣбы аки пѣлын во ѹстех, и питие мое с плачем растворях.

Добрѹ господинѹ слѹжа, дослѹжится своводы, а злѹ господинѹ слѹжа, дослѹжится болшиє работы. Княже мои, господине! Кому Переславль, а мне гореславль; кому Боголюбово, а мне горе лютое; кому Белоозеро, а мне чернее смолы, кому Лаче озеро, а мне много плача исполнено, зане часть моя не прорасте в нем

Сего ради, княже мои, господине, притекох ко обычной твоей любви и нестрашимей милости, бежа ѹбожества, аки ротника зла, аки от лица зминна, зовый гласом блѹднаго сына, еже рече: помяни мя, спасе; тем и аз вопию ти: помяни мя,, сыне великого князя Всеволода, да не восплачюся аз, лишен милости твоея, аки Адам рая. Обрати тѹчу свлоств твоея на землю хѹдости моея: да возвеселюся о царе своем, яко обретая корысть многѹ злата, воспою, яко напоен вина, возвеселюся, яко исполни тещи пѹть.

Земля плод дает обилия, дрѣвеса овощь; а ты нам, княже, богатство и славу. Все бо притекают к тебе и обретают от печали, избавление; сироты, хѹдые, от богатых потопляеми, аки к заступнику теплому, к тебе прибегают. Птенцы радѹются под крылома матери своея, а мы веселимся под державою твоей.

Избави мя, господине, от нищеты, аки птицу от кляпцы, и исторгни мя от скудости моея, яко сернѹ от тенета, как ѹтя, носимо в кохтях ѹ сокола. Иже во в печали кто мѹжа призрит, то аки водою стѹденою напоит в день зноя.

Княже мои, господине! Ржа ест железо, а печаль ѹм человеку. Яко олово многоразливаемо гинет, тако и человек от многи беды хѹдеет; печалнѹ человеку засышют кости. Всяк видит ѹ дрѹга сѹщец во очию, а ѹ себе ни бревна не видит. Всяк человек хитрит и мѹдрит о чюжеи беде, а о своей и смыслити не может.

Источник: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=4942>

4.4. Слово о гибели Русской земли

«Слово о гибели Русской земли» представляет собой отрывок не дошедшего до нас произведения, посвященного монголо-татарскому нашествию на Русь. Упоминаемые в «Слове» имена и контекст, в котором эти имена встречаются («до ныняшняго Ярослава и до брата его Юрья...»), отзвуки легенд о Владимире Мономахе и некоторые южнорусские черты текста дают основание считать, что «Слово о гибели Русской земли» было написано автором южнорусского происхождения в северо-восточной Руси.

Время написания «Слова» датируется периодом с 1238 по 1246 г. («нынешний Ярослав» умер в 1246 г.). Описание в «Слове» величия и могущества Русской земли предшествовало не сохранившемуся рассказу о

нашествии Батыя. Такой характер вступления к тексту, который должен был повествовать о горестях и бедах страны, не случаен. Эта особенность «Слова о погибели Русской земли» находит себе типологическое соответствие с произведениями древней и средневековой литературы, в которых описываются с патриотических позиций невзгоды и тяжелые испытания, обрушившиеся на родину автора.

«Слово о погибели Русской земли» по поэтической структуре и в идейном отношении близко к «Слову о полку Игореве». Оба эти произведения отличает высокий патриотизм, обостренное чувство национального самосознания, гиперболизация силы и воинской доблести князя-воина, лирическое восприятие природы, ритмический строй текста. Оба памятника близки и сочетанием в них похвалы и плача: похвалы былому величию Русской земли, плача о ее бедах в настоящем. «Слово о полку Игореве» было лирическим призывом к единению русских князей и русских княжеств, прозвучавшим перед монголо-татарским нашествием. «Слово о погибели Русской земли» - лирический отклик на события этого нашествия.

«Слово о погибели Русской земли» дошло до нас в двух списках: один (XV в.) – в Гос. архиве Псковской области (собр. Псково-Печерского монастыря, ф. 449, № 60), другой (XVI в.) – в Дрвлекранилище ИРЛИ (Р.IV, оп. 24, № 26). В обоих списках «Слово» дошло в виде предисловия к «Повести о житии Александра Невского». Такое объединение этих текстов – факт более поздней литературной истории обоих произведений.

О, светло светлая и украсно украшена земля Русская! и многими красотами удивлена еси: озера многими удивлена еси, реками и кладязьми месточестными, горами крутыми, холми высокими, дубравами чистыми, полями дивными, зверьми различными, птицами бесчисленными, города великими, селы дивными, винограды обителными, дома церковными, и князми грозными, бояры честными, вельможами многими! Всего еси исполнена земля Руская, о праверьная вера христиньская!

Отселе до угор и до ляхов, до чахов, от чахов до ятвязи, и от ятвязи до литвы, до немец, от немец до корелы, от корелы до устьяга, где тамо вяху то имици погани и задышючим морем, от моря до болгарь, от болгарь до буртас, от буртас до чермис, от чермис до моръдвн, - то все покорено было богом крестияньскому языку поганьския страны великому князю Всеволоду, отцю его Юрю, князю кыевьскому, деду его Володимеру и Манамаху, которым то половоци дети своя ношаху в колыбели, а литва из волота на свет не выникываху, а угры твердаху каменыи города железными вороты, авы на нх великий Володимер тамо не вьсехал. А немци радовахуся, далече будче за синим морем; буртаси, черемиси, вьда и моръдва бортьничаху на князя великого Володимера, и жюр Мануил цесарегородский опас имея, пене и великия дары посылаша к нему, авы под ним великий князь Володимер Цесаря города не взял.

А в ты дни болезнь крестияном, от великаго Ярослава и до Володимера, и до ныняшняго Ярослава, и до брата его Юрья князя Володимерьскаго.

Источники: <http://lib.pushkinskijdom.ru/default.aspx?tabid=4953>

4.5. Повесть временных лет

«Повесть временных лет» занимает в истории русского общественного самосознания и истории русской литературы особое место. Это не только древнейший из дошедших до нас летописных сводов, повествующий о возникновении Русского государства и первых веках его истории, но одновременно и важнейший памятник историографии, в котором отразились представления древнерусских книжников начала XII в. о месте русичей среди других славянских народов, представления о возникновении Руси как государства и происхождении правящей династии, в котором с необычайной ясностью освещены, как бы сказали сегодня, основные направления внешней и внутренней политики. «Повесть временных лет» свидетельствует о высоко развитом в то время национальном самосознании: Русская земля осмысляет себя как могущественное государство со своей самостоятельной политикой, готовое при необходимости вступить в единоборство даже с могущественной Византийской империей, тесно связанное политическими интересами и родственными отношениями правителей не только с сопредельными странами – Венгрией, Польшей, Чехией, но и с Германией, и даже с Францией, Данией, Швецией.

Русь осмысливает себя как православное государство, уже с первых лет своей христианской истории освященное особой божественной благодатью: оно по праву гордится своими святыми покровителями – князьями Борисом и Глебом, своими святынями – монастырями и храмами, своими духовными наставниками – богословами и проповедниками, известнейшим из которых, безусловно, являлся в XI в. митрополит Иларион. Гарантией целостности и военного могущества Руси должно было являться владычество в ней единой княжеской династии – Рюриковичей. Поэтому напоминания, что все князья – братья по крови, – постоянный мотив «Повести временных лет», ибо на практике Русь сотрясают междоусобицы и брат не раз поднимает руку на брата.

Еще одна тема настойчиво обсуждается летописцем: половецкая опасность. Половецкие ханы – иногда союзники и сваты русских князей, чаще всего все же выступали как предводители опустошительных набегов, они осаждали и сжигали города, истребляли жителей, уводили вереницы пленных. «Повесть временных лет» вводит своих читателей в самую гущу этих актуальных для того времени политических, военных, идеологических проблем.

Но кроме того, по словам Д. С. Лихачева, «Повесть» являлась «не просто собранием фактов русской истории и не просто историко-публицистическим сочинением, связанным с насущными, но преходящими задачами русской

действительности, а цельной литературно изложенной историей Руси» (Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 169).

Можно с полным основанием рассматривать «Повесть временных лет» как памятник литературы, донесший до нас и записи устных исторических преданий, и монастырские рассказы о подвижниках, и представивший саму историю как повествование, рассчитанное на то, чтобы остаться не только в памяти читателей, но и в их сердце, побудить их к размышлениям и поступкам, направленным на благо государства и народа.

«Повесть временных лет» дошла до нас лишь в поздних списках, старшие из которых отдалены от времени ее создания на два с половиной – три столетия. Но сложность ее изучения не только в этом. Сама «Повесть временных лет» - лишь один из этапов истории отечественного летописания, истории, реконструкция которой представляет чрезвычайно сложную задачу.

Наиболее авторитетной по сей день остается гипотеза академика А. А. Шахматова, дополненная и уточненная его последователями (прежде всего – М. Д. Приселковым и Д. С. Лихачевым). Согласно их представлениям, «Повести временных лет» предшествовали другие летописные своды. А. А. Шахматов предполагал, что у истоков летописания находился Древнейший летописный свод конца 30-х гг. XI в., Д. С. Лихачев полагает, что первым этапом осмысления отечественной истории киевскими книжниками было создание «Сказания о первоначальном распространении христианства на Руси» (названия обоих памятников даны исследователями). В 70-х гг. XI в. создается летописный свод Никона, в 1093 – 1095 гг. – так называемый Начальный свод.

В начале XII в. (в 1113 г.?) монах Киево-Печерского монастыря Нестор создает «Повесть временных лет», существенно переработав предшествующий ей Начальный свод. Он предпослал рассказу об истории Руси обширное историко-географическое введение, изложив свои взгляды на происхождение славян и на место русичей среди других славянских народов; он описал территорию Руси, быт и нравы населявших ее племен. Помимо летописных источников Нестор использовал переводную византийскую хронику – Хронику Георгия Амартола, в которой излагалась всемирная история от сотворения мира и до середины X в. Нестор включил в «Повесть временных лет» тексты договоров Руси с Византией, добавил к содержащимся уже в летописях его предшественников историческим преданиям новые: о сожжении Ольгой древлянского города Искоростеня, о победе юноши-кожемяки над печенежским богатырем, об осаде печенегами Белгорода. Нестор продолжил повествование Начального свода описанием событий конца XI – начала XII в. Именно под его пером «Повесть временных лет» превратилась в стройное, подчиненное единой концепции и литературно совершенное произведение о первых веках русской истории.

А. А. Шахматов считал, что текст Нестора до нас дошел не в своем первоначальном виде: в 1116 г. «Повесть временных лет» была переработана монахом Выдубицкого монастыря Сильвестром (переработке подверглась, по

А. А. Шахматову, лишь заключительная часть «Повести»), Так возникла вторая редакция «Повести временных лет», известная нам по Лаврентьевской летописи 1377 г., Радзивилловской летописи и Московско-Академической летописи (обе XV в.), а также по восходящим к ним (точнее – к их протографам) более поздним летописным сводам. В 1118 г. создается еще одна – третья редакция «Повести». Она дошла до нас в составе Ипатьевской летописи, старший список которой датируется первой четвертью XV в.

Однако изложенная выше концепция представляется недостаточно убедительной в той части, которая касается судьбы текста Нестора. Если принять точку зрения Шахматова на существование трех редакций «Повести» и реконструируемый им их состав, окажется трудным объяснить включение в текст второй редакции значительных фрагментов из третьей и, наряду с этим, сохранение явного дефекта – обрыва на середине текста статьи 1110 г., полностью читающейся в той же третьей редакции; требует объяснения и совпадение ряда исправных чтений Радзивилловской и Ипатьевской летописей при неверных или сокращенных чтениях в Лаврентьевской и т. д.

**Се повести времяньных лет, откүдү есть пошла рүская земля,
кто в Кieve нача первее княжити, и откүдү рүская земля стала есть**

**Подем же жившем особе и владеющем роды своими, иже и до сее
братье вяхү Поляне, и живяхү кождо с своим родом и на своих местех,
владеюще кождо родом своим. И быша 3 братья, единому имя Кий, а
дрүгомү Щек, а третьемү Хорив, и сестра их Лыведь. Седяше Кий на
горе, идеже ныне үвоз Боричев, а Щек седяше на горе, идеже ныне
зовется Щековица, а Хорив на третьей горе, от негоже прозвася
Хоривица; и створиша град во имя брата своего старейшаго, и нарекоша
имя емү Киев. И вьаше около града лес и бор велик, и вяхү ловяща зверь,
вяхү мүжи мүдри и смыслени, и нарицахүся Поляне, от нихже сүть Поляне
в Кieve и до сего дне.**

**Ини же, не сведүще, рекоша, яко Кий есть перевозник был, ү Кива
во вьаше перевоз тогда с оной стороны Днепра, тем глаголахү: на перевоз
на Киев. Аще во вы перевозник Кий, то не вы ходил Царюгородү; но се
Кий княжаше в роде своем; и приходившю емү ко царю якоже скажутъ,
яко великү честь приял есть от царя, при которомь приходив цари; идүщю
же емү вспять, приде к Дүнаеви, и вълюби место, и срүби градок мал, и
хотяше сести с родом своим, и не даша емү тү влизь живүщии; еже и
доныне наричють Дүнайци городище Кивець. Киеви же пришедшю в свой
град Киев, тү живот свой сконча; и брат его Щек и Хорив и сестра их
Лыведь тү скончашася.**

**Поляном же живүщимь особе, якоже рекохом, сүщим от рода
Словеньска, и нарекошася Поляне, а Деревляне от Словен же, и
нарекошася Древляне; Радимичи во и Вятичи от Ляхов. Бяста во 2 брата**

в Лясах, Радим, а другий Вятко, и пришедъша седоста Радим на Съжю, и прозвашася Радимичи, а Вятъко седе с родом своим по Оце, от негоже прозвашася Вятичи. И живяху в мире Поляне, и Древляне, и Север, и Радимичи, Вятичи и Хорвате. Дүлеви живяху по Бүгү, где ныне Вельняне, а Улүчи и Тиверьци седяху по Днестру, приседяху к Дүнаеви. Бе множество их; седяху бо по Днестру оли до моря, и сүть гради их и до сего дне, да то ся зваху от грек Великая Скуфь.

Имяху бо обычаи свои, и закон отець своих и преданья, каждо свой нрав. Поляне бо своих отець обычай имуть кроток и тих, и стыденье к снохам своим и к сестрам, к матерем и к родителем своим, к свекровем и к деверем велико стыденье имеху, брачный обычай имяху: не хожаше зять по невесту, но привожаху вечер, а заутра приношаху по ней что вдадуче. А Древляне живяху звериньским образом, живуще скотьски, убиваху друг друга, ядяху все нечисто, и брака у них не бываше, но умыкиваху у воды девица. И Радимичи, и Вятичи, и Север один обычай имяху: живяху в лесах, якоже и всякий зверь, ядуще все нечисто, и срамословье в них пред отьци и пред снохами, и браци не бываху в них, но игрища межю селы, схожахуся на игрища, на плясанье и на вся бесовская игрища, и ту умыкаху жены себе, с неюже кто съвещашеся; имяху же по две и по три жены. И аще кто умряше, творяху тризну над ним, и по семь творяху кладу велику, и възложахуть и на кладу, мертвеца сожьжаху, и посемь собравше кости вложяху в судину малу, и поставляху на столпе на путех, еже творять Вятичи и ныне. Си же творяху обычая Кривичи и прочии поганин, не ведуще закона божия, но творяще сами себе закон.

В лето 6370. Изъгнаша Варяги за море, и не даша им дани, и почаша сами в себе володети, и не бе в них правды, и вьста род на род, и быша в них усобице, и воевати почаша сами на ся. И реша сами в себе: понщем себе князя, иже бы владел нами и судил по праву. И идоша за море к Варягом, к Руси; сице бо тии звахуся Варязи Русь, яко се друзни зовутся Свие, друзни же Урмане, Антьгляне, друзни Гьте, тако и си. Реша Руси Чюдь, и Словени, и Кривичи и Вси: земля наша велика и обилна, а наряда в ней нет; да и пойдете княжить и володети нами. И избьрашася З вратья с роды своими, и пояша по себе всю Русь, и придоша; старейший, Рюрик, седе Новегороде, а другий, Синеус, на Беле-озере, а третий Изборьсте, Трувор. И от тех Варяг прозвася Руская земля, Новугородьци, ти сүть людье Новогородьци от рода Варяжьска, преже бо беша Словени. По двою же лету Синеус умре и брат его Трувор; и прия власть Рюрик, и раздая мужем своим грады, овому Полотеск, овому Ростов, другому Белоозеро. И по тем городом сүть находници Варязи, а перьвии насельници в Новегороде Словене, в Полотьсте Кривичи, в Ростове Меря, в Беле-озере Весь, в Муроме Мурома; и теми всеми овладаше Рюрик. И вьста у него 2 мужа, не племени его, но боярина, и та испросистася ко Царюгороду с родом своим. И поидоста по Днепру, и идуче мимо и узреста

на горе градок, и упрошаста и реста: чий се градок? Они же реша: была сѹть 3 братья, Кий, Щек, Хорив, иже сделаша градокось, и изгибоша, и мы седим, платяче дань родом их Козаром. Асколд же и Дир остаста в граде семь, и многи варяги съвокуписта, и начаста владети Польскою землею. Рюрику же княжашу в Новегороде.

В лето 6415. Иде Олег на Греки, Игоря оставив Кieve; поя же множество Варяг, и Словен, и Чюдь, и Кривичи, и Мерю, и Деревляны, и Радимичи, и Поляны, и Северо, и Вятичи, и Хорваты, и Дuleвы, и Тиверци, яже сѹть толковины: си вси зваху́ться от Грек Великая Скуфь. И с сими со всеми поиде Олег на конех и на кораблех, и бе числом кораблей 2000; и прииде к Царюграду; и Греци замкоша Суд, а град затвориша. И выиде Олег на брег, и воевати нача, и много убийство сотвори около града Греком, и разбиша многы полаты, и пожгоша церкви; а ихже имаху пленники, оveh посекаху, дру́гнн же мучаху, инья же растреляху, а дру́гнн в море вметаху, и ина многа зла творяху.

Русь Греком, еликоже ратнии творять. И повеле Олег воем своим колеса изделати и воставити на колеса корабля, и бывшую покосну ветру, въспяша парусы с поля, и идяше к граду. И видевше Греци и убояшася, и реша выславше ко Олгови: не погубляй града, имем ся по дань, якоже хочещи. И устави Олег воя, и вынесоша ему брашно и вино, и не приа его; бе во устроено со отравою. И убояшася Греци, и реша: несть се Олег, но святыи Дмитрией, послан на ны от бога. И заоведа Олег дань даяти на 2000 корабль, по 12 гривен на человек, а в корабли по 40 мужь; и яшася Греци по се, и почаша Греци мира просити, дабы не воевал Грецкые земли. Олег же, мало отступив от града, нача мир творити со царьма Грецкима, со Леоном и Александром, посла к нима в град Карла, Фарлофа, Вельмуда, Рулава и Стемида, глаголя: имите ми ся по дань. И реша Греци: чего хочещи, дамы ти. И заоведа Олег дати воем на 2000 корабль по 12 гривен на ключь, и потом даяти уклады на Руския грады: первое на Киев, таже на Чернигов, и на Переаславль, и на Полтеск, и на Ростов, и на Любечь и на прочаа города, по тем бо городом седяху велиции князи, под Олгомь суже; да приходячи Русь слюбное емлють, елико хотячи, а иже придут гости, да емлють месячину на 6 месяць, хлеб, и вино, и мясо, и рыбы и овощь; и да творять им мовь, елико хотять; поидучи же домов, в Русь, да емлють у царя нашего на путь брашно, и якори, и ужа, и парусы, и елико им надобе. И яшася Греци и реста царя и боярство все: аще приидут Русь бес купли, да не взимають месячины; да запретити князь словом своим приходящим Руси zde, да не творять пакости в селех в стране нашей; приходяще Русь да витають у святаго Мамы, и послеть царство наше; и да испишють имена их, и тогда возмутъ месячное свое, а первое от города Киева, и паки ис Чернигова и ис Переаславля, и прочим гради; и да входять в град одними вороты со царевым мужем, без оружья, мужь 50, и да творять куплю, якоже им надобе, не платяче мыта ни в чем же. Царь же Леон со Александром мир

сотвориша со Олгом, имшеся по дань и роте заходивше межы собою, целовавше сами крест, а Олга водивше на роту, и мѹжи его по Рѹсскому закону кляшася оружьем своим, и Перѹном, богом своим, и Волосом, скотьем богом, и ѹтвердиша мир. И рече Олег: исшийте парѹсы паволочиты Рѹси, а Словенем кропиньныя, и бысть тако; и повеси щит свой в вратех, показѹа победѹ, и поиде от Царяграда. И воспяша Рѹсь парѹсы паволочиты, а Словене кропиньны, и раздра а ветр; и реша Словени: имемся своим толстинам, не даны сѹть Словенем пре паволочиты. И приде Олег к Киеву, неся золото, и паволоки, и овощи, и вина, и всякое ѹзорочье. И прозваша Олга вещей: бяхѹ бо людие погани и невеголоси.

Источники: <http://lib.ru/HISTORY/RUSSIA/povest.txt>

5. КНИЖНОСЛАВЯНСКИЕ ПАМЯТНИКИ ВЕЛИКОРУССКОЙ НАРОДНОСТИ

5.1. Епифаний Премудрый. Житие Стефана Пермского

«Житие Стефана Пермского» было написано монахом Троице-Сергиева монастыря Епифанием, за свою широкую образованность прозванным Премудрым. Данное произведение отражает литературный язык начала XV столетия: нарочито витиеватая манера повествования, опирающаяся на риторические средства книжного языка (сложные слова, отвлеченная лексика, слова-символы, цветистые метафоры и т. п.).

Коль много лет мнози философи еллинстии събирали и составлявали грамоту греческую, и едва уставили мнозехи труды и многими времени, едва сложили; пермскую же грамоту, един чрънецъ сложил, един составил, един счинил, един калогер, един мних, един инок, Стефан глаголю, приснопомнимый епископ, един в едино время, а не по многа времена и лета, якоже и они, но един инок, един въединеныи и ѹединяся, един, ѹединеныи, един ѹ единого бога помощи прося, един единого бога на помощь призываа, един единому богу моляся и глаголя: боже и господи, иже премудрости наставниче и смыслудавче, несмысленым казателю и нищим заступниче: ѹтверди и вразуми сердце мое, и дай же ми слово, отчее слово, да ты прославляю в веки веком. И сице един инок, к единому богу помоляся, и азвуку сложил, и грамоту сотворил, и книги перевел в малых летех, богу помогающу ему; а они мнози философи, многими леты, седьмь философов, едва азвуку уставили, а 70 муж мудрец преложение преложили, перетолмачили

Темже, епископе, добро дело съделал еси, достоин быть похвалы; тебе бо бог похвали, еже есть отецъ, и сын, и святой дух, егоже ты благословил еси, егоже ты проповедал еси, егоже ты прославил еси, и бог тебе прослави, възмездие подая тебе противу труд твоих. Бог бо прославляет ѹгодники своя, служащаа ему верно, тебе и бог прослави, и аггели похвалиша, и челоуецы почтиша, и пермяне ѹблажиша, иноплеменницы покоришася, иноязычници ѹстыдешася, погании посрамишася, кумири съкрѹшишася, беси исчезоша, идоли попрани быша. Да и аз многогрешный и неразумный, последѹя словесем похвалении твоих, слово плетѹщи и слово плодящи, и словом почтити мнящи, и от словесе похваление събираа, и приобретаа, и приплетаа, паки глаголя: что еще ты нареку, вожа заблѹждьшим, обретателя погыбшим, наставника прелщеным, рѹководителя ѹмом ослепленным, чистителя оскверненым, взискателя расточеным, стража ратным, ѹтешителя печалным, кормителя алчущим, подателя тревѹющим, наказателя несмысленным, помощника обидимым, молитвеника тепла, ходатаа верна, поганым спасителя, бесом проклинателя, кумиром потребителя, идолом попитателя, богу служителя,

мудрости рачителя, философии любителя, целомудрия делателя, правде творителя, книгам сказателя, грамоте пермьстей писателя? Многа имена твоя, о епископе, много именитство стяжал еси, многих бо даров достоин бысть, многими благодатьми обогател еси. Да что ты еще прочее нареку, что еще требуеши именованій, что еще не стало на похваление прочих наречений твоих; аще и понудихся на приглашение, словесы похвалити ты недоуменно, аще и длъжен ти бых словесы послужити ти, аз окаянный грубый лишеник, многогрешный в человецех и недостойный во иноцех, како похваляю ты не веде, како изреку, не разумею, чим ублажу, недоумею

Но доколе не остану много глаголати, доколе не оставлю похвалению слова, доколе не престану предложенаго и продлъжнаго хвалословия? Аще бо и многажды въсхотел бых изъоставити беседу, но обаче любви его влечет мя на похваление и на плетение словес, изволися мне, после же всех хужшу, паче же акы изъврагу мне написать, яже о преподобнем отци нашем Стефане, бывшем епископе иже в Перми. Аз бо есмь мнии всех в братии моеи, и хужшии в людех, и меншии в человецех, последнии во крестянаех, неключимыи во иноцех, и невежа слову. Подобаеет же уже окончати слово, но прежде о сем всех молю, елико в писмена сия принцающих, и разгывающих, и почитающих, и послушающих, и внимающих, и разсужающих: господие мои, не воздвите на мя окааннаго, не поклените мя грешнаго, молю братолюбие ваше, и, еже о господе любовь; елицы прочитаете груваа сия писателнаа писмена пролеите за мя молитвы ваша к богу, понеже святых отец жития похваляю, увыи мне, а сам ленив живу. Горе мне глаголющу и не творящу, учащу и не чующу; но бесплоднаа, увыи мне, явихся смоковница, листвие токмо едино имею, листы книжное токмо обращаю, и листием книжным писаным токмо хвалюся, а плода добродетели не имею, вскую токмо упранияю землю, и того ради боюся проклятия с посечением, боюся реченаго: се уже секира при корени древа лежить; всяко древо, не творящее плода добра, посекаемо бывает, и во огнь вметаемо; боюся господа, рекшаго: всякую розгу, не творящую о мне плода, събирають и в огнь влагают и згарают; боюся апостолу глаголющу: не послушницы закона прави будутъ, но делатели. Того ради с доброглашением молю вы и с умилением припадаю, и с смиренумудрием мил ся дею, въпиа: не презрите мене окааннаго, аще будет ми ся негде написала речь зазорна, и неудобрена, и неустроена, и не ухыщрена: мне же мнится, яко ни едино же слово доволно есть, или благопотребно и стройно, но худа суть и грувости полна. Но аще и не гораздо написана быша некая, но обаче возможно есть некоему добреншему и мудреншему о господе построи ти сия и добре починити я, не удобренаа удобрити, и неустроенаа построи ти, и неухыщренаа ухитрити, и несвершенная накончати. И молю спроста всех вас от мала и до велика, яко да сотворите о мне молитву к богу, яко до молитвами вашими окончаваа слово возмогу рещи: слава ти господи сътворившему

вся; слава ти, съвершителю богу, слава давшему нам Стефана, и паки вземшему, слава вразумившему его и умудрившу, слава укрепившему его и наставльшу, слава иже тем посетившему и просветившему землю Пермскую, слава спасающему род человеческий, слава хотящему вся человеки спасти в разум истинный привести, слава давшему ми живот, да сна написах. Слава богу о всех. Слава отцу, и сыну, и святому духу, и ныне и присно, и въ веки веком, аминь.

Источники:

<http://drevne-rus-lit.niv.ru/drevne-rus-lit/text/iz-velikih-minej/slovo-o-zhitii-stefana-3.htm>

<http://lib.pushkinskijdom.ru/default.aspx?tabid=10091>

5.2. Сказание о Мамаевом побоище (отрывок)

«Сказание о Мамаевом побоище» – литературное произведение XV века об исторических событиях Куликовской битвы. «Сказание» дошло до нас в большом количестве списков. Некоторые из них имеют очень позднюю дату – конец XVIII – начало XIX века, что говорит об огромной популярности произведения в России. На источник оказала значительное влияние политико-идеологическая атмосфера времени его создания и редактирования (в частности, пристальное внимание было уделено роли церкви, а в свете противостояния Москвы с Великим княжеством Литовским и Крымским ханством в повествовании были усилены антилитовские и антиордынские акценты).

Хошю вам, братие, брань поведати новыя победы, како случися брань на Дону великому князю Дмитрию Ивановичю и всем православным христианом с поганым Мамаем з безбожными агаряны. И възвыси бог род христианский, а поганых уничижи и посрами их суровство, яко же въ прежняя времена Гедеону над мадиамы и преславному Моисию над фараоном. Подобаеть нам поведати величество и милость божию, како сътвори господь волю боящихся его, како пособствова господь великому князю Дмитрию Ивановичю и брату его князю Владимиру Андреевичю над безбожными половци и агаряны.

Попущением божим за грехы наша, от навожденна днаволя въздвижеся князь от възточныя страны, имянем Мамай, еллин сый верою, идоложрец и иконоборец, злый христианский укоритель. И начат подстрекати его днавол и вниде въ сердце его напасть роду христианскому, и наустити его, како разорити православную веру, и оскверънити святыя церкви, и всему христианству хошеть покорену от него быти, яко бы ся не славило господне имя в людех его. Господь же наш бог, царь и творец всеа твари, елико хошеть, ть и творить.

Он же безбожный Мамай начат хвалитися и поревновав второму Иулиану отступнику, царю Батыю, и нача спрашивать старых татар, како царь Батый пленил Русскую землю. И начаша ему сказывать старые

татарове, како пленил Русскую землю царь Батый, как взял Киев и Владимирь, и всю Русь, словенскую землю, и великого князя Юрья Дмитриевича убил, и многих православных князей избил, и святые церкви оскверни, и многие монастыри и села пожже, и в Володимере вселенскую церковь златаверхую разгравил. Ослеплен же ему умом, того бо не разуме, како господу годет, тако и будетъ. Яко же в оны дни Иерусалим пленен бысть Титом Римским и Навходнасором царем вавилонским за их съгрешениа и маловерие нъ не до конца прогневаются господь, ни в веки враждует.

Слышав же безбожный Мамай от своих старых татар и нача подвижен быти и диаволом палим непрестанно, ратца на христианство. И бе в себе нача глаголати къ своим еулатом и ясаулом, и князем, и воеводам, и всем татаром яко: Аз не хочу тако сътворити, яко же Батый, нъ егда доиду Руси и убью князя их, и которые грады красные довлеють нам, и ту сядем и Русью владеем, тихо и безмятежно пожывем. А не ведый того оканный, яко господня рука высока есть.

И по малех днех перевезеся великую реку Волгу съ всеми силами. И ины же многие орды къ своему великому вѣнству съвокупи и глагола им: Пойдем на Русскую землю и обогатеем русским золотом! Поиде же безбожный на Русь, акы лев ревый пыхаа, акы неутолимая ехидна гневом дыша. И доиде же до усть реки Вороножа и распустити всю силу свою и заповеда всем татаром своим яко: Да не пашете ни един вас хлеба, будите готовы на русские хлеба!

Слышав же то князь Олег Резанский, яко Мамай кочуетъ на Вороноже, а хочет ити на Русь, на великого князя Дмитрия Ивановича Московскаго. Скюдость же бысть ума в главе его, посла сына своего к безбожному Мамаю с великою честью и съ многими дары и писа грамоты своа к нему сице: Вѣсточному великому и волному, царем царю Мамаю а радоватися! Твой посаженик и присяжник Олег, князь резанский, много тя молитъ. Слышах, господине, яко хочещи итти на Русскую землю, на своего служебника князя Дмитрия Ивановича Московскаго, огрозитися ему хочещи. Ныне же, господине всесветлый царю, приспе твое время: злата, и сребра, и богатства много наплънися земля Московскаа и всякого узорочна твоему царству на потребу. А князь Дмитрий Московской человек христиан, егда услышитъ имя ярости твоеа, то отвежитъ в дальни отоки своа: люво в Новгород Великий, или на Белоозеро, или на Двину, а многое богатство московское и золото все в твоих руках будетъ и твоему вѣйску в потребу. Меня же раба твоего, Олга Резанскаго, дрѣжава твоя пощадить, царю. Аз бо ти велми устрашаю Русь и князя Дмитрия. И еще молим тя, царю, оба раби твои, Олег Резанский и Ольгорд Литовский, обиду приахом велику от того великого князя Дмитрия Ивановича, и где будетъ о своей обиде твоим имянем царским погрозим ему, он же о том не радить. И еще, господине

царю, град мой Коломну за себя заgrabил. И о том о всем, царю, жалобу творим тебе

А огосударь князь великий Дмитрий Иванович смирен человек и образ нося смиреномудрия, небесных желая и чаа от бога будущих вечных благ, не ведый того, что на него съвещевают зол съвет ближнии его друзи. О таковых бо пророк рече: Не сътвори ближнему своему зла и не рой, ни копей врагу своему ямы. На бога творца въскладай. Господь бог может живити и мертвити

Источник: <http://ksana-k.narod.ru/>

5.3. Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича царя Русьскаго (отрывок)

Эта повесть XV в. – выдающееся произведение житийной литературы времени расцвета риторического стиля русской письменности. В нем прославляются жизнь и деяния московского князя Дмитрия Ивановича, одержавшего блистательную победу над полчищами Золотой Орды в битве на поле Куликовом в 1380 г. Повествование ведется на книжно-славянском языке, при этом отдается предпочтение риторическим, экспрессивно значимым средствам литературного выражения. Цветистость и украшенность изложения создается с помощью книжно-славянских, отвлеченных слов (глаголати, живот, въздыхание), сложных существительных и прилагательных (святолетие, плотоугодие), глагольных словосочетаний (облецися в ризы), тавтологических оборотов речи (правоверная вера християньская), образных сравнений (блеснуша оружия яко молния в день дождя). Эмоционально-оценочный колорит повествования усиливается перифрастическими построениями, антитезами, вопросно-ответной формой изложения и другими средствами книжной риторики.

Сий же великий князь Дмитрий родися от благородну и от пречестну родителю, великого князя Ивана Ивановича и матери великие княгини Александры, внуку же бысть князя великого Ивана Даниловича, собрателя Русьской земли, и корени святого, и богом сажденнаго саду отрасль благоплодна и цвет прекрасный царя Владимира, новаго Костянтина, крестившаго Русьскую землю, сродник же бысть новою чудотворцю Борису и Глебу: воспитан же бысть в благочестии и в славе со всяцemi наказаниями духовными, и от самех пелен бога възлюбви. Отцу же его великому князю Ивану Ивановичю оставлешу житие света сего и приемшему небесная селения, си же оста млад сый, яко лет 9, с любимым си братом своим князем Иваном Ивановичем; потом же и матери его преставися великая княгини Александра, и превысть един в области великого княжения, приемшу ему скипетр державы Русьския земля и на столование земнаго царства и отчину свою великое княжение, по данней ему благодати от бога, чести же и славе. Еще же млад сый възрастом, и о духовных

прилежа делехсех, и пустошных бесед не творяше, и срамных глагол не любляше, злонаправных человек отвращашеся, а с благыми всегда беседоваше, божественных писаний всегда со умлением послушаше, о церквах божиих велми печашеся, а стражву земли Русьския мужеством своим держаше, злобою отроча обреташеся, а умом свершен всегда бываше, ратным же всегда в бранех страшен бываше, и многы враги встающая на ны победи, и славеный град свой Москву стенами чудными огради, и во всем мире славен бысть, яко кедр в Ливане умножися и яко финик в деревесех процвете. Ему же бывшу лет шестинадесять, приведоша ему на брак княгину Овдотию, от земля Суздальския, дщерь великого князя Дмитрия Костянтиновича, от матери великие княгини Анны, и възрадовася вся земля Русьская о совкуплении брака ею; по браце же целомудрено живяста, с умлением смотряста своего спасения, и в чисте совести, крепоста разума предержа земное царство и к небесному присягая, плотнугодия не творяху, и акы кормчий крепок противу ветром волны минуя, направляем вышняго промыслом, яко пророк на страже божия смотрения, тако смотряше своего царствия. И умножися слава имени его, якоже святаго и великаго князя Владимира, въскипе земля Русьская в лета княжения его, якоже преже обетованная Израилю; и страхом господства своего огради всю землю Русьскую, от востока и до запада хвално бысть имя его, от моря и до моря, от рек и до конець вселенная превознесеша честь его. Царие земьстин слышаше его удивившася, врази же его взавидеша ему, живущии окрест его, и навадиша на нь нечестивому Мамаю, тако глаголюще: великий князь Дмитрей Московский себе именуеть Руской земли царя, и паче честнейши тебе славою, супротивно стоить твоему царству. Он же наважен лукавными советники, иже християнскую веру держать, а поганых дела творяху; и рече Мамай князем своим и рядцем: приму землю Русьскую, и разорю церкви християнския, и веру их на свою преложю и велю кланятися своему Махметю; а идеже церкви были, ту ропати поставлю, а баскаки посажю по всем градом Русьским, и князи русьския извию. Акы преже Агог, царь Васаньский, похвалися на кивот завета господня иже в Силоме, сице похвалився погипе сам преже. И послав безбожный Мамай преже себе на Русь ратию воеводу своего, окааннаго Бигича, с великой силою и со многими князи ординьскими. Се слышав великий князь Дмитрей Ивановичь, поиде в сретение ему со многою силою Русьския земля, и вися с погаными в Рязаньской земли, на реце на Воже, и поможе бог и святая богородица великому князю Дмитрею Ивановичю, а поганыя агаряне посрамлени быша, овни изсечени быша, а инии повегоша; великий же князь Дмитрей Ивановичь възвратився с великою победою, тако заступаше свою отчину, Русьскую землю, от поганых противнаго нахождение. Безстудный же Мамай срама исполнися, в похвалы место безчестие прииде ему; и поиде сам на Русьскую землю, похвалився на великого князя Дмитрия Ивановича, исполни сердце свое злаго безакония.

Слышав же се князь великий Дмитрей Ивановичь, въздохнув из глубины сердца своего к богу и пречистой его матери, и рече: о пресвятая госпоже дево богородице, владычице, заступнице и помощнице миру! моли сына своего за мя грешнаго, да достоин буду главу и живот положить за имя сына твоего и за твое, иная помощница не имам, разве тебе, госпоже; да не порадуются враждующии ми без правды, ни ркуть погани: где есть бог их, на него же уповаша? да постыдятся вси являющии рабом твоим злая, яко аз раб твой есмь и сын рабыня твоея; испроси ми, госпоже, силу и помощь от святаго жилища сына твоего и бога моего, за злаго моего супостата и нечестиваго врага; постави ми, госпоже, столп крепости от лица вражня, възвеличи имя християнское над погаными агаряны и всегда посрами их.

И призва велможа своя и вся князи Русьския земля, сущая под властью его, и рече князем Русьския земля и велможам своим: лепо есть нам, братие, положить главы своя за правоверную веру християнскую, да не приняти будут грады наши погаными, ни запустеют святые божия церкви, и не разсеяни будем по лицу всея земля, да не поведени будут жены наша и дети в полон, да не томими будем погаными по вся дни; аще за нас умолишь сына своего и бога нашего пречистая богородица. И отвещаша ему князи Русьстии и велможа его: господине Русьский царю! рекли есмя тебе живот свой положить служба тебе; а ныне тебе ради кровь свою пролием и своею кровию второе крещение приемем. И възсприм Аврамлю доблесть, помолился богу, и помощника имуща святаго великаго святителя и чудотворца Петра, заступника Русьския земли, и поиде противу поганаго, аки древний великий князь Ярослав Володимировичь, на злочестиваго Мамайя, втораго Святополка; и срете его в Татарьскихъ полех, на Дону на реце, и съступишася аки силнии тучи, блеснуша оружия яко молния в дей дождя, ратнии сечахуся за руки емлюшася, и по удолием кровь течаша и Дон река потечаша с кровию смесився, главы же Татарьския аки камене валяшася и трупия поганых аки дубрава посечена: мнози же довереннии видяху ангелы божия помагающе християном. И поможе бог великому князю Дмитрею Ивановичю и сродника его святая мученика Борис и Глеб, окаанный же Мамай от лица его побеже; треклятый Святополк в пропасть побеже, а нечестивый Мамай без вести погыбе. Великий же князь Дмитрей Ивановичь възвратися с великою победою, якоже преже Моисей Амелика победи, и бысть тишина в Русьской земли; и тако врази его посрамишася, иныя же страны слышаша победы, даныя ему от бога на враги, и все под рuce ему поклонилася, расколници же и мятежници царства его вси погыбоша. Обычай же имеша великий князь Дмитрей Ивановичь, якоже Давид богоотец и пророк Сауловы дети миловаша, и си великий князь повинныя любляше, а повинныя прощае; по великому Иеву, яко отець есть миру и око слепым, нога хромым, столп и страж и мерило, известно к свету правя подвластныя, от вышняго промысла правление прием роду

человечю, всяко смятение мирское исправляше, высокопаривый орел, огонь попялая нечестие, баня мыющимся от скверны, гүмно чистоте, ветер плевелы развевая, одр трудившимся по Бозе, труба спящим, воевода мирный, венець победе, плавающим пристанище, коравль богатствү, оружие на врагы, мечь ярости, стена нерүшима, зломыслящим сеть, степень непоколеблема, зеркало житию, с богом все творя и по Бозе поварая, высокий үм, смиренный смысл, ветром тишина, пүчина разумү; князя Рүсьскыя во области своей крепляше, велможам своим тихоуветлив в наряде бываше, никого же не оскорбляше, но всех равно любляше, младых словесы наказаше, и всем довол подаваше, к требующим рүце простираше. Ёще дерзну несрамно рещи о житии всего великого князя и царя Рүського Дмитрия Ивановича, да се слышаше цари и князи научитесь тако творити; от үныя бо версты бога възлюби и дүховных прилежашие делех, аще и книгам не үчен сы добре, но дүховныя книги в сердци своем имяше. И се едино повем от жития его: тело свое чисто схрани до женитвы, церковь себе святому дүхү съблюде нескверну, очима зряше часто к земли, от нея же взят бысть, дүшу и үм простираше к небеси, идеже лепо есть емү пребывати; и по браце совкупления тело свое чисто же соблюде, грехү непричастно, Христова апостола Павла свысться о нем реченое: братие, вы есте церкви бога живаго, якоже рече: вселюся в ня и похожу. Царский үбо сан держаше, ангелскы живяше, постом и молитвою, и по вся нощи стояше, сна же токмо мало принимаше, и паки по мале часе на молитвү вставаше, и подобү благо творяше всегда, в берньнем телеси безплотных житие свершаше; землю Рүсьскую үправляше, на престоле царьстем сядя, яко пещерү в сердци держаше, царьскую багряницу и венець ношаше, а в чернечьскыя ризы по вся дни желаше облещися, и по вся часы честь и славу от всего мира принимаше, а крест христов на раму ношаше: в божественныя дни поста в чистоте храняшеся, а по вся неделя святых тайн причащашеся, и преочистованү дүшү хотя представити пред богом, по истинне явися земный ангел и небесный человек. Поживе лет с своею княгынею Евдокеею 20 лет и два лета в целомүдрни, прижи сыны и дщери и възпита в благочестии; в вотчинү свою великое княжение держаше лет 29 и 6 месяць, а всех лет от рожества его 30 и осмь и 5 месяць; многы же туды и победы по правоверней вере показа, яко ин никтоже. Потом разболеся и прискорбен бысть велми, и паки легчая бысть емү, и възрадовашася великая княгини и сынове его радостию великою и велможа его; и паки впаде в болшүю болезнь, и стенание прииде в сердце его, яко и внүтреним его торзатися, и үже приблизися ко смерти дүша его

Источник:

<http://drevne-rus-lit.niv.ru/drevne-rus-lit/text/o-zhitii-dmitriya-ivanovicha/o-zhitii-dmitriya-ivanovicha-original.htm>

<http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4985>

https://ksana-k.ru/Book/oldruss/sl_dmitr.htm

6. ПАМЯТНИКИ ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА

6.1. Грамота Галицкого старосты Бенка 1398 г.

а се я пан. бенко староста галицький. и снятинський свѣдчю то своим листом, каждому доброму кто на сен. лист узреть. или перед кым бѣдетъ. чтюн. иже пришед. перед нас. пан. гервалс. и веновал. и оправил, свои женѣ варварѣ сто гривен, на своем селе на толмачи, и жюркове. на свои вотнине. а на то. дали есмы свои лист и нашу печать привесли, а при том были сведци пан миколай спичник воевода снятинський. пан герко пан. андріяшь. пан борис хомековичь. пан хрол. варваринський. воронко войт коломыинский руский а писан лист у коломын. у тыжднь постом Миханле, коли ся пишеть под леты ржства хва (тысяча) лет. и 300. лет. и девяносто, лет и осмое лет.

Источник: <https://klex.ru/nnb>

6.2. Духовная грамота Московского князя Дмитрия Ивановича до 1378 г.

А чим мене благвил оць мой княз великий которым золм суды ли доспех, или что яз примыслил, то золто и шапку золтую и чепь и саб... золтые. и порты саженые, и суды золтые и серебряные суды, и кони и жеребцы и стада своя, дал есмь своему сну князя василью и своей княгини и своим детем. а что оць мой княз великий... а к стен бци на крѣцицю четвертую часть ис тамги ис коломенское. а костки московские к стен бци на москве у стго миханло. А того не подвигнуть, а что моих казначей или посельских. и тивунов. и деяков хто что от мене вед... сну моему княз василью ни моей княгини ни моим детем не надовны. А что моих люди купленых. а тым дал есмь... си мой княз Василии и моя княгини и мои дети не принимают их. а сю грамоту писл есмь себе дшвную. и явил есмь оцю своему олексею митрополиту, всея рус. и оць мой олексеи митрополит всея рус печать свою привесил к сен грамотѣ, а послус на сю грамоту, тимофеи околничии Васильевич иван родивонович. иван Федорович, Федор андреевич а грамоту писл дяк нестер, а хто иметь сю грамоту чим ршати на его дши.

Источники:

<http://www.oldru.com/epo/87.htm>

http://www.hist.msu.ru/ER/Text/DG/dmi_1.htm

6.3. Духовная грамота Московского князя Ивана Даниловича Калиты 1327 – 1328 г.

Духовная грамота (завещание) 1328 г. Ивана Калиты о разделе движимого и недвижимого княжеского имущества своим детям и жене -

княгине, перед отъездом в Золотую Орду. Туда надо было ехать за ярлыком на великое княжение. Без него невозможно было добиться полноты власти. Но прежде, предстояло все, до мелочи, предусмотреть, додумать, так как дорога в ханскую ставку нередко становилась безвозвратной для русских князей. Князь боялся не за себя - за родных, переживая за вероятные раздоры и вражду.

Больше всего его беспокоила земля, княжество. Волости, села, деревни, угодья - свои владения князь знал наизусть, каждое селение помнил, что к нему "потягло" (относилось). Здесь и нужна особая мудрость, чтобы была власть у старшего сына, а младшим, чтоб не обидно было.

Потому рядом с дальними уделами, землями каждому доставалось по завещанию селения и дворы московские и подмосковные - вроде каждый на своем, а все одной семьей. Старшему сыну Семену отец отводил города Можайск и Коломну с волостями и селами, Ивану - Звенигород и Рузу с волостями и селами, Андрею - Лопасню и Серпухов с волостями и селами.

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, се яз, грешнын худын раб Божии Иван, пишу душевную грамоту, и да в Борду, никимь не нужен, целымь своимь умомь, в своемь здоровьи. Аже Бог что розгадаеть о моемь животе, даю ряд сыном своим и княгини свои.

Приказываю сыном своим очину свою Москву. А се есмь им раздел учинил:

Се дал есмь сыну своему волшему Семену: Можаетск, Коломъну со всеми Коломенскими волостми, Городенку, Мезыню, Песочну, Похряне, Усть-Мерьску, Брошевую, Гвоздну, Ивани, деревни Маковець, Левичин, Скунев, Канев, Гжелю, Горетову, Горки, село Астафьевское, село на Северьске в Похрянском уезде, село Костянтиновское, село Орнинское, село Островское, село Копотенское, селце Микулское, село Малаховское, село Напрудское у города.

А при своемь животе дал есмь сыну своему Семену: 4 чепи золоты, 3 поясы золоты, 2 чаши золоты с женчуги, блюдо золото с женчугомь с каменьем. А к тому еще дал есмь ему 2 чума золота волшая. А ис судов ис серебряных дал есмь ему 3 блюда серебряна.

А се даю сыну своему Ивану: Звенигород, Кремичну, Рuzu, Фоминское, Буходол, Великую свободу, Замошскую свободу, Угожь, Ростовци, Окатьева свобода, Скирминовское, Тростна, Негуча. А села: село Руховское, село Каменичское, село Рuzьское, село Белжинское, село Максимовское, село Андреевское, село Вяземское, село Домонтовское, село в Замошской свободе, село Семьцинское.

А из золота дал есмь сыну своему Ивану: 4 чепи золоты, пояс волшин с женчугомь с каменьем, пояс золот с капторгами, пояс сердоничен золотомь окован, 2 овкача золота, 2 чашки круглыи золоты, блюдо серебряно езднинское, 2 блюда меншии.

А се дал есмь сыну своему Андрею: Лопастну, Северьску, Нарунжское, Серпохов, Нивну, Темну, Голичичи, Щитов, Перемышль, Растовець, Тухачев. А се села: село Талежское, село Серпоховское, село Колбасинское, село Нарьское, село Перемышльское, село Битяговское, ҫ8ҫ село Труфоновское, село Ясиновское, село Коломнинское, село Погатинское.

А из золота дал есмь сыну своему Андрею: 4 чепи золоты, пояс золот фрязьский с женчугомь с каменьем, пояс золот с крюкомь на червчате шелку, пояс золот царевский, 2 чары золоты, 2 чумка золота меньшая; а из блюд, - блюдо серебряно, а 2 малая.

А се даю княгини своен с меньшими детми: Бурожик, Мүшкову гору, Радонежское, Бели, Воря, Черноголовль, на Вори свободка Софроновская, Вохна, Денково раменье, Данилищова свободка, Машев, Белна, Гүслиця, Раменье, что было за княгиней. А села: село Михайловское, село Лүцинское, село у озера, село Радонежское, село Денгунинское, село Тыловское, Рогожь, село Протасьевское, село Аристовское, село Лопастеньское, село Михайловское на Яүзе, 2 селе Коломенский.

А из городьских волостин даю княгини своен осмниче. А тамгою и иными волостми городьскими поделаются сынове мои; тако же и мыты, который в котором үезде, то тому. А оброкомь медовымь городьскимь Васицева веданья поделаются сынове мои. А что монах вортников и оброчников купленых, который в которой росписи, то того.

А по моим грехом, ци имуть искати татарове которых волостини, а отоимуться, вам, сыном моим, и княгини моеи поделити вы ся опять тыми волостми на то место.

А численыи люди, а те ведають сынове мои собча, а блюдуть вси с одного. А что мои люди куплени в великомь свертце, а тыми ся поделают сынове мои.

А что золото княгини мое Оленино, а то есмь дал дчери своен Фетиньи, 14 обрүчи и ожерелье матери ее, монисто новое, что есмь сковал. А чело и гривну, то есмь дал при себе. А что есмь придобыл золота, что ми дал Бог, и коровочку золотую, а то есмь дал княгини своен с меньшими детми.

А ис порт из моих сыну моему Семену: кожух черленыи женчужьныи, шапка золотая. А Ивану, сыну моему: кожух желтая обирь с женчугомь и коць великий с бармами. Андрею, сыну моему: бугаи соболии с наплечки с великимь женчугомь с каменьем, скорлатное портище сажено с бармами. А что есмь нынеча нарядил 2 кожуха с аламы с женчугомь, а то есмь дал меньшим детем своим, Марьи же Федосьи, ожерельем.

А что монах поясов серебряных, а то роздадять по попьям. А что мое 100 руб. у Ёски, а то роздадять по церквем. А что ся остало из моих судов из серебряных, а тым поделаются сынове мое и княгини моя. А что ся останеть монах порт, а то роздадять по всим попьям и на Москве. А

блюдо великое серебряное о 4 колца, а то есмь дал святей Богородици Володимерьской.

А приказываю тебе, сыну своему Семену, братию твою молодшую и княгиню свою с меньшими детьми, по возе ты им будешь печалник.

А что есмь дал сыну своему Семену стаде, а другое Ивану, а иными стады моими поделаются сынове мои и княгини моя.

А на се послуши: отець мой душевныи Ефрем, отець мой душевныи Федосии, отець мой душевныи, поп Давыд.

А грамоту писал дьяк князя великого Кострома.

А кто сю грамоту порушитъ, судить ему Бог.

Источник: <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/DG/ivan1.htm>

6.4. Домострой

«Домострой» - памятник русской письменности XVI в., дающий полное представление о расширении общественных функций разговорно-бытовой речи. Язык произведения в основе своей русский, незначительная по объему часть изложения написана на традиционном церковно-книжном языке. Содержание и коммуникативная направленность изложения предопределяет выбор средств литературного выражения: книга, посвященная хозяйственно-бытовым проблемам, написана преимущественно на русском языке, а главы нравственно-религиозного характера на церковно-книжном.

*Произведение отличается простотой, ясностью, выразительностью изложения. Широко используются средства исконно русской речи: слова с уменьшительноласкательными суффиксами (**медок, молочко, сальце**), устойчивые выражения, дающие представление о русском быте (**мед сытити, пиво варити, все было бы в счете**), обиходно-бытовая лексика (**ставцы, скатерти, солоницы**), древнерусские слова, которые впоследствии уступят свою роль иноязычным (**мыльня, поварня, хлѣбня**), присоединительные конструкции, повторяемость предлогов перед однородными членами, сочинительные построения с союзами *а, и, или, либо* и др. Религиозно-назидательная часть «Домостроя» представлена лексикой и формами книжно-славянской речи; употребляются аорист, имперфект, утратившие свою роль в русском языке, книжные формы глаголов на *-си* (**ответ даси**), инфинитив на *-ти*, личные формы на *-ши* (**бращничати, будѣши**), чередования заднеязычных и свистящих *г//з, к//ц, х//с* (**в дьяцех, о гресех, в будущем веце**) и др.*

Данный памятник был упорядочен попом Благовещенского собора Сильвестром. Сильвестровская редакция «Домостроя» состоит из 63 глав и 64-й дополнительной (послание Сильвестра к своему сыну Анфиму, а также краткое содержание всего произведения).

Како чад воспитати с надел ком за муж выдати

А у кого дочь родится ино рассудны люди от всякаго приплода на дочь откладывают на ее имя или животинку растут с приплодом а у полотен, и у вусчин и у ширинок и у вубрусов, и рубашек, по вся годы ей в пришенной сундук кладут, и платье, и саженье, и монисто и суды оловяные и меденые, и деревянные прибавливати не помношку всегда а не вдруг себе не в досаду а всево будет полно, ино дочери растут а страху бжию и вешътву учатся, и приданое с ними вдруг прибывает и как за муж заговорят ино все готово, и толко ранее хто о детех не смышляет да как за муж давать и в ту пору все покупать ино скорая женитва видома работа а по судам божм толко та дочь представится ино ее наделком поминают по ей дши сорокоуст а милостыню ис того дают а толко иные дочери есть також от них промышляти.

Наказ мужу и жене и людем и детем како лепо бы им

Да самому себе государю и жену и детей и домочадцов своих учити не красти не блясти не солгати не оклеветати, не завидети, не обидети, не клепати, чюжаго не претися, не осужатися, не бражничати, не просмеивати, не помнити зла, не гневатися ни на кого, к болшим быти послушну, и покорну, к средним любовну, к меншим и убогим приветну и милостиву, со всяким управа без волокиты ноипаче наймита наймом не избидети, а всякая обида со благодарением терпети бога ради, и понос и укоризна аще по делом поносят и укоряют, сие с любовию приимати, и от таковаго безумия отвращатися а против не мстити, аще в чем не повинен за сие бога мзду прииши

Как платья всякое жене носить и устроити

А платья и рубашки, и убрусы на себе носи бережно по вся дни не извалят не иссуслати не измяти и не излити на рудне и на мокре, не класти все то снимаючи с себя класти бережно и беречи того накрепко и слуг учити всяму тому наук и самому государю и государыни и детем и слугам в чем делат то платье ветшано а остряпавши дело ино переменить платно чисто вседневное и сапог, а в праздник и в ведро и при людех или к церкви ити или в гости ино лучшее плате надети из утра бережно ходити, и от грязи, и от дожджа, и от снега беречися, и питье не ули и ествою и салам не извалят, и не иссуслать на руде, и на мокре не сести, от праздника или от церкви или из гостей пришед лучшее платья с себя снем пересмотрити, и высушит и вымят и выпахат и вычистит да хорошенько укласти да упрятать, а ветшаное и вседневное всякое платно, и верхнее и нижне и белое и сапаги все измыто всегда бы было, а ветшаное исплачено и исшито, ино людем посмотрити пригоже (...)

О том же коли что купит у кого сел нет и всякой домашней обиход, и лете, и зиме, и как запасати в год и дома животина водити всякая, и ества и питие держати всегды

Годовой обиход, домовитому человеку мужу и жене, и у ково поместья, и пашни сел и вотчины нет, ино купити годовой запас хлеб и всякое жита, зиме на возех а полтевое мяса тако же, и рыбу всякую, и свежую и длинную осетрину на провес и бочесную в год, и семжину, и икру сиговую и черную, и

которая рыба в лето ставити и капуста, и те суды зиме в лед засекаети, и питье запасное глубоко, и покрыв лубом засыпать, и коли надобе лете и тогда свеже и готово, а в лете мясо ести покупати домовитому человеку, купити боранца а дома облупити а овчинки, а баранеи потрох прибыль в столе, потешенье у порядливой жены, или у доброго повара, много промыслу, из рудины ушное нарядит почки начинит лапатки изжарит, ношки яйчки начинит, печень иссекши с луком перепонкою обертев изжарит на сковороде легкое молочком с мукою съ яйчки приболтав нальет, а кишечьки яйчки нальет, боранью голову можжок с потрошком уху нарядит, а рубец кашкою начинит, почечные части сварит или начинив ижжарит, и так делати ино из одново борана много прохладу, а студень на леду держати

Источники:

<http://lib.pushkinskijdom.ru/default.aspx?tabid=5145>

<http://drevne-rus-lit.niv.ru/drevne-rus-lit/text/domostroj/domostroj-original.htm>

<https://foma.ru/domostroy.html>

6.5. Стоглав. Соборное уложение 1551 г.

Стоглав – сборник решений Стоглавого собора 1551 года. Решения сборника касаются как религиозно-церковных, так и государственно-экономических вопросов в свете ожесточённых споров того времени о церковном землевладении; содержит разъяснения о соотношении норм государственного, судебного, уголовного права с церковным правом.

Состоит из 100 глав. После окончания собора в качестве дополнения добавлена 101-я глава. Название утвердилось с конца XVI века. Сам текст памятника содержит и иные наименования: *соборное уложение, царское и святительское уложение* (гл. 99).

Сказание главам Собора

1. Царския вопросы и соборные ответы о многообразных церковных чинех.

Глава 1

В лето 7059-е месяца февраля в 23 день. Быша сии вопросы и ответы мнози о различных церковных чинех, в царствующем граде Москве в царских полатах, от благоверного и боговенчаннаго царя и государя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии самодержца к отцу его Макарию митрополиту всеа Русии, и ко всему священному собору, в осмоенадесять лето царства его, в двадесять же первое лето от рожества его, при его отце Макарии митрополите всеа Русии, в девятое лето святительства его, и всего священного собора архиепископов и епископов руския митрополия самобывших тут: Феодосия, архиепископа великого Новаграда и Пскова; Никандра, архиепископа ростовского и ярославского; Трифона, епископа суздальского и Торуского; Гурия, епископа смоленского и брянского; Касьяна, епископа рязанского и муромского; Акакия, епископа тверского и кашинского; Феодосия, епископа

коломенского и коширского; Савы, епископа сарского и подонского; Киприяна, епископа пермского и вологодского, с честными архимариты и игумены и весь священный собор о многих и различных церковных чинех и исправлении, и о трегубой аллилуйи, и о монастырских чинех, и о общем предательном житии, и о пьянственном питии, и о прочих священных чинех, и о святительском суде, и вперед святителем у себя детей своих и племянников не держати, також по всем честным монастырем общим и особь сущим архимаритом и игуменом детей своих и племянников у себя в монастыре не держати, и о прочих священных чинех по преданию святых апостол и святых отец, и по священным правилом, и по божественому уставу, ничтоже претворяюще, и о вдовствующих попех и дьяконех, по преж нас уложенному собору отеческому, и по учению, и по наказанию, цже во святых отца нашего Петра митрополита киевского и всеа Русии нового чудотворца, и по написанию святейшаго Фотия митрополита киевского и все Русии, и по собранию и по написанию от священных правил апостольских и отеческих, преподобного игумена Иосифа Дамского волока, самобывшаго на том прежнем соборе, о вдовствующих попех и дияконех, что им в миру живущим не служити. И о всем о том предисловие сего собора имея написание сиче

2. О предисловии.

Премилостивый и милосердый бог, прехитрый содетель всея твари видимыя и невидимыя, великий промысленик человеческому животу и спасению, и во всей своей твари, якоже на небеси в солнцы и в луне и во звездах, такоже и на земли, и в мори, и во птицах и в зверех, и в скотех, и в рыбах, и в гадах, положил всем естественныя нравы - себе на послужение, человеком же в научение, како подражати навькнути человецы добрыя нравы, а лукавыя и нечестивыя нравы отметати, и гнусны имети всегда. Мы же оставим ныне о прочих творениях, в малесице изречем. О сем исписа некто мудрый, зело, рече, прекрасно при утрени показуется солнце светоносно, бо сый тма им обгоняется, и луна охуждает, и ночь не состоится. Уяшняет день, просвещает воздух, небо красно показует, землю удобряет, море облистает, и несть мочно видети звезд на тверди небесней, едино бо то своими лучами осиявает всю вселенную и что к сим. Аще убо чювственное солнце толику силу светлости имать, то кольма паче разумное солнце. Чювственное убо сие солнце на чювственная места сияя, мокроту земную изсушает, разумное же солнце явьльшеся нам обоя в души содевает, изсушает мокроту и страстей нечистоту и еже от сих очищает, и тука подает разумной земли душевной, от негоже напаяеми сади добродетели питаеми бывають и по малу возрастають. Чювственное солнце видимо бывает и невидимо. Разумное же солнце видимо бывает достойными, и всех зрит паче же зрящих его, чювственное солнце не глаголет, ниже глаголати кому дает, умное же солнце глаголет любовным своим, и глаголати и зрети всем дарует, понеже солнце правде есть бог, якоже писано есть. Всем просто сияя луча благодати своя и просвещает разумно верным сердца и очесом чювственным свет дарует. Сего ради глаголет: аз есмь свет миру, и яз свет в мир приидох, и без мене, рече, не можете творити ничтоже, и того благодатию всяка душа боголюбива, яко воск, умягчается. И образы и

знамени божествене разумнии приемлющи, и бывает бо-жие жилище духом. Сие праведное солнце - Христос, бог наш милосердый. Господь по неизреченным его судьбам, светлоручными своими зарями осия, в сердца благочестивого царя и великого князя Ивана Васильевича всеа русии самодержца во еже мудрствовати и творити благая, всяко бо даяние благо, и всяк дар, свершен свыше, есть сходяй от отца светом и прочая. Доблий же он миротворец, державный самодержец, прекроткий царь Иван мнозем разумом и мудростию венчан и в совершении благочестии царство содержа, осияваем благодатию божественного духа, зело воспалися утробою и с теплым желанием подвижесе, не токмо о устроении земском, но и о многоразличных церковных исправлении. И возвещает отцу своему преосвященному Макарию митрополиту всеа Русии, и собор божиих слуг совокупити повеле вскоре. Им же словом и делом последоваше и вся по чину бываше. Царский же повелительно, и егда убо сия слышъв, всеа руския земля архиереи радостию неизглаголанною объяти бывше, всяко тщание от сердец подвижаху и пребезмерное желание имеяху, иж такового царя благочестива насладитися зрения же и беседы. И яко небопарнии орли, лехка крыла имуща, скоро того достизаху, и егда убо еси купно сошедшесе и един царствующий град Москва всех восприемляше, и койждо их мир и благословение христоролюбцу оному православному царю давше. И бе чудно зрение, яко весь богоспасаемый град красящесе отец пришествием, богу бо тех подвигшу на исправление церковное и на утверждение православные веры. Елма же цареви в царских седшу, молчанию глубоко устроившуся всем очи нань взирающе бяху. Благочестивый же царь великий князь Иван Васильевич всеа Русии самодержец зря окрест себе отческой лик и о пришествии их зело веселящесе, и всякая чести тех сподобляше, отцем же всем купно мирная гонящим и единомыслене о духовных збеседующе. Абие же благочестивый царь, встав с престола своего, и посреде святительского лика став светлым возрением и веселым лицом на всех возрев, сицевая собору изглагола: "Молю святейший отцы мои, аще обретох благодать пред вами, утвердите в мя любовь, яко в присного вам сына, и не обленитесь изрещи слово к благочестию единомыслене о православной нашей христианстей вере и о благостоянии святых божиих церквах, и нашем благочестивом царствии, и устроении всего православного хрестьянства. Зело бо желаю и срадуося и согласую сослужебен с вами быти вере поборник, в славу святых и животворящих и нераздельный Троица. Отца и Сына и святого Духа, в хвалу же и славу благочестивый нашия веры и церковных уставов. Тем же и всякому розгласию отныне далече быти повелеваем, всякому же согласию и единомыслию содержатся в нас". И сия изрек и множае сих.

3. О царском рукописании, иж на том же соборе вдаст царь своя руки писание з богодухновенным наказанием и с душеполезным покаянием, зело полезно слышащим и внемлющим, имуще сие.

4. И потом царь вдаст на соборе иная писания о новых чудотворцах и о многоразличных церковных чинех и вопросех имуща сие.

5. О тридесяти и седми царских вопросех о церковном строении.

Вопрос 1

Отец, мой Макарий митрополит всеа Русии и все архиепископы и епископы, возрите во свои дома, поручены вам от бога святительства пастырства вашего о святых божиих церквах и о честных иконах и о всяком церковном строении, чтобы по святым церквам звонили и пели по божественному уставу и по священным правилам. И ныне бо видим и слышим кроме божественного устава многия церковныя чины не сполна совершаются не по священным правилам и не по уставу. И вы бы о всех тех церковных чинех разсудив и указ учинили по божественному уставу и по священным правилам сполна и о всяком священническом и иноческом и о всяком причту церковном, и уставили бы есте старосты поповские надо всеми священники бжежения ради церковного и прочил чины по правилам, вам убо есть поручено то пасти церкви божий и церковных чиновников уставляти и поучати, да и мы от них спасение получим, видя их благочиние и духовное поучение, аще вашим святительским нерадением сие небрегомо будет, и зря на них и мы погибнем, заблудившеся правого пути Господня. На ком того бог възыщет, и кто о том изтызан будет в день страшного суда, егда приидет праведный судия в славе своей судити, живым и мертвым и святителем и царем и князем и богату и убогу воздаст комуждо по делом. Что нам преже отвещати на праведном суде бо-жммп Се аз и дети паю и прочая.

О антимилах. Вопрос 2

Продажу чинят великую, а правила святых отец запрещают святая продавати. И о том достоит закон уложити на соборе по божественным правилам.

О святых и честных иконах. Вопрос 3

А святые и честные иконы по божественным правилам по образу и по подобию и по всякому существу образ божий написать и пречистые Богородицы и всякого святого угодник божиих. И о сем свидетельство в божественном писании у вас есть. И о сем великое попечение достоит имети, чтобы иконописцы были во всяком чювствии и в добродетелех живущие и учеников бы учили по существу совершенно образцы божий писати.

О знаменах венечных. Вопрос 4

Знамена венечные также без указу продажа крестьянству чинится великая. Достоит сим указ учинити отроку и вдовцу и треженцу.

О божественных книгах. Вопрос 5

Божественные книги писцы пишут с неправленых переводов, написав не правят же: опись к описи прибывает и недописи и точки непрямые. И по тем книгам в церквах божиих чтут и поют и учатся и пишут с них. Что о сем небрежении и о великом нашем нерадении от бога будет по божественным правилам?

О учениках. Вопрос 6

А ученики учатся грамоте небрегомо. А божественное писание о том о всем свидетельствует. А нам пастырем о том небрежении о всем ответ дати.

О святительских судиях. Вопрос 7

У вас же, убо святителей, бояре и дьяки, и тиуни, и десятильники, и недельщики: судят и управу чинят неправо и во-лочят и продают с ябедники с одного, а десятильники попов по селом продают без милости, и дела составляют с ябедники с одного, и церкв от десятильников и от их великих продаж стоят многие пусты без пеня, и попов нет, достоин вам святителем велми о сем порадети и запретити, чтоб хрестьянству и всякому священническому и иноческому чину напрасных продаж не было, и от десятильников тяжких налог не было, и нарядных дел с ябедники не было же. А жонки и девки с судьями по зговору на чернцах и на попех и на мирянех силы ищут и соромоты, и то надобе обыскивати гораздо, чтобы внапрасне продажи и безчиния и бездельного не было.

О монастырех и иноцех. Вопрос 8

А в монастырех чернецы и попы стригутся спасения ради душа своя. Нецыи же от них стригутся покоя ради телесного, чтобы всегда бражничать и по селом ездят прохладу для.

О архимаритех и игуменех. А архимариты и игумены некоторые также власти докупаются да службы божии и трапезы и братства не знает, покоит себя в келий и с гостми. Да племянников своих вмещают в монастырь и доводят всем монастырским, и по селом такоже. А монастыри тем пустошат, а старых слуг и вкладчиков изводят. А по келиям инде небрежно жонки и девки приходят, а робята молодые по всем келиям живут невозбранно. И по селом и по миру всюду ездят чернцы без зазору, архимаритов и игуменов по монастырем посылают в монастырь им одним отписывают без соборных страцов, а прикащики того небрегут же. И монастыри и села чинят пусты с своими племянники: а священники и братия бедные алчни и жадни и всячески непокойны всякими нуждами одержимы. Весь покой монастырской и богатство и всякое изобилие во властех и с роды, и с племянники, и с бояры", и с гостми, и с любимыми друзи истожили. Таколи подобает быти по уставу общему братству вкупе пребывати? И такое безчиние и небрежение и всякое нерадение о церкви божий и о монастырском строении и о братстве, ино на ком тот грех взыщется; от чего мирским душам ползоватися и просвешатися и наказатися от всяких зол, ино тамо не по Боге вся злая совершаются? Ино от нас, от мирской чади, чего добра чаяти, а у Бога кем милости просити о полезном нам?

О нищепитательстве. Вопрос 9

Чернцы и черницы по миру волочатся и живут в миру и не знают, что слово монастырь. А проскурницы мирские черницы же, а чернцы у мирских церквей в попех живут. И о сем соборовати по святых правилом и рассужати како тех препитати и в покой в монастырех устроить, безгрешно чтобы было: миру не на соблазн, а душам их не на погибель. А нам за то нерадение от бога греха бы не было.

О полонениках. Вопрос 10

И о сем достоин попечение сотворити велие, пленных привозят на окуп из орд: бояр и боярынь и всяких людей. А иные сами выходят, должни и беспоместны, и здесь окупитися нечим, а никто не окупит. И тех полонеников,

мужей и жен, опять возят назад в бесерменство, а и здесь над ними поругаются всякими скверными богомерзкими, достоин о сем уложити соборне, как тем окуп чинити, а в неверные не отпущати. А которые собою вышли о тех устрой чинити же по достоянию, елико вместило, чтобы были в покое и без слез.

О проскурицах. Вопрос 11

Еще иное безчиние у проскуриц горше сего. Боголюбцы дают проскуриям денги на проскуры о здравии или за упокой. И она спросит имени о здравии да над проскурою сама приговаривает, якоже арбуи в чюди. А за упокой такоже мертвых имян спрашивает, да над проскурою приговаривает. А те проскуры попу дает, и поп людем дает и к себе относит, а на жертвеннике тех проскур о здравии и за упокой не проскомисает, и жертва к богу от них не приносится. Токмо един агнец выимав да богородицыну да предтечеву и всех святых да о всяком епископстве православных да о благочестивом цари да о всем православном крестьянстве да за упокой, а иных мало выимают.

О милостыни. Вопрос 12

Милостыня и корм годовой, и хлеб, и соль, и денги, и одежда по богадельным избам по всем городом дают из наши казны. А христоролюбцы милостыню дают же, а вкупаются у при-кащиков мужики с женами мало больных, а нищие и клосные, и гнилые, и престаревшиися в убожестве глад и мраз, и зной, и наготу и всякую скорбь терпят, и не имеют, где главы под-клонити, - по миру скитаются. Везде их гнушают. От глада и от мраза в недозоре умирают и без покаяния и без причастия, никим небрегомы. На ком тот грех взыщется? И о тех, что промыслити православным царем и князем и святителем, достоин о них промыслити.

О чернех и о черницах иже безчинствуют. Вопрос 13

По миру скитаются чернцы и черницы, попы и миряне, жонки и строи со святыми иконами и на сооружение собирают и на окуп и называются проданные и милостыни просят по торгу и по улицам, и по селом и по двором с образы ходят. И о сем соборовати, как впредь тому быти и есть ли о том писание и не поругательно ли то святым образом. Иноземцы ся тому дивят.

О несудимых грамотах. Вопрос 14

О судех архимаричих и игуменов и всякого священнического и иноческаго чину и о всех церковных причетниках и о монастырских слугах и о жаловальных грамотах несудимых монастырских и церковных. И в них пишет, не судити владыкам игуменов и попов и чернцов и всяких причетников церковных и монастырских. К.о.ея ради вины сие тако бысть? И тако ли сему достоин быти?

О монастырех, иже пусты от небрежения. Вопрос 15

В монастыри боголюбцы дают душам своим и родителем на полшнок вотчины и села, и прикупи, а иные вотчины и села собою прикупают в монастыри, а иное угодие у меня припрашивают. И поймали много по всем монастырем, а братья во всех монастырех по старому, а инде и старую менши. Есть и пить старого братье оскуднее; а строения в монастырех ни которого не прибыло, и старое опустело. Где те прибыли, и кто тем корыстуется? Да тарханные и несудимые и лготные грамоты у них же о торговлях безпошлинно. Чернцы по селом живут да в городе, тяжутся о землях. Доставит ли гор А села и

именя в монастыри емлют, а по тех душах и по родителех их по их приказу и в , памяти не исправляют. Кто о сем истязан будет в день страшного суда?

О церковных и о монастырских денгах. Вопрос 16

О церковной и о монастырской казне, еже в росты дают. Угодно ли се богови, и что писание о сем глаголет? Божественное писание и миряном резоимство возбраняет, нежели церквам божиим денги в росты давати, а хлеб в наспы, где то писано во святых правилех. О сем пишет: "Церковное богатство - нищих богатство и прочим на потребу ". Якоже пишет.

О пьянственном питии. Вопрос 17

Во всех монастытех игуменом и чернцом и попом о пьяном питии и о мирских попех и упивании безмерном. Како мирян спасти и наказати от всяких зол, а сами во всяком безчинии Что заповедь чернцу во обещании, а попу в наставлении и в хиротонии? Бога ради о сем доволно разсудите, чтобы в пьянстве пастыри не погибли, а мы на них зря такоже.

О вдовствующем попех. Вопрос 18

А о вдовых попех собор был у всех владык при деде моем, что тому уложение. Ныне вдовых попов два жеребья: обедни не служат, а церковью и приходом владеют, и детьми духовными и родильницам молитвы дают, и дитяти имя нарицают, и крещают их, и венчают, и покаивают, и умерших провожают, и священническая действуют, кроме божественных литургия. Нецыи же сами во всяком безчинии и пьянстве всегда, и их нестроение миру на соблазн. А от чего спастися по евангелию, вы есте соль земли, аще соль обуяет чем осолится, и нашим душам от кого спастися. А во Новеграде и во Пскове по маткин живот и при Макарии архиепископе никакоже вдовые попы и дяконы у церквей не были на мало время. И ныне от чего то ослаблено? О сем, известно разсудя, утвердити по правилом святых апостол и святых отец, чтобы и вам, и нам, и всему миру не на погибель душевную от Христа бога нашего.

О выставках и о новых пустынях. Вопрос 19

Старец на лесу келью поставит или церкви срубит да пойдет по миру с иконою просити на сооружение. У меня земли и руги просит. А что собрав, то пропьет, а в пустыне не по бозе совершает, как прежние пустыни о бозе строили. Прежние преподобные отцы вселялися в пустыни, утаяся миру, не тщеславия ради, и великия труды полагали руками своими, и от бесов многи беды подьяша. И видя их, бог добрые дела посылает гобину всяких плодов и братству умножение и прославится от бога и человек. Царие и князи и всякие боголюбцы со всем усердием доволят всеми потребами душам своим на спасение. А по миру не скиталися на соблазн, а выставку церковь ныне поставил, а с год побыл, а се пуста без пеня стоит. Или от десятильников, или ругою недоволен нечем прожити. И о сем достоит доволно беседовати. И было бы не мятежно, от бога бы не в грех, а людем не в соблазн, а святителем и нам не похвала же о таком настроении.

О попех и дияконех и о игуменех и о ставлениках. Вопрос 20

Доселе избирали священников или игуменов безпорочных, ненапраснивых, негневливых, непьяницы, неубийцы, нескверI нестяжательны. Страннолюбцы и боголюбцы целомудрени, преподобны, воздержательны от

всякого зла и от упивания, добре сведуща истинный закон. Яко довольни будут нас научити о бозе и возрастом совершены, аще в них плод духовен будет, и мир спасется от дел спасеных и от полезного учения. И о сем достоин добре порадеи и поразсудити и утвердити по божественному писанию, было бы от кого мирской чади страх и наказание и заповеди божия и грехом обличения с утверждением, знали бы священники совершенный истинный закон: сами бы творили и детей учили на спасеньш путь.

О иже в церквах стоят в тафьях и в шапках. Вопрос 21

Да по грехом безстрашие вошло в людив церквах божиих в соборных и приходных стоят без страха и в тафьях, и в шапках, и с посохи. Якоже на торжищи, или на позорищи, или на пиру, или яко в корчемницы, и говор, и ропот, и всяко прекословие, и беседы, и смрадные словеса; пения божественного не слышат в глумлении. Церковь божия устроена на молитву приходити и на оставление грехов, и бога молити со страхом, мы же паче на гнев бога подвигаем.

О попех и дияконех иже в церквах поют безчинно. Вопрос 22

Да попы ж по своим церквам поют безчинно вдвое и втрое, а миряне в теж поры промеж себя глумление и всякие речи говорят праздные - ино обое погубельно. И пастырие и овцы вкупе заблудиша и погибоша. А попы и церковные причетники в церкви всегда пьяни и без страха стоят и бранятся и всякие речи неподобные всегда изо уст их исходят. И миряне зря, на их безчиние, гибнут такоже творят. Попы же в церквах бьются и дерутся промеж себя, а в монастырех такое же безчиние творится.

О попех и о дияконех, иже не облачаются в церкви во священные ризы. Вопрос 23

Да попы мирские заутреню и вечерню в церкви без риз в единой патрахели поют и у престола действуют и в царские двери всегда ходят. А детей крестят такоже во единой патрахели без риз, и младенцев умерших такоже отпевают без риз, и свадьбы венчают, и молебны, и понахиды поют. О сем достойно вельми побеседовати, и, в правилех и святых книгах довольно обыскав, утвердити, чтобы было не на погубель душам, и бога не прогневати в таком безстрашии.

О церковных пономарех и диякех. Вопрос 24

Да пономари и дьяки двоеженцы и троеженцы входят в олтарь и ко святым касаются, а по правилом мирянину двоеженцу до уреченного времени в церковь не входили, а троеженцу наипаче запрещено, достоин о сем запретити и утвердити, чтобы вдовцы и неженатые пономари не были, по разсужению учите.

Иже бреют главы и брады. Вопрос 25

Да по грехом слабость, и небрежение, и нерадение вниде в мир в нанешнее время; порицаемся крестьяне а в тридцать лет и старые главы бреют и брады и ус, и платье и одежи иноверных земель носят, то почему познати крестьян.

Иже крестьяне рукою крестятся не по существу. Вопрос 26

Иже крестьяне рукою крестятся не по существу и крестное знамение не по существу кладут на себе, отцы духовные о сем не радят и не поучают.

Иже крестьяне кленутся и лаются. Вопрос 27

Кленутся именем Божиим во лжу всякими клятвами, и лаются без зазору всегда всякими укоризнами неподобными, скардными.

Вопрос 28

И богомерзкими речьми, иже не подобает крестьянам. И во иноверцах такое безчиние не творится. Как бог терпит нашему безстрашию?

О непокаянии грех наших. Вопрос 29

Да и о иных тяжких винах духовно беседовати довлеет, за что гнев Божий приходит на землю сию и всякие казни праведного гнева Божия, да еще не до конца прогневался Господь. Наказует милостию, а ждет нашего покаяния и обращения от всяких зол, паче же от блуда любодейнаго, и пролюб о действия, и содомства, и неправедных судии, и гордости, и зависти. Помыслим, предняя почто весь мир Господь потопи. Ноя единого соблюдет Не блуда ли ради. А Содом и Гомор огонь пояде за что, единого Лота праведного изведе? Не отроческа-го ли ради блуда. А Ниневию град великий погубе которого ради греха? И в новом законе Царьград за что Господь предал иноплеменником и безбожным туркам? А нас чем Господь не наказал за грехи наши? Ныне вся злая пострадахом от враг своих и от великого Божия наказания. И какие грехи не сбышася в нас! И о сем вельми надобе поболети и поскорбети и исправить вины греховныя, негли Господь милость свою послет на грешныя рабы своя. Паче же запретити о любодействе и пролюб о деисте ее и о злом содомском блуде. Неподкновенно утвержайте сие.

О ружных попех. Вопрос 30

Рижные попы по пределом и по соборным церквам ругу емлют: хлеб годовой, и денги, и пшеницу на проскуры, и воск на свечи; а предельные попы свечи и прилепы и месячные. Да они же емлют и молебные денги, и понахиди праздничные из казны, и кутью на понахиды и сбсчи, и проскуры за зборы и столы праздничные и покойные. А только у своего храма на праздник обедню одинова в год, а ни в субботу за упокой, ни в неделю за здравие, ни во владычнии праздники, ни великим святым, ни за упокой по родителех обедни не поют. Ни понахиды, ни молебноу, ни заутрени, ни часов, ни вечерни - ничего не поют во своих пределех. О том разсудити, кому та руга и милостыня в ползу. От прежних времен тако ся творит, да в нынешния лета временники причли к собором своих попов и ругу и милостыню из нашия казны устроили. Что о том учинити?

О ручных церквах и о монастырех. Вопрос 31

Отец мой, князь великий Василей Иванович всеа Руси, ездил по щюдотворным местам молитися и давал по многим монастырей богатым и убогим милостыню в приказ, хлеб и соль, и денги, и воск на свечи, и мед на кутью, и пшеницу на проскуры. И после того матушка не сполна же в приказ давала. И после матушки до моего возраста многие монастыри грамоты поймали по вся годы имати милостыню впрок в ругу, а иные монастыри и церкви многие приходные внове в те же времена грамоты поймали ругу имати из казны. А у тех монастырей села есть и иные доходы, а у приходных церквей се приход улица, а у иных села есть да и огороды и сады и пожни и иные

пошлины и лавки поземные, да и мою ругу в те времена устроили же себе из казны. И о том как впредь быгир А убогих монастырей и неприходных церквей достоин устроити по разсужению.

О птицах и зайцах о давлении . Вопрос 32

Продаю в торгу по всем градом и по всем землям моего государства всякие птицы и зайцы давлению, а не колото живо и кровь не точена. И о сем в заповедех божиих вельми возбраняет хрестьяном довленина ясти. Достоит о сем законоположение разсудно утвердити, чтобы хрестьянские души давлениною не осквернялися.

О еже на вечернях святых славы не поют и на заутренях славословия. Вопрос 33

Коя ради вины в нашем царстве на Москве и во всех московских пределах в соборных церквах и в приходных, кроме монастыре, по воскресным вечерням и по праздничным и великим святым, егда выход бывает, святых славы не поют, речью говорят, а на заутрени в неделю и в праздники славословия не поют же. Якоже и в прочий простые дни речью говорят. А во уставе назнаменовано нарочитым святым славословие великое, то ему почесть.

О иже на литургиях Отца и Сына не поют. Вопрос 34

Да на божественной литургии Отца и Сына и святого Духа, святую Троицу единосущную и нераздельную всегда не поют, речью говорят. А в нашем царстве, как еси был в Новгороде в великом и во Пскове, во святей Софеи премудрости божий и у живоначальной Троицы и во всех святых божиих церквах по воскресным днем и по господским праздником и нарочитым святым на вечерни, когда выход, святых славы поют, и славословие поют же на заутрени в воскресныя дни и в праздники, когда во уставе молвлено славословие великое, а в простые дни говорят Отца и Сына и святого Духа, на божественной литургии по вся дни поют. И о сем како достоин здесе быти, и вы соборне уложите.

О животворящем кресте. Вопрос 35

Да о животворящем кресте господни, на церквах водружают, назнаменовати, како достоин и лепо ему быти.

О иже не вносити в алтарь пьянственнаго пития. Вопрос 36

О святых божиих церквах, о жертвеннике и о кутейнике. Приносят боголюбцы ко святым божиим церквам ладан и фимиян, и свечи, и просвиры. То во святой жертвенник и во святой олтарь вносится по уставу. Теже хрестьяне приносят кутю и канун за здравие и за упокой и на велик день пасху сыр и яйца, и ряби печены и во иные дни колачи и пироги, и блины, и короваи, и всякие овощи. В Новгороде и во Пскове на то устроен кутейник во всякой церкви, где же убо та вся потребная вносит в жертвенник и во святой олтарь, а правила святых апостол и святых отец о сем запрещают. И впредь како сему достоин быти? <...>

Источник:

https://ksana-k.ru/?page_id=1517

<http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4652>

6.6. Соборное уложение царя Алексея Михайловича

Соборное уложение 1649 года – свод законов Русского государства, памятник русского права XVII века, первый в русской истории нормативно-правовой акт, охвативший все действующие правовые нормы, включая и так называемые «новоуказные» статьи.

К принятию Уложения подтолкнул вспыхнувший в 1648 году в Москве Соляной бунт; одним из требований восставших был созыв Земского Собора и разработка нового уложения. Бунт постепенно затих, но в качестве одной из уступок восставшим царь пошел на созыв Земского собора, который продолжал свою работу вплоть до принятия в 1649 году Соборного Уложения.

Для выработки проекта Уложения была создана специальная комиссия во главе с князем Н. И. Одоевским. В неё вошли князь С. В. Прозоров, окольный князь Ф. Ф. Волконский и два дьяка – Гаврила Леонтьев и Фёдор Грибоедов. Тогда же было решено начать практическую работу Земского собора 1 сентября.

Собор проходил в широком составе, с участием представителей посадских общин. Слушание проекта Уложения проходило на соборе в двух палатах: в одной были царь, Боярская дума и Освященный собор; в другой – выборные люди разных чинов.

Депутаты дворян и посадков оказали большое воздействие на принятие многих норм Уложения. 29 января 1649 года было закончено составление и редактирование Уложения. Внешне оно представляло собой свиток, состоящий из 959 узких бумажных столбцов. В конце шли подписи участников Земского собора (всего – 315), а по склейкам столбцов – подписи дьяков.

С этого подлинного свитка (для хранения которого более века спустя, при Екатерине II, был изготовлен серебряный ковчежец) была составлена копия в виде книги, с которой дважды в течение 1649 Уложение было напечатано по 1200 экземпляров в каждом тираже. Соборное Уложение 1649 явилось новым этапом в развитии отечественной юридической техники.

Соборное уложение действовало вплоть до 1832 года, когда в рамках работы по кодификации законов Российской империи, проводимой под руководством М. М. Сперанского, был разработан Свод Законов Российской империи.

В лето 7156 го(да), 20 июля, государь царь и великий князь Алексеи Михайлович...

Глава I. А в ней 9 статей о богохулниках и о церковных мятежниках

1. Будет кто иноверцы, какия ни буди веры, или и русской человек, возложит хулу на Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, или на рождшую его Пречистую Владычицу нашу Богородицу и Приснодеву Марию, или на честный крест, или на Святых его угодников, и про то сыскивати всякими сыски накрепко. Да будет сыщется про то допряма, и того богохулника обличив, казнити, зжечь.

2. А будет какой бесчинник пришед в церковь Божию во время святых Литургии, и каким ни буди обычаем, Божественных Литургии совершити не даст, и его изымав и сыскав про него допряма, что он так учинит, казнити смертью безо всякия пощады.

3. А будет кто во время святых Литургии и в и(ы)ное церковное пение, вшед в церковь Божию, учнет говорити непристойные речи патриарху, или митрополиту, или архиепископу и епископу, или архимариту, или игумену и священническому чину, и тем в церкви Божественному пению учинит мятеж, а государю про то ведомо учинится и сыщется про то допряма, и тому бесчиннику за ту его вину учинити торговая казнь.

4. А будет кто, пришед в церковь Божию, учнет бити кого ни буди, и убьет кого досмерти и того убойца по сыску самого казнити смертью же.

5. А будет ранит, а не досмерти убьет, и ему учинити торговая казнь без пощады, и вкинути в тюрьму на месяц, да на нем же взяти раненому за увечье бесчестье вдвое.

6. А будет такой бесчинник кого ни буди в церкви Божии ударит, а не ранит, и его за такое бесчиние бити батоги, да на нем же взяти тому, кого он ударит, бесчестие.

7. А будет кого обесчестит словом, а не ударит, и его за бесчинство посадити в тюрьму на месяц. А кого он обесчестит, и тому доправить на нем бесчестье, чтобы на то смотря в церкви Божии никакова бесчинства не было.

8. А в церкви во время церковного пения, государю царю и великому князю Алексею Михайловичи всея Руси и великому господину святейшему Иосифу патриарху Московскому и всея Руси, и митрополитом и архиепископом и епископом, никому ни о каких своих делах не бити челом, чтобы от того в церкви Божии церковному пению смятения не было, понеже церковь Божия устроена приходити на молитву. И православным христианом подобает в церкви Божии стояти и молитися со страхом, а не земная мыслити.

9. А будет кто, забыв страх Божии, и презрев царское повеление, учнет ему государю, или патриарху, или иным властем, в церкви Божии во время церковного пения, о каких своих делах бити челом, и того челобитчика за то вкинуть в тюрьму, на сколько государь укажет.

Глава II. О Государьской чести и как его государское здоровье оберегать

1. Будет кто каким умышлением учнет мыслить на государское здоровье злое дело, и про то его злое умышленье кто известит, и по тому извету про то его злое умышленье сыщется допряма, что он на царское величество злое дело мыслит, и делать хотел, и такова по сыску казнити смертью.

2. Также будет кто при державе царского величества, хотя Московским государством завладеть и государем быть и для того своего злово умышления начнет рать збирать, или кто царского величества с недруги учнет дружитца, и советными грамотами ссылатца, и помочь им всячески чинить, чтобы тем государевым недругом, по его ссылке, Московским государством завладеть, или какое дурно учинить, и про то на него кто известит, и по тому извету

сыщется про то его измену допряма, и такова изменника по тому же казнити смертию.

3. А будет кто царского величества недругу город здаст изменою, или кто царского величества в города примет из и(ы)ных государств зарубежных людей для измены же, а сыщется про то допряма, и таких изменников казнити смертию же.

4. А будет кто умышлением и изменою город зазжжет, или дворы, и в то время, или после того зажигальщик изыман будет, и сыщется про то его воровство допряма, и его самого зжечь безо всякого милосердия.

5. А поместья и вотчины и животы изменничьи взяти на государя.

6. А жены будет и дети таких изменников про ту их измену ведали, и их по тому же казнити смертию.

7. А будет которая жена про измену мужа своего, или дети про измену же отца своего не ведали, и сыщется про то допряма, что они тоя измены не ведали, и их за то не казнити, и никакова наказания им не чинити, а на прожиток из вотчин и ис поместей им, что государь пожалует.

8. А будет после которого изменника останутся дети, а жили те его дети до измены его от него в розделе, а не с ним вместе, и про измену его те его дети не ведали, и животы у них и вотчины были свои особные, и у тех его детей животов их и вотчин не отымати.

9. А будет кто изменит, а после его в Московском государстве останутся отец, или мати, или братья родные, или неродные, или дядья, или иной кто его роду, а жил он с ними вместе, и животы и вотчины у них были вопче, и про такова изменника сыскивати всякими сыски накрепко, отец и мати и род его про ту его измену ведали ли. Да будет сыщется допряма, что они про измену того изменника ведали, и их казнити смертию же, и вотчины и поместья их и животы взяти на государя.

10. А будет про них сыщется допряма, что они про измену того изменника не ведали, и их смертию не казнити, и поместья и вотчины и животов у них не отымати.

11. А будет которой изменник бив в котором государстве, выедет в Московское государство, и государь пожалует его, велит ему вину его отдати, и ему поместья дослуживатися внов, а в вотчинах его государь волен, а прежних его поместей ему не отдавать.

12. А будет кто на кого учнет извещати великое государево дело, а свидетелей на тот свой извет никого не поставит, и ни чим не уличит, и сыскать про такое государево великое дело будет нечим, и про такое великое дело указ учинить по рассмотрению, как государь укажет.

13. А будет учнут извещати про государское здоровье, или какое изменное дело чьи люди на тех, у кого они служат, или крестьяне, за кем они живут во крестьянех, а в том деле ни чем их не уличат, и тому их извету не верить. И учиня им жестокое наказание, бив кнутом не щадно, отдати тем, чьи они люди и крестьяне. А опричь тех великих дел ни в каких делех таким изветчиком не верить.

14. А которые всяких чинов люди учнут за собою сказывать государево дело или слово, а после того они же учнут говорить, что за ними государева дела или слова нет, а сказывали они за собою государево дело или слово, избывая от кого побои, или пьяным обычаем, и их за то бить кнутом, и бив кнутом, отдать тому, чей он человек.

15. А будет кто изменника догнав на дороге убьет, или поймав приведет к государю, и того изменника казнить смертью, а тому, кто его приведет или убьет, дати государево жалованье из его животов, что государь укажет.

16. А кто на кого учнет извещати государево великое дело, или измену, а того, на кого он то дело извещает в то время в лицах не будет, и того, на кого тот извет будет сыскати и поставить с и(ы)зветчиком с очей на очи, и против извету, про государево дело и про измену сыскивати всякими сыски накрепко, и по сыску указ учинить, как о том писано выше сего.

17. А будет кто на кого доводил государево великое дело, или измену, а не довел, и сыщется про то допряма, что он такое дело затеял на кого напрасно, и тому изветчику тоже учинити, чего бы довелся тот, на кого он доводил.

18. А кто Московского государьства всяких чинов люди сведают, или услышат на царское величество в каких людех скоп и заговор, или иной какой злой умысл и им про то извещати государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всея Руси, или его государевым бояром и ближним людем, или в городех воеводам и приказным людем.

19. А будет кто сведав, или услыша на царское величество в каких людех скоп и заговор, или иной какой злой умысл, а государю и его государевым бояром и ближним людем, и в городех воеводам и приказным людем, про то не известит, а государю про то будет ведомо, что он про такое дело ведал, а не известил, и сыщется про то допряма, и его за то казнити смертью безо всякия пощады.

20. Также самовольством, скопом и заговором к царскому величеству, и на его государевых бояр и околничих и на думных и на ближних людей, и в городех и в полкех на воевод, и на приказных людей, и ни на кого никому не приходити, и никого не грабити и не побивати.

21. А кто учнет к царскому величеству, или на его государевых бояр и околничих и думных и ближних людей, и в городех и в полкех на воевод, и на приказных людей, или на кого ни буди приходити скопом и заговором, и учнут кого грабити, или побивати, и тех людей, кто так учинит, за то по тому же казнити смертью безо всякия пощады.

22. А будет ис которого города, или ис полков воеводы и приказные люди отпишут к государю на кого на служилых, или иных чинов на каких людей, что они приходили к ним скопом и заговором, и хотели их убити; а те люди, на кого они отпишут, учнут бити челом государю на воевод и на приказных людей о сыску, что они скопом и заговором к ним не прихаживали, а приходили к ним немногие люди для челобитья, и по тому челобитью про них в городех сыскивати всем городом, а в полкех всеми ратными людьми. Да будет сыщется про них допряма, что они в городех и в полках к воеводам приходили для челобитья, а не для воровства, и их по сыску смертью не казнити. А воеводам и

приказным людем, которые на них отпишут к государю ложно, за то чинити жестокое наказание, что государь укажет.

Глава III. О Государеве дворе чтоб на государеве дворе ни от кого никакова бесчинства и брани не было

1. Будет кто при царском величестве, в его государеве дворе и в его государьских полатах, не опасаячи чести царского величества, кого обесчестит словом, а тот, кого он обесчестит, учнет на него государю бити челом о управе, и сыщется про то допряма, что тот, на кого он бьет челом, его обесчестил, и по сыску за честь государева двора того, кто на государеве дворе кого обесчестит, посадити в тюрьму на две недели, чтобы на то смотря иным неповадно было вперёд так делати. А кого он обесчестит, и тому указати на нем бесчестье.

2. А будет кто в государеве дворе кого задерет, из дерзости ударит рукою, и такова тут же изымати, и неотпускаючи его про тот его бой сыскати, и сыскав допряма за честь государева двора посадити его в тюрьму на месяц. А кого он ударит, и тому на нем доправити бесчестье. А будет кого он ударит до крови, и на нем тому, кого он окрававит, бесчестье доправити вдвое, да его же за честь государева двора посадити в тюрьму на шесть недель.

3. А будет кто при царьском величестве вымет на кого саблю, или иное какое оружие, и тем оружием кого ранит, и от тоя раны тот, кого он ранит, умрет, или в те же поры он кого досмерти убьет, и того убойца, за то убойство самого казнити смертию же. А хотя будет тот кого тот убойца ранит, и не умрет, и того убойца по тому же казнити смертию, да из животов его взяти убитого кабалныя долги.

4. А будет кто при государе вымет на кого какое ни буди оружие, а не ранит, и не убьет, и того казнити, отсець рука.

5. А будет кто в государеве дворе, и не при государе, на кого оружие вымет, а не ранит, и того посадити на три месяцы в тюрьму. А будет ранит, и на нем раненому доправити бесчестие и увечье против окладу вдвое, да его же дати на поруки в том, что ему без указу ис того города, где он кого ранит, не съезжати до тех мест, покаместа раненой обможеться или умрет. А будет раненой обможеться, и тому, кто его ранит, отсець рука. А будет тот раненой от раны умрет, и того, кто его ранит, казнити смертию.

6. Также царьского величества во дворе на Москве, или где изволит царское величество во объезде быти, и ис пищалей и из луков и из и(ы)ного ни ис какова оружия никому без государева указу не стреляти, а с таким оружием в государеве дворе не ходити. А будет кто в государеве дворе на Москве, или в объезде кого ранит, или кого убьет досмерти, и того казнити смертию же.

7. А будет кто на государеве дворе, на Москве, и в объезде, учнет ходити с пищальми и с луками, хотя и не для стрелбы, и ис того оружия никого не ранит и не убьет, и тем за ту вину учинити наказание, бити батоги и вкинути на неделю в тюрьму.

8. А кому лучится стояти в государевых в дворцовых селех, и тем в государевых прудех и в озерах рыбы на себя не ловити. А будет кто без государева повеления в дворцовых селех учнет в государевых прудех и в озерах

рыбу ловити, и на том взяти на государя пеня, или ему наказание учинити, что государь укажет.

9. А будет кто царьского величества во дворе украдет что ни буди впервые, и сыщется про то допряма, и того бити кнутом. А будет того же татя с краденым в государеве дворе поймают в другие, и того бити кнутом же, да вкинути на полгода в тюрьму. А будет тот же тать пойман будет с краденым в государеве дворе в третьие, и ему за то отсечь рука, чтобы на то смотря иным неповадно было воровати, в государеве дворе красти.

Глава IV. О подписиких и которые печати подделывают

1. Будет кто грамоту от государя напишет сам себе воровски или в подлинной государеве грамоте и в и(ы)ных в каких приказных писмах что переправит своим вымыслом, мимо государева указа и боярского приговору, или думных и приказных людей и подьяческия руки подпишет, или зделает у себя печать такову, какова государева печать, и такова за такая вины по сыску казнити смертию.

2. А будет кто воровством же учнет отымати государевы печати от государевых грамот, или от иных каких приказных писем, и те государевы печати учнет к иным каким воровским письмам прикладывати, или будет кто учнет какия письма воровством же наряжати, и приказныя письма переправливати мимо государева указа, и того казнити смертию же, а письмам его нарядным ни в чем не верити.

3. А будет кто такая письма зделав умрет, а после его те письма объявятся у племяни, или у прикащиков его, и то его племя и прикащики учнут по тем письмам о каком деле государю бити челом, и про них сыскати, каким обычаем те им письма достались, и где их взяли, и про то они ведали ли, что те письма нарядные. Да будет про них в сыску скажут, или они и сами в том повинятся, что они про то ведали, что те письма воровские, нарядные, а держали они их у себя для своих пожитков и корысти, и тех людей по тому же казнити смертию.

4. А будет про них в сыску скажут, что они те нарядные письма держали у себя не ведая того, что они зделаны воровски, и их за то смертию не казнити, только тем нарядным письмам ни в чем не верити, и суда по них ни на кого не давати.

Источник: <http://www.bibliotekar.ru/sobornoe-ulozhenie-1649/>

7. НАРОДНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ТИП ЯЗЫКА ЭПОХИ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА

7.1. Задонщина

«Задонщина» (в рукописях имеет заглавия «Задонщина великого князя господина Дмитрия Ивановича и брата его князя Владимира Андреевича», «Слово о великом князе Дмитрие Ивановиче и о брате его, князе Владимире Андреевиче, как победили супостата своего царя Мамаю» и др.) – памятник древнерусской литературы конца XIV – начала XV веков. Повествует о победе русских войск, возглавляемых великим князем Московским Дмитрием Ивановичем (Донским) и его двоюродным братом Владимиром Андреевичем, над монголо-татарскими войсками правителя Золотой Орды Мамаю в Куликовской битве.

В 1380 г. ордынский правитель Мамай предпринял большой поход на Московское княжество. Дмитрий Донской, как и в 1378 г., решает выйти навстречу врагу. В союзе с Москвой выступили многие русские княжества. Сражение произошло 8 сентября 1380 г. в пределах Рязанской земли, на Куликовом поле, в месте впадения в Дон реки Непрядвы. Понеся огромные потери, русские одержали победу. Это была первая большая победа над монголо-татарами, явившаяся переломным моментом во взаимоотношениях Руси с Ордой. Куликовская битва нашла отражение в нескольких произведениях: «Задонщине», краткой и пространной летописных повестях о Куликовской битве и в «Сказании о Мзмаевом побоище». Есть все основания полагать, что «Задонщина» была написана в 80-е гг. XIV в., вскоре после Куликовской битвы и, во всяком случае, еще при жизни Дмитрия Донского (т. е. до 1389 г.), которому, как говорит сам автор памятника, он воздает похвалу своим произведением. «Задонщина» – это лирико-эпическое описание сражения на Дону. Автор ведет не последовательный сюжетный рассказ, а выражает свои чувства и эмоции, связанные с событиями Куликовской битвы. За основу своего произведения автор «Задонщины» взял «Слово о полку Игореве» – рассказывая о победе над Мамаем, он пользуется и образами, и отдельными фразами, и целыми отрывками «Слова».

«Задонщина» в списке XVII века была впервые опубликована в 1852 году В. М. Ундольским и сразу была воспринята как литературное подражание «Слову о полку Игореве»: отдельные её выражения, образы, целые фразы повторяли и переделывали соответствующие образы, пассажи и выражения «Слова», применяя их к рассказу о победе русских войск над татарами за Доном на Куликовом поле. Все шесть ныне известных списков «Задонщины» дают крайне искажённый текст, и точное восстановление первоначального вида произведения сейчас задача едва ли возможная. Не вполне ясно и текстологическое соотношение сохранившихся списков Задонщины. Исследователи спорят о том, представляет ли собой «краткая редакция» (отражённая в Кирилло-Белозерском списке) изначальную версию или, напротив, впоследствии сокращённую.

Слово о великом князе Дмитреѣ Ивановичѣ и о братѣ его князе
Владимирѣ Андрѣевичѣ яко повѣдили сѹпостата своего царя Мамаѣ

Князь великий Дмитрей Ивановичъ с своим братомъ, с княземъ Владимиромъ Андрѣевичемъ, и своими воеводами были на пиру у Микѹлы Васильевича. Вѣдомо намъ, братѣ, что у быстрого Дону царь Мамай пришел на Рускѹю землю, а идет к намъ в Залѣскѹю землю.

Пойдемъ, братѣ, тамо в полунощнѹю страну а жребия Афѣтова, сына Ноева, от него же родися русь православная. Взыдемъ на горы Киевския и посмотримъ славного Непра и посмотримъ по всей земли Руской. И оттоля на восточнѹю страну а жребий Симова, сына Ноева, от него же родися хиновя а поганые татаровя, бѹсормановя. Тѣ бо на рекѣ на Каялѣ одолѣша родъ Афѣтовъ. И оттоля Руская земля сѣдитъ невесела; а от Калатѣския рати до Мамаева побонща тѹгою и печалию покрѹшася, плачущися, чады своя поминаючиа князи и бояря и удалые люди, иже оставиша вся дома своя и богатѣство, жены и дѣти и скотъ, честь и славу мира сего получивши, главы своя положиша за землю за Рускѹю и за вѣру християнскѹю.

Преже восписахъ жалость земли Рускиѣ и прочее от книгъ приводя, потомъ же списахъ жалость и похвалу великомѹ князю Дмитрею Ивановичю и брату его, князю Владимиру Андрѣевичю.

Снидемся, братия и друзи и сынове рускии, составимъ слово к слову, возвѣселимъ Рускѹю землю и возвѣрземъ печаль на Восточнѹю страну - в Симовъ жребий и воздадимъ поганомѹ Момаю повѣду, а великомѹ князю Дмитрею Ивановичю похвалу и брату его, князю Владимиру Андрѣевичю. И рцемъ таково слово: лѹдчи бо намъ, братѣ, начати повѣдати иными словесы о похвальныхъ сихъ о нынешнихъ повѣстехъ о полку великого князя Дмитрея Ивановича и брата его князя Владимира Андрѣевича, а внѹки святаго великаго князя Владимира Киевскаго. Начаша ти повѣдати по дѣломъ и по былинамъ. Не проразимся мыслию но землями, помянемъ первыхъ лѣтъ времена, похвалимъ вѣщаго Бояна горазна гѹдца в Киеве. Тотъ бо вѣщій Боянъ, воскладоша горазная своя персты на живыя струны, пояше рускимъ княземъ славы: первѹю славу великомѹ князю киевскомѹ Игорю Рюриковичю, 2 великомѹ князю Владимиру Святославичю Киевскомѹ, третѹю великомѹ князю Ярославѹ Володимировичю.

Азъ же помяну резанца Софония, и восхвалю пѣснѣми и гѹсленными бѹйными словесы сего великаго князя Дмитрея Ивановича и брата его, князя Владимира Андрѣевича, а внѹки святаго великаго князя Владимира Киевскаго. И пѣние княземъ рускимъ за вѣру християнскѹю!

А от Калатѣскихъ рати до Мамаева побонща 160 лѣтъ.

Се бо князь великий Дмитрей Ивановичъ и братъ его, князь Владимиръ Андрѣевичъ, помолися Богу и пречистей его Матери,

истезавше ум свой крепостию, и поостриша сердца свои мужеством, и наполнишася ратного духа, уставиша собѣ храбрыя полѣкы в Руской землѣ и помянуша прадѣда своего, великого князя Владимира Киевскаго.

Оле жаворонок, лѣтняя птица, красных дней утѣха, возлѣти под синие облакы, посмотри к сильному граду Москвѣ, воспой славу великому князю Дмитрею Ивановичю и брату его, князю Владимиру Андрѣевичю! Ци буря соколи зонесет из земля Залѣския в полѣ Половецкое! На Москвѣ кони ржѣт, звѣнит слава по всей земли Руской, трубы трубят на Коломнѣ, бѣвны бѣют в Серпугове, стоят стязи у Дону Великого на брезѣ.

Звонятъ колоколы вѣчныя в вѣликом Новгородѣ, стоят мужи новгородские у святыхъ Софии, а рѣчи тако: Уже нам, брате, не поспѣтъ на пособѣ к великому князю Дмитрею Ивановичю? И как слово изговаривают, уже аки орли слѣтѣшася. То ти были не орли слѣтѣшася а выехали посадники из Великого Новгорода, а с ними 7000 войска к великому князю Дмитрею Ивановичю и к брату его, князю Владимиру Андрѣевичю, на пособе.

К славному граду Москвѣ съѣхалися вси князи руские, а рѣчи таково слово: У Дону стоят татаровя поганые, и Момай царь на реки на Мечи, межѣ Чюровым и Михайловым, брѣсти хотят, а предати живот свой нашей славы.

И рече князь великий Дмитрей Ивановичь: Брате, князь Владимиръ Андреевичь, поидем тамо, укупим животу своему славы, учиним землям диво, а старым повесть, а молодым память! А храбрыхъ своихъ испытаем, а реку Дон кровью прольем за землю за Рускую и за вѣру крестьянскую!

И рече им князь великий Дмитрей Ивановичь: Братия и князи руские, гнѣздо есмя были великого князя Владимира Киевскаго! Не в обиде есми были по рождению ни соколу, ни ястребу, ни крѣчатѣ, ни черному ворону, ни поганому сему Момаю!

О соловей, лѣтняя птица, что бы ты, соловей, выщекотал славу великому князю Дмитрею Ивановичю и брату его князю Владимиру Андрѣевичю, и земли Литовской двѣ братом Олгордовичем, Андрѣю и брату его Дмитрею, да Дмитрею Больньскому! Тѣ бо сѣтъ сынове храбры, кречаты в ратном времени и вѣдомы полководцы, под трубами повити, под шеломы възлелѣваны, конецъ копия вскормлены, с востраго меча поены в Литовской земли.

Молвяше Андрѣй Олгордовичь своему брату: Брате Дмитрей, сами есмя собѣ два браты, сынове Олгордовы, а внуки есмя Едимантовы, а правнуки есми Сколомендовы. Звѣрем, брате, милые пановя удалые Литвы, храбрыхъ удалцов, а сами сядем на свои борзи комони и посмотрим выстрого Дону, испиемъ шеломом воды, испытаем мечевъ своихъ литовскихъ о шеломы татарские, а сѣлицѣ немецкихъ о боданы бусорманские!

И рече ему Дмитрей: Брате Андрѣй, не пощадим живота своего за землю за Рускую и за вѣру крестьянскую и за обиду великаго князя

Дмитрея Ивановича! Уже бо, брате, стук стучит и гром грѣмит в каменом граде Москвѣ. То ти, брате, не стукъ стучить, ни гром гремит, стучит сильная рать великаго князя Дмитрея Ивановича, гремятъ удалцы рускіе злачеными доспѣхи и черлеными щиты. Сѣдлай, брате Андрѣй, свои борзи комони, а мои готови наперед твоих осѣдлани. Выедем, брате, в чистое полѣ и посмотрим своих полковъ, колько, брате, с нами храбрые литвы. А храбрые литвы с нами 70 000 окованые рати.

Уже бо, брате, возвеша сильнии вѣтри с моря на усть Дону и Непра, приелѣяша великиа тучи на Рускую землю, из них выстѣпают кровавые зори, а в них трепещут синие молнии. Быти стукѣ и громѣ великомѣ на речке Непрядвѣ, межѣ Доном и Непром, пасти трѣпѣ человеческого на поле Куликовѣ, пролитися крови на речке Непрядвѣ!

Уже бо въскрипѣли телегы межѣ Доном и Непром, идут хинове на Русскую землю! И притѣкоша сѣрые волцы от усть Дону и Непра и ставши воют на рекѣ, на Мечи, хотят наступати на Рускую землю. То ти были не сѣрые волцы, придоша поганые татаровя, хотят пройти воюючи всю Рускую землю.

Тогда гуси возгоготаша и лѣбѣди крилы въсплескаша. То ти не гуси возгоготаша, ни лѣбѣди крилы въсплескаша, но поганый Момай пришел на Рускую землю и вои своя привел. А уже бѣды их пасоша птицы крылати, под облакы летают, вороны часто грают, а галицы своею рѣчью говорят, орли хлѣкчют, а волцы грозно воют, а лисицы на кости врешут.

Руская земля, то первое еси как за царем за Соломоном побывала.

А уже соколи и кречати, белозерские ястреви рвахуся от златых колодиць ис камена града Москвы, обриваху шевковыя опутины, возвиваючися под синия небеса, звонечи злачеными колоколы на быстром Дону, хотят ударити на многие стады гусинныя и на лебединныя, а богатыри руския удалцы хотят ударити на великия силы поганого царя Мамаю.

Тогда князь великий Дмитрей Ивановичь востѣпив во златое свое стрѣмя, всѣдъ на свой борзый конь и взем свой мечь в правую руку, и помолися Богу и пречистой его Матери. Солнце емѣ ясно на въстоцы сияет и пѣть повѣдает, а Борисъ и Глѣбъ молитву воздают за сродники своя.

Что шумит и что грѣмит рано пред зорями? Князь Владимиръ Андрѣевичь полки пребирает и ведет к Великому Дону. И молвяше братѣ своему, великому князю Дмитрею Ивановичю: Не ослабляй, брате, поганым татаровям уже бо поганые поля рускіе наступают и вотчину нашу отнимают!

И рече емѣ князь великий Дмитрей Ивановичь: Брате Владимиръ Андрѣевичь! Сами себѣ еси два брата, а внуки великаго князя Владимира Киевскаго. А воеводы у нас уставлены а 70 бояринов, и крѣпцы бысть князи вѣлозѣрстин Федор Семеновичь да Семен Михайловичь, да Микѣла Васильевичь, да два брата Олгордовичи, да

Дмитрей Волыньской, да Тимофей Волуевичь, да Андрѣй Серкизовичь, да Михайло Ивановичь, а вою с нами триста тысящъ окованые рати. А воеводы у нас крепкия, а дружина свѣдома, а под собою имѣем боръзья комони, а на собѣ злаченыи доспѣхи, а шеломы черкасские, а щиты московские, а сѣлицы немѣцкие, а кинжалы фряские, а мѣчи бѣлатные; а пути им сведоми, а перевозки им изготовлены, но еще хотят сильно головы своя положить за землю за Рускую и за вѣру крестьянскую. Пашут бо ся аки живи хоругови, ищут собѣ чести и славного имени.

Уже бо тѣ соколи и кречати, бѣлозерскыя ястреви, за Дон борзо перелѣтѣли и ударилися на многие стада на гусиные и на лѣбѣдиные. То ти быша ни соколи ни кречети, то ти наехали русские князи на силу татарскую. И удариша копия харалужныя о доспѣхи татарские, возгрѣмѣли мечи бѣлатные о шеломы хиновские на полѣ Куликове на рѣчке Непрядвѣ.

Черна земля под копыты, а костми татарскими поля настѣяша, а кровью ихъ земля пролита бысть. А сильныи полки ступишася вмѣсто и протопташа холми и луги, и возмѣтишася рѣки и потоки и озера. Кликнуло Диво в Руской земли, велит послушати грознымъ землямъ. Шибла слава к Желѣзнымъ Вратамъ, и къ Караначи, к Римѣ, и к Кафе по морю, и к Торнаву; и оттолѣ ко Царюграду на похвалу рускимъ княземъ: Русь великая одолѣша рать татарскую на полѣ Куликове на рѣчке Непрядвѣ.

На томъ полѣ сильныи тѣчи ступишася, а из нихъ часто сияли молыньи и грѣмѣли громы велиции. То ти ступишася русские сынове с погаными татарами за свою великую обиду. А в нихъ сияли доспѣхи злаченые, а грѣмѣли князи русские мечьми бѣлатными о шеломы хиновские.

А билися из утра до полудни в субботу на Рожество святѣй Богородицы.

Не тѣри возрыкали у Дону Великого на полѣ Куликове. То ти нѣ тѣри повѣждени у Дону Великого, но посвѣчены князи русские и бояры и воеводы великого князя Дмитрея Ивановича. Повѣждени князи бѣлозерстии от поганыхъ татаръ, Федор Семеновичь, да Семен Михайловичь, да Тимофѣй Волуевичь, да Микѣла Васильевичь, да Андрѣй Серкизовичь, да Михайло Ивановичь и иная многая дружина.

Пересвѣта чернеца, брянского боярина, на суженое мѣсто привели. И рече Пересвѣт чернецъ великому князю Дмитрею Ивановичю: Лутчи бы нам потятымъ быть, нежели полоненымъ быти от поганыхъ татаръ! Тако бо Пересвѣт поскакивает на своемъ борзомъ конѣ, а злаченымъ доспѣхомъ посвѣчиваетъ, а иные лѣжатъ посеченыи у Дону Великого на врезѣ.

И в то время старѣ надобно помолодѣти, а удалымъ людямъ плечь своихъ попытать. И молвляше Ослябя чернецъ своему брату Пересвѣту старцу: Брате Пересвѣте, вижу на телѣ твоёмъ раны великия, уже, брате, лѣтѣти главе твоей на траву ковыль, а чаду моему Иякову лѣжати на зелѣнѣ ковылѣ траве на полѣ Куликове на рѣчке Непрядве за вѣру

крестьянскую, и за землю за Рускую, и за обиду великого князя Дмитрея Ивановича.

И в то время по Резанской земле около Дону ни ратан, ни пастухи в полѣ не кличут, но только часто вороны грают трупу ради человеческого, грозно бо быше и жалостно тогда слышати; занеже трава кровию пролита бысть, а дрѣвеса тугю к земли приклонишася.

И воспѣли быше птицы жалостныя пѣсни а заплакашася вси княгини и боярыни и вси воеводские жены о избивенных. Микюлина жена Васильевича Марья рано плакаша у Москвы града на забралах, а ркучи тако: Доне, Доне, быстрая река, прорыла еси ты каменные горы и течеша в землю Половецкую. Прилѣлѣи моего господина Микюлу Васильевича ко мнѣ! А Тимофѣева жена Волуевича Федосья тако же плакашася, а ркучи тако: Се уже веселие мое пониче во славном граде Москве, и уже не вижу своего государя Тимофея Волуевича в животѣ! А Ондрѣева жена Марья да Михайлова жена Оксинья рано плакашася: Се уже обѣмя нам солнце померкло в славном граде Москвѣ, припахнули к нам от быстрого Дону полоняныя вѣсти, носяще великую бѣду: и выседоша удалцы з борзыхъ коней на суженое мѣсто на полѣ Куликове на речке Непрядве!

А уже Диво кличет под саблями татарскими, а тѣм рускимъ богатырем под ранами.

Тутто щурове рано воспѣли жалостныя пѣсни у Коломны на забралах, на воскресение, на Акима и Аннинъ день. То ти было не щурове рано воспѣша жалостныя пѣсни, заплакалися жены коломенские, а ркучи тако: Москва, Москва, быстрая река, чему еси залелѣяла мужей наших от насъ в землю Половецкую? А ркучи тако: Можеш ли, господине князь великий, веслы Нѣпръ зоградити, а Донъ шоломы вычръпати, а Мечу рѣку трупы татарскими запрудити? Замкни, государь князь великий, Окѣ рекѣ ворота, чтобы потом поганые татаровя к нам не ѣздили. Уже мужей нашихъ рать трудила.

Того же дни в субботу на Рожество святыя Богородицы исекша христиани поганые полки на полѣ Куликове на речке Непрядвѣ.

И нюкнув князь Владимиръ Андрѣевичъ гораздо, и скакаше по рати во полцехъ поганыхъ в татарскихъ, а злеченым шеломом посвѣчиваючи. Грѣмят мечи булатные о шеломы хиновские.

И восхвалит брата своего, великого князя Дмитрея Ивановича: Брате Дмитрей Ивановичь, ты еси у златошна времени желѣзное зовороло. Не оставай, князь великий, с своими великими полки, не потакай крамольником! Уже бо поганые татары поля наша наступают, а храбрю дружину у нас истеряли, а в трупы чловѣчье борзи кони не могутъ скочити, а в крови по колѣно бродят. А уже бо, брате, жалостно видети кровь крестьянская. Не уставай, князь великий, съ своими бояры.

И князь великий Дмитрей Ивановичь рече своим боярам: Братия бояра и воеводы и дѣти боярские, то ти ваши московские слаткие мѣды

и великие мѣста! Тутѣ добу́дѣте себѣ мѣста и своимъ женамъ. Тутѣ, братѣ, старѣ помолодѣть, а молодому́ чести добыть.

И рече князь великий Дмитрей Ивановичъ: Господи Боже мой, на тя уповахъ, да не постыжуся в вѣк, ни да посмѣютъ ми ся враги моя мнѣ. И помолися Богу и пречистой его Матери и всѣмъ святымъ его, и прослезися горко, и ѳтер слезы.

И тогда аки соколы борзо полѣтѣша на быстрый Дѣнь. То ти не соколи полѣтѣша: поскакиваетъ князь великий Дмитрей Ивановичъ с своими полки за Дѣнь со всею силою. И рече: Братѣ князь Владимир Андрѣевичъ, тутѣ, братѣ, испити медовыя чары повѣденые, наеждаемъ, братѣ, своими полки сильными на рать татаръ поганыхъ.

Тогда князь великий почалъ наступати. Гремятъ мѣчи булатные о шеломахъ хановскихъ. И поганые покрыва главы своя руками своими. Тогда поганые борзо вспять отступива. И от великого князя Дмитрея Иванова стези рекутъ, а поганые бѣжатъ, а русские сыновеширокие поля кликомъ огорожива и злочеными доспѣхами осветива. Уже бо ста ту́р на оборонѣ!

Тогда князь великий Дмитрей Ивановичъ и братъ его, князь Владимиръ Андрѣевичъ, полки поганыхъ вспять поворотили и нача ихъ бити и сечи горазно, тоску имъ подаваше. И князи ихъ падоша с коней, а трупы татарскими поля насыяша и кровию ихъ реки протекли. Тутѣ поганые разлучива розно и повѣгше неуготованными дорогами в лукоморье, скрегчюще зубами своими, и дерущи лица своя, а рече такъ: Уже намъ, братѣ, в земли своей не бывати и дѣтей своихъ не видати, а катунъ своихъ не трепати, а трепати намъ сырая земля, а цѣловати намъ зелена мурова, а в Русь ратию намъ не хаживати, а выхода намъ ѳ русскихъ князей не прашивати. Уже бо въстонала земля татарская, бѣдами ту́гою покрыва; уныша бо царемъ ихъ хотѣние и княземъ похвала на Рускую землю ходити. Уже бо веселие ихъ пониче.

Уже бо русские сынове разграбива татарские ѳзорочья, и доспѣхи, и кони, и волю, и верблуды, и вино, и сахар, и дорогое ѳзорочие, камки, насычеве везутъ женамъ своимъ. Уже жены русские восплескаша татарскимъ златомъ.

Уже бо по Руской земле простресе веселие и бѣйство. Вознесесе слава руская на поганыхъ хулу. Уже бо вержено Диво на землю, и уже грозы великаго князя Дмитрея Иванова и брата его князя Владимира Андрѣевича по всемъ землямъ текутъ. Стрѣляй, князь великий, по всѣмъ землямъ, стрѣляй, князь великий, с своею храброю дружиною поганого Мамай хановина за землю Рускую, за вѣрѣ христьянскую. Уже поганые оружия своя повергоша, а главы своя подклониша под мечи русские. И трубы ихъ не трубятъ, и уныша гласи ихъ.

И отскочи поганый Мамай от своѣй дружины серымъ волкомъ и притече к Кафе граду. Молваше же ему фрязове: Чему ты, поганый Мамай, посягаешь на Рускую землю? То тя была орда Залѣская. А не

бывати товѣ в Батыя царя: ꙗ Батыя царя было чѣтыреста тысящ окованые рати, а воевал всю Рꙋскꙋю землю от востока и до запада. А казнил Богъ Рꙋскꙋю землю за своя согрѣшения. И ты пришел на Рꙋскꙋю землю, царь Мамай, со многими силами, з дѣвятью ордами и 70 князями. А нынѣ ты, поганый, бѣжишь сам-девят в лꙋкоморье, не с кем тебѣ зимы зимовати в полѣ. Нѣшто тобя князи рꙋские гораздо подчивали: ни князей с тобою, ни воевод! Нѣчто гораздо ꙗпилися ꙗ быстрого Дону на полѣ Кꙋликовѣ на травѣ ковылѣ! Побѣжи ты, поганый Мамай, от насъ по задлѣшыю!

ꙗподобилася еси земля Рꙋская миломꙋ младенцꙋ ꙗ матери своей: его же мати тешить, а рать лозою казнит, а добрая дѣла милꙋють его. Тако господь Богъ помиловал князей рꙋскихъ, великого князя Дмитрея Ивановича и брата его, князя Владимира Андрѣевича, меж Дона и Непра, на полѣ Кꙋликовѣ, на рѣчки Непрядвѣ.

И стал великий князь Дмитрей Ивановичъ съ своимъ братомъ, с княземъ Владимиромъ Андрѣевичемъ, и со остальными своими воеводами на костѣхъ на полѣ Кꙋликове на речке Непрядвѣ. Грозно во и жалосно, брате, в то время посмотри, иже лѣжатъ тꙋпи крестьяньские акы сѣнныи стоги ꙗ Дона Великого на брѣзе, а Дон река три дни кровию текла. И рече князь великий Дмитрей Ивановичъ: Считайтесе, братия, колько ꙗ насъ воеводъ нѣтъ и колько молодыхъ людей нетъ.

Тогда говоритъ Михайло Александровичъ, московский боярин, князю Дмитрѣю Ивановичю: Господине князь великий Дмитрѣй Ивановичъ! Нетꙋ, госꙋдарь, ꙗ насъ 40 бояриновъ московскихъ, 12 князей вѣлозѣрьскихъ, 30 новгородскихъ посадниковъ, 20 бояриновъ коломенскихъ, 40 бояръ серпꙋховскихъ, 30 пановъ литовскихъ, 20 бояръ переславскихъ, 25 бояръ костромскихъ, 35 бояръ володимеровскихъ, 50 боярѣ сꙋздалскихъ, 40 боярѣ мꙋромскихъ, 70 боярѣ рѣзаньскихъ, 34 бояриновъ ростовскихъ, 23 бояръ дмитровскихъ, 60 боярѣ можайскихъ, 30 боярѣ звенигородскихъ, 15 боярѣ ꙗглецкихъ. А посечено отъ вѣзбожнаго Мамайа полтретья ста тысящ и три тысячи. И помилова Богъ Рꙋскꙋю землю, а татарѣ пало безчислено многое множество.

И рече князь великий Дмитрей Ивановичъ: Братия, бояра и князи и дѣти боярские, то вамъ сꙋжено мѣсто межъ Дономъ и Непромъ, на полѣ Кꙋликове на речке Непрядвѣ. И положили есте головы своя за святыя церкви, за землю за Рꙋскꙋю и за вѣрꙋ крестьяньскꙋю. Простите мя, братия, и благослите в семъ вѣце и в бꙋдꙋщемъ. И пойдемъ, брате, князь Владимир Андрѣевичъ, во свою Залескꙋю землю к славномꙋ граду Москве и сядемъ, брате, на своемъ княжение, а чести есми, брате, добыли и славного имени! Богꙋ нашему слава.

Источники:

<http://lib.pushkinskiydom.ru/default.aspx?tabid=4980>

<http://drevne-rus-lit.niv.ru/drevne-rus-lit/text/zadonschina/zadonschina-original.htm>

7.2. Повесть о Петре и Февронии

Повесть о Петре и Февронии представляет собой классический образец историко-биографической древнерусской повести XVI века. Местом, где жили герои повести и где происходили события, были старинный русский город Муром и рязанские земли. События, послужившие основой повести, произошли в первой половине XII века, а написана повесть была в конце 40-х годов XVI века выдающимся священнослужителем и писателем Ермолаем Еразмом. Он создал это великое произведение к канонизации новых Чудотворцев Муромских – князя Петра (в монашестве нареченного Давидом) и княгини Февронии (в монашестве нареченной Ефросинией). С тех пор день этих святых отмечается 25 июня.

В сюжете «Повести» соединились два основных сказочных сюжета – волшебная сказка о борьбе со змеем и новеллистическая сказка о мудрой крестьянской девушке, выходящей замуж за знатного человека и подвергающейся трудным испытаниям. В повести описывается честная, праведная жизнь муромского князя Петра и его жены Февронии, простолюдинки по происхождению. Их жизнь и в конце ее монашеский постриг сближают повесть с жанром жития святых и придают ей нравоучительный характер.

Повесть как бы вырастает из фольклора: сказок, былин, загадок, пословиц. В повести воплотилась глубокая мысль, идущая от самого начала народного понимания равенства людей перед правдой. Так, в сказке крестьянский сын Иван женится на царице, а простая девушка выходит замуж за царевича. Поэтому женитьба князя Петра на Февронии имеет корни в русском фольклоре и в то же время говорит о зарождавшихся изменениях в русском обществе. Подвиг Петра выражает древнейший мифологический, сказочный и позже былинный мотив змеборства.

Повесть от жития святых новых чудотворец муромских благовернаго и преподобнаго и достохвалнаго князя Петра нареченнаго во иноческом чину Давида и супруги его благоверныя и преподобныя и достохвалныя княгини Февронии нареченныя во иноческом чину Ефросинии

Благослови, отче. Богу Отцу и сприсясущному Глову Божию Сыну, и пресвятому и животворящему Духу, единому Божию естеству безначалному, купно в Троицы воспеваемому, и хвалимому, и славимому, и почитаемому, и превозносимому, и исповѣдуемому, и вѣруемому, и благодаримому, содѣтелю и творцу невидимому и неописанному, искони самосилно обычною си премудростию свершающему, и строящему всяческая, и просвѣщающему, и прославляющему, еже хотящу, своим самовластиемъ, якоже во исперва сотвори на небеси аггелы своя, дѣхы и слуги своя, огонь палящъ, умни чинове, вестелесная воннества, иуже неисповѣдимо величество есть, тако и вся невидимая сотвори, о нихже

недостижно есть уму человеческу, видимая же небесная стихия сотвори: солнце, и луну, и звѣзды, и на земли же древле созда человека по своему образу и от своего трисолнечнаго Божества подобие тричислено дарова ему: умъ, яко отецъ слову; слово же исходит от него, яко сын посылаемо; на немже почнет духъ, яко у коегождо человека изо усть слово без духа исходити не может, но духъ с словом исходит, ум же началствует.

И да не продолжим слова в твари человечесей, но на подлежащее возвратимся.

Богъ же безначальный, создав человека, почти и, надо всемъ земнымъ существомъ царемъ постави и, любя же в человечестемъ роде вся праведники, грѣшныя же милуя, хотя во всехъ спасти и в разум истинный привести. Егда же благоволениемъ Отчимъ и своимъ хотѣниемъ и споспѣшествомъ святаго Духа единый от Троица Сынъ Божий, не ин ни инак, но той же Богъ, Слово, Сынъ отъ, благоволи родитися на земли плотию от пречистыя девица Марія, и бысть человекъ, еже не бѣ не преложивъ божества; еже бѣ на земли ходя, никакоже отчихъ нѣдръ отлучися. И во страсть его божественое его естество безстрастно пребысть. Безстрастие же его неизреченно есть, и невозможно есть никакою притчею сказати, ни мощно к чему приложити, занеже все тварь его есть; в твари же его разумѣваемъ безстрастие, ибо аще какову древу стоящу на земли, солнцу же с небеси сияющу на нь, в ту ж годину древу тому, аще ключится посекаему быти и симъ страдати, ифиръ же солнечный от древа того не отступит, ниже спосѣкается з деревомъ, ни стражет.

Глаголемъ же убо о солнце и о дрѣвѣ, понеже тварь его есть; зижителъ же и создѣтель неизглаголимъ есть. Сей бо пострада за ны плотию, грѣхи наша на крестѣ пригвозди, искупивъ ны миродержителя лествца ценою кровию своею честною. О семъ бо рече сосудъ избранный Павел: Не будите раби человекомъ, куплены бо есте ценою. По распятии же господь нашъ Исусъ Христосъ тридневно воскресе, и в четьредесятный день вознесесе на небеса, и сѣде одесную Отца, и в пятидесятный день ото Отца пославъ Духъ святой на святаыя своя ученики и апостолы. Они же всю вселенную просвѣтиша вѣрою, святымъ крещениемъ.

И елицы во Христа крестишася, во Христа облекошася. Аще ли же во Христа облекошася, да не отступаютъ отъ заповѣдей его, не якоже лествцы и блазители по крещении оставльше заповѣди Божия и лстяще ся мира его красотами, но якоже святини пророцы и апостолы, такоже и мученицы и вси святини, Христа ради страдавшие в скорбехъ, в бедахъ, в теснотахъ, в ранахъ, в темницахъ, в нестроенихъ, трудѣхъ, во бдѣннихъ, в пощенихъ, в чищенихъ, в разумѣ, в долготерпѣнни, во благодсти, в Дусѣ святѣ, в любви нелицемѣрне, в словеси истиннѣ, в силѣ Божии, а иже свѣдоми суть Единому, вѣдущему тайны сердечныя, имиже землю просвѣтилъ есть, якоже небо звѣздами украси, и почтивъ ихъ чудотворенми, овыхъ убо

молитвъ ради и покаяния и трудов, оных же мужеств ради и смирения, якоже сих святых прослави, о нихже нам слово предлежит.

I

Се убо в Русийстей земли град, нарицаемый Муром, в немже бѣ самодержьствуяй благовѣрный князь, яко повѣдаху, именем Павел. Искони же ненавидяй добра роду челоучю дьявол всели неприязненаго летящаго змя к женѣ князя того на блуд. И являшеся ей своими мечты, якоже баше и естеством; приходящим же людем являшеся, якоже князь сам сѣдшася с женою своею. Тѣми же мечты многа времена преидоша. Жена же сего не таяше, но повѣдаше князю, мужеву своему, вся ключашася ей. Змий же неприязнивыи осили над нею.

Князь же мысляше, что змиеви сотворити, но недоумѣяшеся. И рече женѣ си: Мыслю жено, но недоумѣюся, что сотворити неприязни тому? Смерти убо не вѣм, какю нанесу на нь? Аще убо глаголетъ к тебѣ какова словеса, да воспросиши и с лестию и о сем: вѣст ли сей неприязнивым духом своим, от чего ему смерть хочетъ быти? Аще ли увѣси и нам повѣдаеши, свободишися не токмо в нынешнемъ вѣце злаго его дыханиа и сипѣния и всего скарядия, еже смрадно есть глаголати, но и в будущий вѣкъ нелицемѣрнаго судию Христа милостива себѣ сотвориши. Жена же мужа своего глаголь в сердци си твердо приимши, умысли во умѣ своемъ: Добро тако быти.

Во един же от дний неприязнивому тому змию пришедшу к ней, она же, добру память при сердцы имѣя, глаголь с лестию предлагаетъ к неприязни той, глаголя многи иныя рѣчи, и по сихъ с почтениемъ воспросивъ его, хваля, рече бо, яко: Много вѣси, и вѣси ли кончину си, какова будетъ и от чего? Он же, неприязнивыи прелестникъ, прелщен добрымъ прелщениемъ от вѣрныхъ жены, яко непщева тайну к ней изрещи, глаголя: Смерть моя есть от Петрова плеча, от Агрикова же меча. Жена же, слышавъ такову рѣчь, в сердцы си твердо сохрани и по отшествии неприязниваго того повѣда князю, мужеву своему, якоже реклъ есть змий. Князь же, то слышавъ, недоумѣяшеся, а что есть смерть от Петрова плеча и от Агрикова меча?

Имѣяше же у себе приснаго брата, именем князя Петра. Во един же от дний призвавъ его к себѣ и нача ему повѣдати змиевы рѣчи, якоже реклъ есть женѣ его. Князь же Петръ, слышавъ от брата своего, яко змий нарече тезоименита ему исходатая смерти своей, нача мыслити, не сумняся мужествене, како бы убити змя. Но и еще баше в немъ мысль, яко не вѣдыи Агрикова меча.

Имѣяше же обычай ходити по церквамъ уединяся. Бѣ же внѣ града церковь в женстемъ монастыри Воздвижение честнаго и животворящаго креста. И прииде к ней един помолитися. Яви же ся ему отроча, глаголя: Княже! Хочещи ли, да покажу ти Агриковъ мечъ? Он же, хотя желание свое исполнити, рече: Да вижу, гдѣ есть! Рече же отроча: Иди вслѣдъ мене. И показа ему во олтарной стенѣ межю керемидома скважню, в ней

же лежаше мечь. Благовѣрный же князь Петръ, взем меч той, прииде и повѣда брату своему. И от того дни искаше подобна времени, да убьет змя.

По вся же дни ходя к брату своему и к сносѣ своей на поклонение. Ключи же ся ему прийти в храмину к брату своему и том же часѣ, шед к сносѣ своей во ину храмину, и видѣ у нея сидяща брата своего. И паки пошед от нея, встрѣти нѣкоего от предстоящих брату его и рече ему: Изыдох убо от брата моего к сносѣ моей, брат же мой оста в своем храму, мнѣ же, не коснѣвшу никаможе, вскоре пришедшу в храмину к сносѣ моей, и не свѣм и чюжуся, како брат моей наперед мене обрѣтется в храминѣ у снохи моей? Той же человекъ рече ему: Никакоже, господи, по твоём отшествии не изыде брат твой из своая храмины! Он же разумѣ быти пронирыство лукаваго змя. И прииде к брату и рече ему: Когда убо сѣмо прииде? Аз бо от тебе из сея храмины изыдох, и нигдѣже ничесоже помедлив, приидох к женѣ твоей в храмину, и видѣх тя с нею сидяща, и чюдяхся, како наперед мене обрѣтется. Приидох же паки, ничтоже нигдѣ паки помедлив, ты же, не вѣм, како мя предтече и наперед мене здѣ обрѣтется? Он же рече: Никакоже, брате, ис храма сего по твоём отшествии не изыдох и у жены своая никакоже бѣх. Князь же Петръ рече: Се есть, брате, пронирыство лукаваго змя, да тобою ми ся кажет, аще не бых хотѣл убити его, яко непщюя тебе своего брата. Нынѣ убо, брате, отсюду никакоже иди, аз же тамо иду братися со змием, да нѣкли Божию помощию убием да будет лукавый сей змий.

И взем мечь, нарицаемый Агриков, и прииде в храмину к сносѣ своей, и видѣ змя зраком аки брата си, и твердо увѣрися, яко нѣсть брат его, но прелестный змий, и удари его мечем. Змий же явился, яков же вяше и естеством, и нача трепетатися, и бысть мертвъ, и окропи блаженного князя Петра кровию своею. Он же от неприязнивыя тоя крови острѣпѣ, и язвы быша, и прииде жа нь болезнь тяжка зело. И искаше в своем одержании ото мног врачей исцеления, и ни от единого полуци.

II

Слыша же, яко мнози сѣть врачеве в предѣлахъ Рязанския земли, и повелѣ себе тамо повести, не бѣ бо сам мощен на кони сидѣти от великия болѣзни. Привезен же бысть в предѣлы Рязанския земли и посла синклит свой весь искати врачей.

Един же от предстоящих ему юноша уклонися в весь, нарицающуся Ласково. И прииде к некоего дому вратом и не видѣ никогоже. И вниде в дом, и не вѣ, кто бы его чюль. И вниде в храмину и зря видѣние чудно: сидяше бо едина девица, ткаше красна, пред нею же скача заец.

И глаголя девица: Нелѣпо есть быти дому безо ушню и храму безо очию! Юноша же той, не внят во умъ глаголъ тѣх, рече к девице: Гдѣ есть человекъ мужеска полу, иже здѣ живет? Она же рече: Отецъ и мати моя пондоша взаем плакати. Брат же мой иде чрез ноги в нави зрѣти.

Юноша же той не разумѣ глаголь ея, дивляшеся, зря и слыша вещь подобну чудеси, и глагола к девицы: Внидох к тебѣ, зря тя дѣлающую, и видѣх заец пред тобою скача, и слышу ото устну твоею глаголы странны нѣкаки, и сего не вѣм, что глаголеши. Первие бо рече: нелѣпо есть быти дому безо ушию и храму безо очию. Про отца же твоего и мать рече, яко идоша взаим плакати, брата же своего глаголя чрез ноги в нави зрѣти. И ни единого слова от тебе разумѣх!

Она же глагола ему: Сего ли не разумѣеши! Прииде в дом сий и в храмину мою вниде и видѣв мя сидящу в простотѣ. Аще бы был в дому наю пес и чюв тя к дому приходяща, лаял бы на тя: се бо есть дому уши. И аще бы было в храмине моеи отроча и видѣв тя к храмине приходяща, сказало бы ми: се бо есть храму очи. А еже сказах ти про отца и мать и про брата, яко отець мой и мати моя идоша взаем плакати а шли бо суть на погребение мертваго и тамо плачют. Егда же по них смерть придет, нини по них учнут плакати: се есть занимаемый плач. Про брата же ти глаголах, яко отець мой и брат древолазцы суть, в лѣсе бо мед от древия вземлют. Брат же мой нынѣ на таково дѣло иде, и яко же лѣсти на древо в высоту, чрез ноги зрѣти к земли, мысля, абы не урватися с высоты. Аще ли кто урвется, сей живота гонзнет. Сего ради рѣх, яко иде чрез ноги в нави зрѣти.

Глагола ей юноша: Вижу тя, девице, мудроу сущу. Повѣжь ми имя свое. Она же рече: Имя ми есть Феврония. Той же юноша рече к ней: Аз есмь муромскаго князя Петра, служан ему. Князь же мой имѣя болѣзнь тяжку и язвы. Острупленну бо бывшу ему от крови неприязниваго летящаго змия, егоже есть убил своею ркою. И в своем одержании искаше исцеления ото мног врачей и ни от единого получи. Сего ради сѣмо повелѣ себе привести, яко слыша здѣ мнози врачеве. Но мы не вѣмы, како именуются, ни жилищ их вѣмы, да того ради вопрошаем о нею. Она же рече: Аще бы кто требовал князя твоего себѣ, мог бы уврачевати и. Юноша же рече: Что убо глаголеши, еже кому требовати князя моего себѣ! Аще кто уврачует и, князь мой дастъ ему имѣние много. Но скажи ми имя врача того, кто есть и камо есть жилище его? Она же рече: Да приведеша князя твоего сѣмо. Аще будет мяхкосердъ и смирен во отвѣтѣх, да будетъ здрав!

Юноша же скоро возвратися ко князю своему и повѣда ему все подробну, еже видѣ и еже слыша. Благовѣрный же князь Петръ рече: Да везете мя, гдѣ есть девица. И привезоша и в дом той, в немже бѣ девица. И посла к ней ото отрок своих, глаголя: Повѣж ми, девице, кто есть хотя мя уврачевати? Да уврачует мя и возмет имѣние много. Она же не обвиняся рече: Аз есмь. хотя и врачевати, но имѣния не требую от него прияти. Имам же к нему слово таково: аще бо не имам быти сугрѣга ему, не тебе ми есть врачевати его. И пришед человекъ той, повѣда князю своему, якоже рече девица.

Князь же Петръ, яко небрегий словеси ея, и помысли: Како князю сущу древолазца дщи пояти себѣ жену! И послав к ней, рече: Рцыте ей, что есть врачество ея, да врачует. Аще ли учраует, имам пояти ю себѣ женѣ. Пришедше же, рѣша ей слово то. Она же взем сосудец мал, почерпе кисляжди своея, и дуну на ня, и рек: Да учредят князю вашему баню, и да помазует сим по телу своему, идѣже суть струпы и язвы. И един струп да оставит не помазан. И будет здоровъ!

И принесоша к нему таково помазание. И повелѣ учредити баню. Девицю же хотя во отвѣтѣх искусити, аще мудра есть, якоже слыша о глаголѣх ея от юноши своего. Посла к ней съ единым от слуг своих едино повѣсмо лну, рек, яко: Си девица хочет ми супруга быти мудрости ради. Аще мудра есть, да в снем лну учинит мнѣ срачицу, и порты, и убрѹсець в ту годину, в ню же аз в бани пребуду. Слуга же принесе к ней повѣсмо лну и дасть ей и княже слово сказа. Она же рече слѹзѣ: Взыди на пещь нашу и, снем з гряд полѣнце, снеси сѣмо. Он же, послушав ея, снесе полѣнце. Она же, отмѣрив пядию, рече: Отсеки сие от полѣнца сего. Он же отсече. Она же глагола: Возми сий утинок полѣнца сего, и шед даждь князю своему от мене и рцы ему: в кий час се повѣсмо аз очешу, а князь твой да приготовит ми в сем утинцѣ стан и все строение, ким сочтется полотно его. Слуга же принесе ко князю своему утинок полѣнца и рѣчь девичю сказа. Князь же рече: Шед, рцы девицы, яко невозможно есть в таково мале древцѣ и в такую малу годину сицева строения сотворити! Слуга же пришед, сказа ей князю рѣчь. Девица же отрече: А се ли возможно есть, человеку мужеска возрасту въ едином повѣсме лну в малу годину, в нюже пребудет в бани, сотворити срачицу, и порты, и убрѹсець? Слуга же отоиде и сказа князю. Князь же дивлеса отвѣту ея.

И по времени князь Петръ иде в баню мытися и повелѣнием девица помазанием помазая язвы и струпы своя. И един струп остави не помазанъ по повелѣнию девицы. Изыде же из бани, ничтоже болѣзни чюяше. На утрии же узрѣв си все тѣло здорово и гладко, развие единого струпа, еже бѣ не помазал по повелѣнию девичю, и дивляшеса скорому исцелению. Но не восхотѣ пояти ю жену себѣ отечества ея ради и послав к ней дары. Она же не прият.

Князь же Петръ поѣхав во отчину свою, град Муром, здравствуйаи. На нем же бѣ един струп, еже бѣ не помазан повелѣнием девичим. И от того струпа начаша многи струпы расходитися на тѣле его от перваго дни, в онъже поѣхав во отчину свою. И бысть паки весь острѹплен многими струпы и язвами, якоже и первие.

И паки возвратися на готовое исцеление к девицы. И якоже приспѣ в дом ея, с стѹдом посла к ней, прося врачевания. Она же, нимало гнѣву подержав, рече: Аще будет ми супружник, да будет учраван. Он же с твердостию слово дасть ей, яко имат пояти ю жену себѣ. Сня же паки, яко и преже, то же врачевание даст ему, еже предписах. Он же вскоре

исцѣление получив, поят ю жену себѣ. Такою же виною бысть Феврония княгини.

Придоша же во отчину свою, град Муром, и живяста во всяком благочестии, ничтоже от Божиих заповѣдей оставляюще.

III

По мале же дний предреченный князь Павел отходит жития сего. Благовѣрный же князь Петръ по брате своем един самодержец бывает граду своему.

Княгини же его Февронии боляре его не любяху жен ради своих, яко бысть княгини не отечества ради ея; Богу же прославляющую ю добраго ради жития ея.

Нѣкогда бо нѣкто от предстоящих ей прииде ко благовѣрному князю Петрови навадити на ню, яко: От коегождо, а рече, а стола своего без чину исходит: внегда бо встати ей, взимает в руку свою крохи, яко гладна! Благовѣрный же князь Петръ, хотя ю искусити, повелѣ да обѣдует с ним за единым столом. И яко ѹбо скончавшүся обѣду, она же, якоже обычай имѣяше, взем от стола крохи в руку свою. Князь же Петръ прием ю за руку и, развед, видѣ ливан добровонный и фимиян. И от того дни остави ю к тому не искушати.

И по мнозе же времени придоша к нему съ яростию боляре его, ркүще: Хотем вси, княже, праведно слүжити тебѣ и самодержцем имѣти тя, но княгини Февронии не хотим, да господствует женами нашими. Аще хочещи самодержцем быти, да будет ти ина княгини. Феврония же, взем богатество довольно себѣ, отоидет, а може хочет! Блаженный же Петръ, якоже бѣ ему обычей, ни о чесомже ярости имѣя, со смиреннем отвеща: Да глаголита к Февронии, и якоже рчет, тогда слышим.

Они же, неистовии, наполнившеся безстүдия, үмыслиша, да үчредят пирь. И сотвориша, и егдаже быша весели, начаша простирати безстүдныя своя гласы, аки пси лающе, отнемлюще ү святыя Божий дарь, егоже ей Богъ и по смерти неразлүчна обещал есть. И глаголахү: Госпоже княгини Феврония! Весь град и боляре глаголють тебѣ: дай же нам, егоже мы ү тебе просим! Она же рече: Да возмета, егоже просита! Они же, яко единеми үсты, ркоша: Мы үбо, госпоже, вси князя Петра хотим, да самодержествует над нами. Тебе же жены наши не хотяхүт, яко господствуеши над ними. Взем богатество довольно себѣ, отоидеши, а може хочещи! Она же рече: Обещахся вам, яко елика аще просите а примете. Аз же вам глаголю: дадите мнѣ егоже, аще аз вопрошү ү ваю. Они же, зли, ради быша, не вѣдүще бүдүщаго, и глаголаша с клятвою, яко: Аще рчеши, единою без прекословия возмеши. Она же рече: Ничтоже ино прошү, токмо сүпруга моего, князя Петра! Рѣша же они: Аще сам восхочет, ни о том тебѣ глаголем. Врэг бо наполни их мыслей, яко аще не бүдет князь Петръ, да поставят себѣ инаго самодержцем: книждо бо от боляръ во үмѣ своем держаше, яко сам хочет самодержец быти.

Блаженный же князь Петръ не возлюби временнаго самодержавства кромѣ Божнихъ заповѣдей, но по заповѣдемъ его шествуя, держашеся сихъ, якоже богогласный Матфѣй в своемъ Благовѣстии вещаетъ. Рече бо, яко иже аще пуститъ жену свою, развие словеси прелюбодѣйнаго, и оженится иною, прелюбы творитъ. Сей же блаженный князь по Евангелію сотвори: одержание свое, яко чуметы вмени, да заповѣди Божия не разрушитъ.

Они же, злочестивии боляря, даша имъ суды на рѣцѣхъ а вѣше бо подъ градомъ тѣмъ рѣка, глаголемая Ока. Они же плывуще по рѣцѣхъ в судѣхъ. Нѣкто же бѣ человекъ чужбленный княгини Февронии в судне, егже и жена в томъ же судне бысть. Той же человекъ, приимъ помысль от лукаваго бѣса, возрѣвъ на святую с помысломъ. Она же, разумѣвъ злый помысль его вскоре, обличи и, рече ему: Почерпи чюво воды из рѣки снѣ с ю страну судна сего. Он же почерпе. И повелѣ ему испити. Он же питъ. Рече же паки она: Почерпи чюво воды з другую страну судна сего. Он же почерпе. И повелѣ ему паки испити. Он же питъ. Она же рече: Равна ли чюво снѣ вода есть, или едина слажеши? Он же рече: Едина есть, госпоже, вода. Паки же она рече сице: И едино естество женское есть. Почто чюво, свою жену оставя, чюжна мыслиши? Той же человекъ, чюведѣвъ, яко в ней есть прозрѣния даръ, бояся к тому чюва помышляти.

Вечеру же приспѣвшу, начаша ставитися на брезѣ. Блаженный же князь Петръ яко помышляти начатъ: Како бѣдетъ, понеже волею самодержавства гонзнувъ? Предивная же Феврония глагола ему: Не скорби, княже, милостивый Богъ, творецъ и промысленникъ всему, не оставитъ насъ в низшетѣ быти!

На брезѣ же томъ блаженному князю Петру на вечерю его ядь готовляху. И потче поваръ его древца малы, на нихъ же котлы висяху. По вечери же святая княгини Феврония, ходящи по берегу и видѣвши древца тыя, благослови, рекши: Да бѣдутъ снѣ на чютрии древие велико, имѣщи вѣтви и листвие. Егже и бысть: вставши бо чютре, обретоша тыя древца велико древие имѣще вѣтви и листвие.

И яко чюже хотяху людие ихъ рѣхло вметати в суды со берега, приидоша же велможа от града Мурома, ркуще: Господи княже! Отъ всѣхъ велмож и ото всего града приидохомъ к тебѣ, да не оставиши насъ сирыхъ, но возвратиши на свое отечествие. Мнози бо велможа во градѣхъ погибоша от меча. Книждо ихъ хотя державствовати, сами ся изгубиша. А оставшии вси со всѣмъ народомъ молятъ тя, глаголюще: господи княже, аще и прогнѣвахомъ тя и раздражихомъ тя, не хотяще, да княгини Феврония господствуетъ женами нашими, нынѣ же, со всѣми домами своими, раби ваю есмы, и чющемъ, и любимъ, и молимъ, да не оставитъ насъ, рабъ своихъ!

Блаженный же князь Петръ и блаженная княгини Феврония возвратишася во градъ свой. И бѣху державствующе во градѣхъ томъ, ходяще во всѣхъ заповѣдехъ и оправданиихъ Господнихъ бес порока, в молбахъ непрестанныхъ и милостыняхъ и ко всѣмъ людемъ, под ихъ властью сущимъ, аки чюдодобивии отецъ и мати. Бѣста бо ко всѣмъ любовь равну имѣще,

не любяще гордости, ни гравления, ни богатества тлѣннаго щадяще, но в Богъ богатѣюще. Бѣста во своему граду истинна пастыря, а не яко наинника. Град во свой истинною и кротостию, а не яростию правяще. Странныя приемлюще, алчныя насыщающе, нагия одевающе, вѣдныя от напасти избавляюще.

IV

Егда же приспѣ благочестное преставление ею, умолиша Бога, да во един час будет преставление ею. И совѣт сотворше, да будут положена оба въ едином гробѣ, и повелѣша учредити себѣ въ едином камени два гроба, едину токмо преградѣ имущи между собою. Сами же въ едино время облекошася во мнишеския ризы. И наречен бысть блаженный князь Петръ во иноческом чинѣ Давидъ, преподобная же Феврония наречена бысть во иноческом чинѣ Еуфросиния.

В то же время преподобная и блаженная Феврония, нареченная Еуфросиния, во храм Пречистыя соборныя церкви своими руками шияше воздухъ, на немже бѣ лики святыхъ. Преподобный же и блаженный князь Петръ, нареченный Давидъ, прислав к ней, глаголя: О сестро Еуфросиния! Хочу уже отойти от тѣла, но жду тебе, яко да купно отойдем. Она же отрече: Пожди, господине, яко дошю воздухъ во святую церковь. Он же вторицею послав к ней, глаголя: Уже во мало пожду тебе. И яко же третицею присла, глаголя: Уже хочу преставитися и не жду тебе! Она же остаточное дѣло воздуха того святаго шияше, уже во единого святаго риз еще не шив, лице же нашив; и преста, и вотче иглу свою в воздухъ, и повертѣ нитью, еюже шияше. И послав ко блаженному Петру, нареченному Давиду, о преставлении купнѣм. И, помолився, предаста святая своя душа в рѣцѣ Божии месяца июня в два десять пятый день.

По преставлении же ею хотѣста людие, яко да положен будет блаженный князь Петръ внѣ града, у соборныя церкви пречистыя Богородицы, Феврония же внѣ града в женстем монастыри, у церкви Воздвижения честнаго и животворящаго креста, ркуще, яко во мнишестем образѣ неугодно есть положити святыхъ въ едином гробѣ. И учредиша им гроби особны и вложиша телеса ихъ в ня: святаго Петра, нареченнаго Давида, тѣло вложиша во особый гроб и поставиша внѣ града в церкви святаго Богородицы до утра, святаго же Февронии, нареченныя Еуфросинии, тѣло вложиша во особый гроб и поставиша внѣ града в церкви Воздвижения честнаго и животворящаго креста. Общій же гроб, егоже сами повелѣша истесати себѣ въ едином камени, оста тощ в том же храмѣ Пречистыя соборныя церкви, иже внѣ града. На утра же, вставше, людие обрѣтоша гроби ихъ особныя тщи, в няже ихъ вложиста. Святая же телеса ихъ обретоста внѣ града в соборней церкви пречистыя Богородицы въ едином гробѣ, егоже сами себѣ повелѣша сотворити. Людие же неразумнии, якоже в животѣ о нихъ мятущесе, тако и по честнѣм ею преставлении: паки преложиша я во особныя гробы и паки разносоша. И паки же на утра обрѣтошася святини въ едином гробѣ. И

ктому не смѣяху прикоснутися святѣм их телесем и положиша я во едином гробѣ, в немже сами повелѣста, у соборныхъ церкви Рождества пресвятыя Богородица внѣру града, еже есть дал Богъ на просвѣщение и на спасение граду тому: иже во с вѣрою приришуще к раце мощей ихъ, неоскудно исцеление приемлют.

Мы же по силе нашей да приложим хваление има.

Радуйся, Петре, яко дана ти бысть от Бога власть учити летящаго свирѣпаго змя! Радуйся, Февроние, яко в женстей главѣ святыхъ муж мудрость имѣла еси! Радуйся, Петре, яко струпы и язвы на теле своем нося, довлествене скорби претерпѣл еси! Радуйся, Февроние, яко от Бога имѣла еси даръ в девственней юности недуги целити! Радуйся, славный Петре, яко заповѣди ради Божия самодержьства волею отступи, еже не остати супруги своея! Радуйся, дивная Февроние: яко твоим благословением во едину ночь малое древие велико возрасте и изнесоша вѣтви и листие! Радуйтася, честная главо, яко во одержании ваю в смиренни, и молитвахъ, и в милостыни без гордости пожиста; тѣмже и Христось дастъ вам благодать, яко и по смерти телеса ваю неразлучно во гробѣ лежаще, дѣхом же предстоитъ владыце Христу! Радуйтася, преподобная и превлаженная, яко и по смерти исцеление с вѣрою к вам приходящим невидимо подаете!

Но молим вы, о превлаженная супруга, да помолитесь о нас, творящихъ вѣрою память вашу!

Да помянете же и мене прегрѣшнаго, списавшаго сие, елико слышахъ, невѣдыи, аще инии сѣтъ написали, вѣдуще выше мене. Аще убо грѣшен есмь и грѣб, но на Божию благодать и на щедроты его уповаю и на ваше моление ко Христу надѣяся, трудихся мыслми. Хотя вы на земли хвалами почтити, и не у хвалы коснѣхся. Хотѣхъ вама ради вашего смиреннаго самодержьства и преподобьства по преставлении вашем венца плести, и не уплетения коснѣхся. Прославлени бо есте и венчани на небесѣх истинными нетлѣнными венцы ото общаго всѣхъ владыки Христа, емуже подобает со безначальным его Отцем купно и с пресвятымъ, благим и животворящим Дѣхом всяка слава, честь и поклонение нынѣ и присно и въ вѣки вѣкомъ. Аминь.

Источник:

<http://lib.pushkinskijdom.ru/default.aspx?tabid=5116>

7.3. Афанасий Никитин. Хождение за три моря

«Хождение за три моря» - первое произведение русской литературы, запечатлевшее путешествие, имевшее не религиозные, а торговые цели. Афанасий Никитин спустился по Волге из Твери в Астрахань, пересек Каспийское море, проехал Персию и через Индийский океан достиг Индии, где прожил три года. Обратный путь лежал снова через Индийский океан, Персию, а затем по Черному морю и Крыму. Нет оснований считать

Афанасия Никитина особенно предприимчивым купцом, сознательно стремившимся в Индию; не был он и дипломатом. Товары, с которыми он отправился в путь, предназначались, очевидно, для продажи на Кавказе. В Индию он пошел «от многия беды», после того как был ограблен в низовьях Волги. Единственным товаром, который он доставил в Индию, был купленный по дороге и проданный с большим трудом конь. Путевые записки Никитина были, в сущности, дневником, только без разбивки на даты.

«Хождение за три моря» предоставляет собой богатый этнографический и исторический материал, помогающий в совокупности с другими источниками реконструировать историю мусульманского государства Бахманидов, а также взаимоотношения с южным соседом – индуистской империей Виджаянагар. Афанасий Никитин живо и достоверно описывает природу Индии, ее политический строй, торговлю, сельское хозяйство. Он смело вводит в свое повествование автобиографические эпизоды, лирические отступления. Записки свидетельствуют о патриотизме их автора, о широте его взглядов и начитанности. Язык записок близок к разговорной и деловой московской речи; широко используются персидские, арабские, тюркские слова и выражения.

В лето 6983. [1475г.] Того же году обретох написание Офонаса тверитина купца что былъ в Индее 4 годы, а ходил, сказывает, с Василемъ Папиным. Азъ же опытах, коли Василей ходил с кречаты послом от великого князя, и сказаша ми - за год до казанского похода пришел из Орды, коли князь Юрьи под Казанию был, тогда его под Казанью застрелили. Се же написано не обретох, в кое лето пошел или в кое лето пришел из Индея, умер, а сказывают, что, деи, Смоленска недошед, умеръ. А писание то своею рѹкою написал, иже его рѹкы те тетрати привезли гости к Мамыреву Василию, к дияку к великому князю на Москву.

За молитву святыхъ отецъ нашихъ, господи Исусе Христе, сыне вожий, помилуй мя, раба своего грешнаго Афонася Микитина сына.

Се написах свое грешное хождение за три моря: 1-е море Дербеньское, дориа Хвалитьскаа; 2-е море Индейское, дорея Гундустанскаа; 3-е море Черное, дориа Стевольская.

Поидох от Спаса святаго златоверхаго и съ его милостию, от государя своего от великаго князя Михаила Борисовича Тверскаго и от владыки Генадия Тверскаго, и Бориса Захарьича.

И поидох вниз Волгою. И приидох в монастырь Колязин ко святой Троицы живоначалной и къ святым мучеником Борису и Глебу. И у игумена благословив у Макария и у святыхъ братьи. И ис Колязина поидох на Углеч, и с Углеча отпустили мя доброволно. И оттуду поидох, с Углеча, и приехалъ есми на Кострому ко князю Александру с ыною грамотою великого князя. И отпустили мя доброволно. И на Плесо приехал есми доброволно.

И приехал есми в Новгород в Нижней к Миханле х Киселеву, к наместьнику, и к пошлиннику к Ывану к Гараеву, и они мя отпустили доброволно. А Василий Папин проехал мимо город две недели, и яз ждал в Новгороде в Нижнем две недели посла татарскаго ширваншина Асанбега, а ехал с кречаты от великого князя Ивана, а кречатов у него девяносто. И приехал есми с ними на низ Волгою. И Казань есмя проехали доброволно, не видали никого, и Орду есмя проехали, и Усланъ, и Сарай, и Берекезаны есмя проехали. И въехали есмя в Бұзанъ. Тү наехали на нас три татаринны поганые и сказали нам лживые вести: Кайсым салтан стережет гостей в Бұзани, а с ним три тысящи татар. И посол ширваншин Асанбегъ дал имъ по однорятке да по полотну, чтобы провели мимо Хазтарахан. А оны, поганые татарове, по однорятке взяли, да весть дали в Хазтараханъ царю. И яз свое судно покинул да полез есми на судно на послово и с товарищи своими.

Поехали есмя мимо Хазтарахан, а месяц светит, и царь нас видел, и татарове к нам кликали: Качма, не бегайте! А мы того не слышали ничего, а бежали есмя парусом. По нашим грехом царь послал за нами всю свою орду. Ини нас постигли на Богуне и учали нас стреляти. И у нас застрелили человека, а у них дву татаринов застрелили. И судно наше меньшее стало на езу, и они нас взяли да того часу разграбили, а моя была мелкая рұхлядь вся в меньшем судне.

А в болшом суднѣ есмя дошли до моря, ино стало на усть Болги на мели, и они нас тутто взяли, да судно есмя взад велли тянути вверхъ до ѳзу. И тут судно наше болшее пограбили и четыре головы взяли рұские, а нас отпустили голыми головами за море, а вверхъ нас не пропустили вѣсти для.

И пошли есмя в Дербентъ, заплакавши, двема суды: в одном судне посол Асанбѣг, да тезики, да рұсаков нас десеть головами; а в другом судне б москвич, да шесть тверич, да коровы, да кормъ наш. А вѣстала фуртовина на море, да судно меньшее разбило о берег. А тү есть городок Тархи, а люди вышли на берегъ, и пришли кайтаки да людей поймали всѣх.

И пришли есмя в Дербентъ, и тү Василий поздорову пришел, а мы пограблени. И билъ есми челом Василию Папину да послу ширваншину Асанбѣгу, что есмя с нимъ пришли, чтобы ся печаловал о людех, что их поймали под Тархи кайтаки. И Асанбѣг печаловался и ѳздил на гору къ Бұлатубегу. И Бұлатбегъ послал скорохода ко ширваншибегу, что: господине, судно рұское разбило под Тархи, и кайтаки, пришед, люди поймали, а товар их розграбили.

И ширваншабегъ того же часа послал посла к шурину своему Алиябегу, кайтачевскому князю, что: судно ся мое разбило под Тархи, и твои люди, пришед, людей поймали, а товаръ их пограбили; и ты чтобы, меня ддля, люди ко мнѣ прислал и товар их собрал, занже тѣ люди посланы на мое имя. А что будет тебѣ надобе у меня, и ты ко мнѣ пришли, и яз

тебѣ, своему брату, не бороню. А тѣ люди пошли на мое имя, и ты бы их отпустил ко мнѣ доброволно, меня дѣля. И Амльбегъ того часа люди отслал всѣх в Дербентъ доброволно, а из Дербенту послали их к ширванши в ърдѹ его, контулъ.

А мы поехали к ширванше во и контулъ и били есмя ему челом, чтобы нас пожаловалъ, чѣм донти до Руси. И он намъ не дал ничего, ано нас много. И мы, заплакавъ, да разошлись кои куды: у кого что есть на Руси, и тот пошелъ на Русь; а кой должен, а тот пошел куды его очи понесли. А иные остались в Шамахѣ, а иные пошли роботать к Бакѣ.

А яз пошелъ к Дербенти, а из Дербенти к Бакѣ, гдѣ огонь горить неугасимы, а изъ Баки пошелъ есми за море к Чевокарѹ.

Да тутъ есми жил в Чевокарѣ 6 мѣсяць, да в Сарѣ жил мѣсяць, в Маздранской земли. А оттуды ко Амилн, и тутъ жилъ есми мѣсяць. А оттуды к Димованту, а из Димованту ко Рею. А тѹ убилн Шаусеня, Алеевыхъ детей и внучатъ Махметевыхъ, и онъ ихъ проклялъ, ино 70 городовъ ся розвалило.

А из Дрѣя к Кашени, и тутъ есми был мѣсяць, а из Кашени к Нанну, а из Нанна ко Ездѣи, и тутъ жилъ есми мѣсяць. А из Диесъ къ Ырчану, а изъ Ырчана къ Тарому, а фѹники кормятъ животину, батманъ по 4 алтыны. А изъ Торома к Лару, а изъ Лара к Бендерю, и тутъ есть пристанище Гурмызское. И тутъ есть море Индѣйское, а парьсѣйскимъ языкомъ и Гондѹстанская дорня; и оттуды ити моремъ до Гурмыза 4 мли.

А Гурмызъ есть на островѣ, а ежедень поимаетъ его море по двожды на день. И тутъ есми взял первый Великъ день, а пришел есми в Гурмыз за четыре недѣли до Велика дни. А то есми города не всѣ писал, много городовъ великихъ. А в Гурмызе есть солнце варно, человѣка сожжет. А в Гурмызе был есми мѣсяць, а из Гурмыза пошел есми за море Индѣйское по Велице дни в Радѹницу, в таву с конми.

И шли есмя морем до Мошката 10 дни; а от Мошката до Дѣгу 4 дни; а от Дѣга Кѹзряту; а от Кѹзрята Конбаату. А тутъ ся родитъ краска да лекъ. А от Конбата к Чювилю, а от Чювиля есмя пошли въ 7-ю недѣлю по Велице дни, а шли в тавѣ есмя 6 недѣль морем до Чивиля.

И тутъ есть Индийская страна, и люди ходятъ всѣ наги, а голова не покрыта, а груди голы, а власы в одну косу заплетены, а всѣ ходятъ брюхаты, а дѣти родятся на всякый год, а детей у нихъ много. А мужики и жонки всѣ наги, а всѣ черны. Яз куды хожу, ино за мною людей много, да дивѹются вѣломѹ человѣкѹ. А князь ихъ а фота на головѣ, а дрѹгая на гүзнѣ; а бояре у нихъ а фота на плещѣ, а дрѹгаа на гүзнѣ, княини ходятъ фота на плещѣ обогнѹта, а дрѹгаа на гүзнѣ. А слѹги княжие и боярьскыя а фота на гүзнѣ обогнѹта, да щит, да меч в рѹкахъ, а иные с сѹлицами, а иные с ножи, а иные с саблями, а иные с лѹки и стрелами; а всѣ наги, да восы, да болкаты, а волосовъ не бреют. А жонки ходятъ голова не покрыта,

а сосцы голы; а паропки да девочки ходят наги до семи лѣтъ, сором не покрыт.

А ис Чювля сѹхом пошли есмѧ до Пали 8 дни, до индѣйскыя горы. А от Пали до Үмри 10 дни, и то есть город индѣскый. А от Үмри до Чюнерѧ 7 дни.

Тѹ есть Асатхан Чюнерскыя индийскый, а холоп меликътѹчаровъ. А держит, сказывають, семь темъ от меликъточара. А меликътѹчар сѣдит на 20 тмах; а бѣется с кафары 20 лѣтъ есть, то его побивають, то он побивает ихъ многажды. Хан же Асъ ѣздит на людехъ. А слонов ѹ него много, а коней ѹ него много добрыхъ, а людей ѹ него много хоросанцевъ. А привозят ихъ из Хоросанскыя земли, а иные из Орапской земли, а иные ис Тѹркменскыя земли, а иные ис Чеботайскыя земли, а привозят все морем в тавахъ - индѣйскыя каравли.

И яз грѣшный привезлъ жеребца в Индѣйскую землю, и дошелъ есми до Чюнерѧ: Богъ далъ поздоровѹ все, а стал ми во сто рѹблевъ. Зима же ѹ нихъ стала с Троицына дни. А зимовали есмѧ в Чюнерѣ, жили есмѧ два мѣсяца. Ежедень и ночь 4 месяцы всюда вода да грязь. В тѣ же дни ѹ нихъ орют да сѣютъ пшеницѹ, да тѹтѹрган, да ногѹт, да все сѣстное. Вино же ѹ нихъ чинят в великыхъ орѣхехъ - кози гүндүстанская; а брагѹ чинят в татнѹ. Кони же кормят нофѹтом, да варят кичирисъ с сахаром, да кормят кони, да с маслом, поранѹ же дают имъ шешни. В Индѣйской же земли кони ся ѹ нихъ не родят, въ ихъ землѣ родятся волы да бѹйволы, на тѣхъ же ѣздят и товар, иное возят, все дѣлають.

Чюнерей же градъ есть на островѹ на каменом, не одѣланъ ничѣм, Богомъ сотворен. А ходят на горѹ день по одному челоувѣкѹ: дорога тесна, а двама почти не лзѣ.

В Индѣйской земли гости ся ставят по подворьем, а ѣсти варят на гости господарыни, и постелю стелють на гости господарыни, и спят с гостми. Сикиш илиресен дѹшителъ бересин, сикиш илимесъ екъ житель берсен, достѹр аврат чектѹр, а сикиш мѹфѹт; а любят бѣлыхъ людей.

Зимѣ же ѹ нихъ ходит люди фота на гүзнѣ, а дрѹгая по плечем, а третья на головѣ; а князи и бояре толды на себя въздевають порткы, да сорочицѹ, да кафтан, да фота по плечем, да дрѹгою опояшет, а третьєю головѹ ѹвертит. А се оло, оло авръ, оло акъ, олло керем, олло рагим!

А в том в Чюнерѣ ханъ ѹ меня взял жеребца, а ѹвѣдал, что яз не бесерменянин - рүсинъ. И он молвит: Жеребца дам да тысящѹ златыхъ дам, а стань в вѣрѹ нашѹ - в Махмет дени; а не станеш в вѣрѹ нашѹ, в Махмат дени, и жеребца возмѹ и тысящю златыхъ на головѣ твоей возмѹ. А срокъ ѹчинил на четыре дни, в Оспожино говѣино на Спасов день. И Господь Богъ смилвался на свой честный праздникъ, не оставил милости своеа от меня грѣшнаго и не велѣлъ погибнѹти в Чюнерѣ с нечестивыми. И канѹн Спасова дни приѣхал хозѧйочи Махмет хоросанецъ, и бил есми емѹ челом, чтовы ся о мнѣ печаловал. И он ѣздил к ханѹ в город да меня отпросил, чтовы мя в вѣрѹ не поставили, да и жеребца моего ѹ него взял.

Таково осподарево чудо на Спасовъ день. Ино, братие рустии християня, кто хошет поити в Ындѣйскую землю, и ты остави вѣру свою на Русси, да воскликнѣв Махмета да поити в Гундустанскую землю.

Мене залгали псы бесермены, а сказывали всего много нашего товара, ано нѣтъ ничего на нашу землю: все товаръ бѣлой на бесерменьскую землю, перец да краска, то и дешево. Ино возят ачеи морем, ини пошлины не дают. А люди иные намъ провести пошлины не дадут. А пошлин много, а на море разбойников много. А разбивают все кафары, ни крестияне, не бесермене; а молятся каменым болваном, а Христа не знают, ни Махмета не знают.

А ис Чюнеря есмя вышли на Оспожин день к Бедерю, к болшому их граду. А шли есмя мѣсяць до Бедеря; а от Бедеря до Күлонгеря 5 дни; а отъ Күлонгеря до Кольбергү 5 дни. Промежү тѣх великихъ градов много городов; на всяк день по три города, а ино и по четыре города; колко ковов, толко градов. От Чювиля до Чюнеря 20 ковов, а от Чюнеря до Бедеря 40 ковов, а от Бедеря до Күлонгеря 9 ковов, а отъ Бедеря до Колүбергү 9 ковов.

В Бедере же торгъ на кони, на товар, да на камки, да на шелкъ, на всей иной товар, да купити в нем люди черные; а иные в нем купли нѣтъ. Да все товар ихъ гундустанской, да съестное все оwoщь, а на Рускую землю товару нѣтъ. А все черные люди, а все злодѣи, а жонки все вляди, да вѣди, да тати, да ложь, да зелие, осподарев морят зелиемъ.

В Ындѣйской земли княжат все хоросанцы, и бояре всѣ хоросанцы. А гундустанцы все пѣшеходы, а ходят перед хоросанцы на конех, а иные всѣ пѣши, ходятъ борзо, а все наги да боси, да щит в рүцѣ, а в другой меч, а иные с лүки великими с прямыми да стрелами. А бой их все слоны. Да пѣших пүскают наперед, а хоросанцы на конех да в доспѣсах, и кони и сами. А к слоню вяжүт к рылу да к зүвом великие мечи по кентарю кованых, да оболочат ихъ в доспѣхи бүлатные, да на них үчинены городки, да в городкѣх по 12 человекъ в доспѣсах, да всѣ с пүшками да с стрелами.

Есть ү них одно мѣсто, шихвѣ Алүдин пиръ ятыр базар Алядинандъ. На год единъ базаръ, съезжается вся страна Индийская торговати, да торгүют 10 дни; от Бедеря 12 ковов. Приводят кони, до 20 тысящ коней продавати, всякий товар свозят. В Гундустанской земли тѣй торгъ лүчьший, всякий товар продают и купят на память шиха Аладина, а на русский на Покров святыя Богородица. Есть в том Алянде птица гүкүкъ, летает ночи, а кличет: күкѣ-күкѣ, а на которой хоромине седит, то тут человекъ үмрет; и кто хошет ея үвити, ино ү ней изо рта огонь выйдет. А мамоны ходят нощи, да имают күры, а живүт в горѣ или в каменье. А обезьяны, то тѣ живүт по лѣсу. А ү них есть князь обезьяньский, да ходит ратию своею. Да кто замает, и они ся жалүют князю своему, и онъ посылает на того свою рать, и оны, пришед на град, дворы разваляют и людей повбюют. А рати их, сказывают, велми много, а

язык у них есть свой. А детей рожают много; да которой родится ни в отца, ни в мать, и ни тѣх мечют по дорогам. Ины гүндүстаньцы тѣх имають, да учат ихъ всякому рүкодѣлю, а иных продают ночи, чтобы взад не знали бежать, а иных учат базы миканет.

Весна же у них стала с Покрова святыя Богородица. А празднүють шигү Аладинү, веснѣ две недѣли по Покровѣ, а празднүют 8 дни. А веснү дръжат 3 мѣсяцы, а лѣто 3 мѣсяца, а зиму 3 мѣсяцы, а осень 3 мѣсяца.

В Бедери же их стол Гүндүстанү бесерменьскому. А град есть великъ, а людей много велми. А салтан невелик - 20 лѣт, а держат бояре, а княжат хоросанцы, а воюют все хоросанцы.

Есть хоросанецъ меликтүчар боярин, ино у него двѣсте тысящъ рати своей, а у Меликүхана 100 тысящъ, а у Фаратүхана 20 тысящъ, а много тѣхъ ханоз по 10 тысящъ рати. А с салтаном выходятъ триста тысящъ рати своей.

А земля людна велми, а сельскыя люди голы велми, а бояре сильны добри и пышны велми. А все их носят на кровати своей на серебряныхъ, да пред ними водят кони в снастехъ золотыхъ до 20; а на конехъ за ними 300 человекъ, а пѣшихъ пятьсот человекъ, да трубников 10 человекъ, да нагарниковъ 10 человекъ, да свирѣльников 10 человекъ.

Салтан же выезжает на потѣхү с матерью да с женою, ино с ним человекъ на конехъ 10 тысящъ, а пѣшихъ пятьдесят тысящъ, а слонов выводят двѣсте, наряженныхъ в доспѣсахъ золоченыхъ, да пред ним трубников сто человекъ, да плясцов сто человекъ, да коней простыхъ 300 в снастехъ золотыхъ, да обезьян за ним сто, да блядей сто, а все гаүроки.

В салтанове же дворѣ семеры ворота, а в воротехъ седит по стү сторожев да по стү писцов кафаров. Кто поидет, и ни записывають, а кто выидет, и ни записывають. А гарипов не пускають въ град. А дворѣ же его чуден велми, все на вырезе да на золоте, и послѣдний камень вырезан да златом описан велми чюцно. Да во дворѣ у него сүды розныя.

Город же Бедерѣ стерегүт в нощи тысяща человекъ күтоваловыхъ, а вѣдят на конехъ в доспѣсахъ, да у всѣх по свѣтычю.

А яз жеребца своего продал в Бедери. Да наложил есми у него шестьдесят да осмь фүтүнов, а кормил есми его год. В Бедери же змен ходят по улицам, а длина еѣ двѣ сажени. Приидох же в Бедерѣ о заговейнѣ о Филиповѣ ис Күлонгѣря, и продахъ жеребца своего о Рожествѣ.

И тутъ вых до Великого заговейна в Бедери и познася со многими индѣяны. И сказах имъ вѣрү свою, что есми не бесерменинъ исаядениени есмь христианинъ, а имя ми Офонасей, а бесерменьское имя хозя Исүфъ Хоросани. И они же не учали ся от меня крыти ни о чемъ, ни о вѣствѣ, ни о торговле, ни о маназү, ни о иныхъ вещехъ, ни жонъ своихъ не учали крыти.

Да о вѣрѣ же о ихъ распытахъ все, и оны сказывають: вѣрүемъ въ Адама, а бүты, кажүтъ, то есть Адамъ и род его весь. А вѣрѣ въ Индѣи всѣхъ 80 и 4 вѣры, а все вѣрүють в бүта. А вѣра с вѣрою ни пиеть, ни

ястѣ, ни женится. А иныя же боранинѹ, да кѹры, да рыбѹ, да яица ядятъ, а воловины не ядятъ никакаа вѣра.

В Бедери же быхъ 4 мѣсяца и свѣщахся съ индѣяны поити к Первоти, то ихъ Ерѹсалимѣ, а по бесерменьскый Мягѣкат, гдѣ ихъ бѹтхана. Там же поидохъ съ индѣяны да бѹдѹтханы мѣсяць. И торгѹ ѹ бѹтѣханы 5 дни. А бѹтхана же велики велика есть, с пол-Тѣвѣри, камена, да рѣзаны по ней дѣянныя бѹтѹвыя. Около ея всея 12 рѣзано вѣнцевѣ, какѣ бѹтѣ чудеса творил, какѣ ся имѣ являлѣ многими образы: первое, человѣческимъ образомъ являлся; другое, человѣкъ, а носѣ слоновѣ; третье, человѣкъ, а виденье обезьянино; в четвертые, человѣкъ, а образомъ лютаго звѣря, а являлся имъ все съ хвостомѣ. А вырезанъ на камени, а хвостѣ черезъ него сажени.

К бѹтханѹ же съезжается вся страна Индѣйская на чудо бѹтѹво. Да ѹ бѹтхана бреются старыи и молодыи, жонки и девочки. А бреютъ на себѣ всѣ волосы, - и борода, и головы, и хвосты. Да поидѹт к бѹтханѹ. Да со всякии головы емлютъ по двѣ шешѣкѣни пошлины на бѹта, а с коней по четыре фѹты. А съезжается к бѹтханѹ всѣхъ людей высты азарѣ лекѣ вахъ башетъ сатъ азарѣ лекъ.

В бѹтханѣ же бѹтъ вырезанъ ис камени ис чернаго, велики великъ, да хвостѣ ѹ него черезъ него, да рѹкѹ правѹю поднѣялѣ высоко да простерѣ еѣ, аки Ѹстенейнѣ царѣ Цареградскый, а в лѣвой рѹцѣ ѹ него копие. А на немъ нѣтъ ничего, а гѹзно ѹ него обвязано ширинкою, а виденье обезьянино. А иныи бѹты наги, нѣтъ ничего, котъ ачюкъ, а жонки бѹтѹвы наги вырѣзаны и с соромомъ, и з детми. А передъ бѹтомъ же стоитъ волѣ велики велики, а вырѣзанъ ис камени ис чернаго, а весь позолоченъ. А целѹютъ его в хопыто, а сыплютъ на него цвѣты. И на бѹта сыплютъ цвѣты.

Индѣяне же не ѣдятъ никоторога же мяса, ни яловичины, ни боранины, ни кѹрятины, ни рыбы, ни свинины, а свиней же ѹ нихъ велики много. Ядятъ же в день двѹжды, а ночи не ядятъ, а вина не пѹютъ, ни сыты. А з бесермены ни пѹютѣ, ни ядятъ. А ѣства же ихѣ плоха. А одинъ с однимъ ни пѣетъ, ни ѣстѣ, ни з женою. А ѣдятъ брынецъ, да кичири с масломъ, да травы розныи ядятъ, а варятъ с масломъ да с молокомъ, а ѣдятъ все рѹкою правою, а лѣвою не приметѣся ни за что. А ножа не дрѣжатъ, а лжицы не знаютъ. А на дорозе кто же варитъ себѣ кашѹ, а ѹ всякого по горнѹцѹ. А отъ бесерменъ крыются, чтобъ не посмотрилъ ни в горнець, ни вѣ ѣствѹ. А толко посмотритъ, ино тоѣ ѣствы не едятъ. А едятъ, покрываються платомѣ, чтобы никто не виделѣ его.

А намазъ же ихъ на востокъ, по-рѹсскыи. Обе рѹки подымаютъ высоко, да кладѹт на тѣмя, да ложатся ницѣ на землѣ, да весь ся истягнетъ по земли, то ихъ поклоны. А ѣсти же садятѣся, и оны омываютъ рѹки да ноги, да и ротъ пополаскиваютъ. А бѹтханы же ихъ безъ дверей, а ставлены на востокъ, а бѹты стоятъ на востокъ. А кто ѹ нихъ ѹмретъ, ини тѣхъ жгѹт да и попелъ сыплютъ на водѹ. А ѹ жены дѣтя ся родитъ, ино бабитъ мѹжъ, а имя сынѹ даетъ отецъ, а мати дѹчери. А добровѣта ѹ нихъ нѣтъ, а сорома не знаютъ.

Пошел или пришелъ, ини ся кланяют по чернеческыи, обе рѹки до земли дотычют, а не говорит ничего.

К Первоти же ѳздыт о Великом заговение, къ своему вѹтѹ. Их тѹто Иерѹсалимъ, а бесерменскыи Мякъка, а по-рѹсскыи Ерѹсалимъ, а по-индѣйскыи Порват. А съезжаются всѣ наги, только на гѹзне плат; а жонки всѣ наги, толко на гѹзне фота, а иные ф фотах, да на шеях жемчюгѹ много, да яхонтов, да на рѹках обрѹчи да перстыни златы. Олло оакъ! А внѹтрь к вѹтханѹ ѳздыт на волѣх, да ѹ вола рога окованы мѣдию, да на шеи ѹ него триста колоколцов, да копыта подкованы мѣдию. А тѣ вола аччеи зовѹт.

Индѣяне же вола зовѹт отцем, а коровѹ материю. А каломъ их пекут хлѣбы и ѳству варят совѣ, а попелом тѣмъ мажѹт ся по лицу, и по челѹ, и по всему тѣлѹ знамя. В недѣлю же да в понедѣльник едят однова днем. В Индѣя же какъпа чектѹръ а ѹчюсьдеръ: секишь илирсень ики жител, акичаны ила атарсын алты жетел беръ; бѹлара достѹръ. А кѹль коравашь ѹчюзь чяр фѹна хѹбъ, вем фѹна хѹбѣсиа; капъкара амьчюкъ кичи хошь.

От Первати же приѣхал есми в Бедеръ, за пятнадцать денъ до бесерменскаго ѹлѹ багря. А Великаго дни и вѣскресения Христова не вѣдаю, а по примѣтам гадаю Великъ денъ бывает християнскыи первие бесерменскаго баграма за девять дни или за десять дни. А со мною нѣт ничего, никоея книги; а книги есмя взяли с собою с Рѹси, ино коли мя погравили, ини и ихъ взяли, а яз забыл вѣры крестьянскыи всее. Праздники крестьянскыи, ни Велика дни, ни Рожества Христова не вѣдаю, ни среды, ни пятници не знаю; а промежѹ есми вѣр таньгрыдан истрѣмень ол сакласын: Олло хѹдо, олло акъ, олло ты, олло акъберъ, олло рагымъ, олло керимъ, олло рагымелъло, олло каримелло, таньгресень, хѹдосеньсень. Богъ един, тѣй царь славы, творецъ небѹ и земли.

А идѹ я на Рѹсь, кѣттьмышьтыр имень, ѹрѹсь тѹттьтым. Мѣсяць мартъ прошел, и яз заговѣлъ з бесермены в недѣлю, да говѣл есми мѣсяць, мяса есми не ѣлъ и ничего скоромнаго, никакие ѳствы бесерменскыи, а ѣлъ есми по двожды на денъ хлѣбъ да водѹ, авратыйля ятмадым. Да молился есми Христѹ Вседрьжителю, кто сотворил небо и землю, а инога есми не призывал никоторого именемъ, Богъ олло, Богъ керим, Богъ рагимъ, Богъ хѹдо, Богъ акъберъ, Богъ царь славы, олло варенно, олло рагимельно сеньсень олло ты.

А от Гѹрмыза итти морем до Галат 10 дни, а от Галаты до Дѣгѹ шесть дни, а от Дѣга до Мошката 6 дни, а от Мошката до Кѹчьзрята 10 дни, а от Кѹчьзрята до Камбата 4 дни, а от Камбата до Чивиля 12 дни, а от Чивиля до Давыля 6 дни. И Давыло же есть пристанище в Гѹндѹстани послѣднее бесерменствѹ. А от Давыля до Келекота 25 дни, а от Келекота до Силяна 15 дни, а от Силяна до Шаибата мѣсяць итти, а от Шаибата до Певгѹ 20 дни, а от Певгѹ до Чини да до Мачина мѣсяць

итти, морем все то хождение. А от Чини до Китаа итти сѹхом 6 мѣсяць, а морем 4 дни итти, арасть хода чотѣмъ.

Гурмыз же есть пристанище велико, всего свѣта люди в нем бывають, всякый товар в нем есть, что во всем свѣте родится, то в Гурмызе есть все. Тамга же велика, десятое съ всего емлют.

Камбаят же пристанище Индийскому морю всему, а товаръ в нем все дѣлают алачи, да пестреди, да киндяки, да чинят краску нил, да родится в нем лекъ да ахикъ да лон.

Давыло же есть пристанище велми велико, а приводят кони из Мисюря, изо Аравѣстани, изъ Хоросани, ис Түркүстани, из Негостани, да ходят сѹхом мѣсяць до Бедери да до Кельвергү.

А Келекот же есть пристанище Индѣйскаго моря всего. А прони его не дай Бог никакову костяку: а кто его не увидит, тот поздорову не приидет морем. А родится в нем перецъ, да зеньзебил, да цвѣт, да мошкат, да каланфүрѣ, да корица, да гвоздники, да пряное коренье да адряк, да всякого коренья в нем родится много. Да все в немъ дешево. Да кѹл да калавашь писаарѣ хѹвь сия.

А Гилянѣ же есть пристанище Индѣйскаго моря немало, а в немъ лежит баба Адамъ на горѣ на висоцѣѣ. Да около еѣ родится камень драгое, да червыцы, да фатисы, да бабүгүри, да бинчан, да хрүсталь, да сѹмбада. Да слоны родятся, да продают ихъ в локот, да девякүши продают в вѣс.

А Шабатское пристанище Индѣйскаго моря велми велико. А хоросанцем дают алафү по тѣнке на день, и великому и малому. А кто в нем женится хоросанецъ, и князь шабатскый дает по тысячи тенекъ на жертву, да алафү дает на всякый мѣсяць по пятидесяти тенекъ. Да родится в Шабате шолкѣ, да сандалѣ, да жемчюгѣ, да все дешево.

А в Пегү же есть пристанище немало. Да все в нем дербыши живѹт индийскыи, да родятся в нем камень драгое, маникѣ, да яхүт, да кирпүк, а продают же камень дерѣвыши.

А Чинское же да Мачинское пристанище велми велико, да дѣлают в нем чини, да продают же чини в вѣс, а дешево. А жоны их с мѹжи своими спят в день, а ночи жены их ходят спати к гарипом да спят с гарипы, да дают имъ алафү, да приносят с собою ѣствү сахарнүю да вино сахарное, да кормят да поят гостей, чтовы еѣ любил, а любят гостей людей бѣлых, занже их люди черны велми. А ү которые жены от гостя зачнется дитя, и мѹжи дают алафү; а родится дитя бѣло, ино гостю пошлины 300 тенекъ, а черное родится, ино емү нѣт ничего, что пилѣ да ѣлѣ, то емү халялѣ.

Шаибат же от Бедеря 3 мѣсяцы, а от Давыля до Шабата 2 мѣсяца морем итти, Мачим да Чим от Бедеря 4 мѣсяцы морем итти, а там же дѣлают чини, да все дешево. А от Гиляна 2 мѣсяца итти морем, а до Келекота мѣсяць итти.

В Шаибате же родится шолкѣ, да инчи, да жемчюг, да сандалѣ; слоны же продают в локот. В Гиляне же родится аммоны, да червыцы, да

фатисы, да хрусталь, да бабугүри. В Лекоте же родится перец, да мошкат, да гвоздники, да фүфал, да цвѣт. В Күзряте же родится краска да лукъ, да в Камбояти родится ахикъ.

Во Рачюре же родится алмаз бир кона да новъ кона же алмаз. Продают почкү по пяти рүблев, а доброго по десяти рүблевъ, новаго же почка алмазү пѣнечъче кени, сия же чара а шеше кѣнь, а сипит екъ тенка. Алмаз родится в горѣ каменной, а продают же тү горү каменүю локот по двѣ тысячи фунтов златых новаго алмаза, а кона алмазү продаютъ в локот по десяти тысяч фунтовъ златых. А земля же таа Меликъханова, а холопъ салтанов. А от Бедеря 30 ковов.

А сыто жидове зовут Шават своими жидовы, а то лжүт; а шабатене не жидова, ни бесермена, ни крестьяне, иная вѣра индийскаа, ни с хұды, ни з бесермены ни пьют, ни ядят, а мяса никакова не ядят. Да в Шавате же все дешеве. А родится шолкъ да сахар, велми дешев. Да по лѣсү ү них мамоны ходят да обезьяны, да по дорогам людей дерүт; ино ү них ночи по дорогам не смѣют ѣздити обезьянъ дѣля да мамон дѣля.

От Шавата же 10 мѣсяць сүхом итти, а морем 4 мѣсяцы аүкынков.

А ү оленей кормленых рѣжүт пүпки, а в нем мүскүс родится; а дикие олени пүпки из сова роняют по полю и по лѣсү, ино ис тѣх воня выходит, да и съ ѣсть тот не свѣж.

Мѣсяца мана 1 день Велик день взял есми в Бедере в бесерменском в Гүндүстанѣ, а бесермена баграм взяли в середү мѣсяца; а заговѣл есми мѣсяца априля 1 день. О благовѣрнии рүстини крестьяне! Иже кто по многим землям много плавает, во многия веда впадают и вѣры ся да лишают крестьянские. Аз же, рабище Божий Афонасий, сжалихся по вѣре крестьянской. Уже проидоша 4 Великая говѣйна и 4 проидоша Великия дни, аз же грѣшный не вѣдаю, что есть Велик день или говѣино, ни Рожества Христова не знаю, ни иных праздников не вѣдаю, ни среды, ни пятницы не вѣдаю - а книг ү меня нѣтү. Коли мя погравили, ини книги взяли ү меня. Азъ же от многия веда пондох до Индѣя, занже ми на Рүсь понти нѣ с чем, не осталось ү меня товарү ничего. Первый же Велик день взял есми в Каинѣ, а другый Велик день въ Чевокарү в Маздранской землѣ, третей Велик день в Гүрмызе, четвертый Велик день взял есми в Үндѣе з бесермены в Бедерѣ; тү же много плаках по вѣре крестьянской.

Бесерменин же Меликъ, тот мя много понүди в вѣрү бесерменскую стати. Аз же емү рекох: Господине! Ты намаз каларъсень, мен да намаз киларъмень; ты вешь намазъ кыларъсиз, мен да 3 каларемен; мень гарипъ, а сень инчай. Он же ми рече: Истиннү ты не бесерменин кажешися, а крестьянства не знаешь. Азъ же во многия в помышленна впадох, и рекох в севѣ: Горе мнѣ, окаянному, яко от пүти истиннаго заблүдихся и пүти не знаю, үже камо пондү. Господи Боже Вседръжителю, творець небү и земли! Не отврати лица от рабища твоего, яко въ скорби есмь. Господи! Призри на мя и помилүй мя, яко твое есмь

создание; не отврати мя, Господи, от пути истиннаго, настави мя, Господи, на путь правый, яко никоея же добродѣтели в нѣжи тѣй не сътворишъ тебѣ, Господи Боже мой, яко дни своя преплыхъ во злѣ все. Господи мой, олло переводигерь, олло ты, карим олло, рагим олло, карим олло, рагимелло; ахамдүлимо. Уже проидоша Великия дни четыре в бесерменской землѣ, а крестьянства не оставихъ. Далѣ Богъ вѣдает, что будет. Господи Боже мой, на тя уповахъ, спаси мя, Господи Боже мой.

В Ындѣе же бесерменской, в Великом Бедерѣ, смотрил есми на Великую ночь на Великий день Волосыны да Кола в зорю вошли, а Лось главою стоит на восток.

На баграм на бесерменской выѣхал сүлтан на теферич, ино с ним 20 возыров великихъ, да триста слонов наряженныхъ в доспѣсехъ бѣлатныхъ да з городки, да и городки окованы. Да в городкѣхъ по 6 человекѣ въ доспѣсехъ, да и с пѣшками, да и с пицалми, а на великом слонѣ по 12 человекѣ. Да на всяком по два проворца великихъ, да к зѣвом повязаны великые мечи по кентарю, да к рылу привязаны великия желѣзныя гири. Да человекѣ сѣдит в доспѣсе промежѣ ушей, да крюк у него желѣзной великой, да тѣм его правят. Да коней простыхъ тысяща в снастѣхъ златыхъ, да верьблюдов сто с нагарами, да трѣбников 300, да плясцов 300, да ковре 300. Да на салтанѣ кавтан весь сажен яхонты, да на шапке чичяк олмаз великий, да саадак золот съ яхонты, да три сабли на нем золотом окованы, да седло золото, да снасть золота, да все золото. Да пред ним скачет кафаръ пѣшь да играет теремцомъ, да за ним пѣшихъ много. Да за ним благой слонъ идет, а весь в камкѣ наряженъ, да обивает люди, да чѣпъ у него желѣзна велика во рте, да обивает кони и люди, кто бы на салтана не настүпил блиско.

И брат сүлтанов, а тот сѣдит на кровати на золотой, да над ним терем оксамитен, да маковица золота съ яхонтов, да несүт его 20 человекѣ.

А махтүмъ сѣдит на кровати же на золотой, да над ним терем шидян с маковицею золотою, да везүт его на 4-х конехъ в снастѣхъ златыхъ. Да около его людей многое множество, да пред нимъ певцы, да плясцов много; да всѣ з голыми мечи, да с саблями, да с щиты, да с сүлицами, да с копии, да с лүки с прямыми с великими. Да кони всѣ в доспѣсехъ, да саадаки на нихъ. А иные наги всѣ, одно платище на гүзне, сором завѣшен.

В Бедере же мѣсяць стоит три дни полонъ. В Бедере же сладкаго овощу нѣтъ. В Гүндүстани же силнаго варү нѣтъ. Силен варъ в Гүрмызе да в Кятоваграм, гдѣ ся жемчюг родит, да в Жидѣ, да в Бакѣ, да в Мисюрѣ, да в Орѣовьстани, да в Ларѣ. А в Хоросанской землѣ варно, да не таково. А в Чеготани велми варно. В Ширязи, да въ Ёзди, да в Кашина варно, да вѣтръ бывает. А в Гилян дүшно велми да парище лихъ, да в Шамахѣ паръ лихъ; да в Вавилонѣ варно, да в Хүмитѣ, да в Шамѣ варно, а в Ляпѣ не так варно.

А в Севастий гүбѣ да в Гүрзыньской землѣ добро обилно всѣм. Да Түрская земля обилна велми. Да в Волоской землѣ обилно и дешево все сѣбстное. Да и Подолская земля обилна всѣм. А Рүсь ерь тангрыд сакласын; олло сакла, хүдо сакла! Бү даниада мүнү кивить ерь ектүрѣ; нечикь Үрүс ери бегляри акои түгиль: Үрүсь ерь аводанѣ волсынѣ; растѣ кам даретѣ. Олло, хүдо, Богѣ, данѣиры.

Господи Боже мой! На тя уповах, спасти мя, Господи! Пути не знаю, иже камо поидү из Гүндүстана: на Гүрмыз поити, а из Гүрмыза на Хоросан пути нѣтү, ни на Чеготай пути нѣтү, ни в Бодатү пути нѣт, ни на Катавогряим пути нѣтү, ни на Ёздѣ пути нѣт, ни на Равостан пути нѣт. То вездѣ бұлагакѣ стал; князей вездѣ вывил. Яишү мырзү үвил Үзоасанбѣгѣ, а сүлтан Мүсянтя окормыли, а Үзүосанбекѣ на Ширязе сѣлѣ, и земля ся не окрепила, а Ёдигерь Махмет, а тот к немү не ѣдет, блюдется. А иного пути нѣт никүды. А на Мяккү итти, ино стати в вѣрү весерменскүю. Занеже крестьяне не ходят на Мяккү вѣры дѣля, что ставят в вѣрү. А жити в Гүндүстани, ино вся совина исхарчити, занеже ү них все дорого: один есми человекѣ, ино по полүтретѣя алтына на харчю идет на день, а вина есми не пивал, ни сыты.

Меликѣтүчар два города взял индийскых, что разбивали по морю Индийскому. А князей поималѣ семь да казнү их взял, юкѣ яхонтов, да юкѣ алмазү да кирпичков, да сто юков товарү дорогово, а иного товарү безчислено рать взяла. А стоял под городом два года, а рати с ним двѣсте тысячѣ, да слоновѣ сто, да 300 верблюдов.

Меликѣтүчар пришол с ратию своею к Бедерю на күрвантѣ багрям, а по-рүскомү на Петров день. И сүлтанѣ послал 10 возыревѣ стрѣтити его за 10 ковов, а в ковѣ по 10 верстѣ, а со всяким возырем по 10 тысяч рати своей да по 10 слоновѣ в доспѣсех.

А ү меликѣтүчара на всяк день садятся за софрею по пятисот человекѣ. А с ним садятся три возыри за его скатертию, а с возырем по 50 человекѣ, а его 100 человекѣ бояринов вшеретных. Ү меликѣтүчара на конюшне коней 2000, да 1000 осѣдланных и день и ночь стоят готовы, да 100 слонов на конюшне. Да на всякүю ночь двор его стерегүт сто человекѣ в доспѣсех, да 20 трүбников, да 10 нагарѣ, да 10 бұбнов великых а по два человекѣ буют.

Мызамылкѣ, да Мекхан, да Хафаратхан, а тѣ взяли три города великие. А с ними рати своей 100 тысяч человекѣ да 50 слонов. А тѣ взял бесчислено яхонтов да камени всякого драгаго много множество. А все то камене, да яхонты, да алмаз покупили на меликѣтүчара, заповѣдал дѣлярем пришли что гостем не продавати, а тѣ пришли о Оспожинѣ дни к Бедерю граду.

Сүлтан выѣзжает на потѣхү в четвергѣ да во вторникѣ, да три с ним возыри выезжают. А брат выезжает сүлтанов в понедѣльник с материю да с сестрою. А жонок двѣ тысячи выеждает на конех да на кроватех на золоченых, да коней пред ними простых сто в доспѣсех

золотых. Да пѣшихъ с нею много велми, да два возыря, да 10 возореней, да 50 слоновъ в попонахъ сукняныхъ. Да по 4 человекы на слонѣ сидитъ нагихъ, одно платище на гүзне. Да жонки пѣшиє наги, а тѣ воду за ними носятъ пити да подмыватися, а одинъ у одного воды не пьетъ.

Меликътүчар выехалъ воевати индѣянъ с ратию своею из града Бедеря на память шиха Аладина, а по-русскому на Покровъ святыя Богородица, а рати вышло с нимъ 50 тысящъ, а сүлтанъ послалъ рати своей 50 тысящъ, да три с ними возыри пошли, а с ними 30 тысящъ. Да сто слоновъ с ними пошло з городки да в dospѣсехъ да на всякомъ слонѣ по 4 человекы с пицалми. Меликътүчар пошелъ воевати Чюнедара великое княжение индийское.

А у винедарьскаго князя 300 слоновъ да сто тысячъ рати своей, а коней 50 тысячъ у него.

Сүлтанъ выѣхалъ из града Бедеря восьмой мѣсяць по Велице дни. Да с нимъ возыревъ выѣхало 26 возыревъ; 20 возыревъ бесерменьскихъ, а 6 возыревъ индийскихъ. А с сүлтаномъ двора его выѣхало сто тысячъ рати своей конныхъ людей, а двѣстє тысящъ пѣшихъ, да 300 слоновъ з городки да в dospѣсехъ, да сто лютыхъ звѣрей на двою чепѣхъ.

А з братомъ салтановымъ вышло двора его 100 тысящъ конныхъ, да 100 тысящъ пѣшихъ людей, да 100 слоновъ наряженныхъ в dospѣсехъ.

А за Малханомъ вышло двора его 20 тысячъ конныхъ, а пѣшихъ 60 тысячъ, да 20 слоновъ наряженныхъ. А з Бездерханомъ вышло 30 тысячъ конныхъ, да и з братомъ, да пѣшихъ сто тысячъ, да слоновъ 25 наряженныхъ с городки. А с Сүлханомъ вышло двора его 10 тысячъ конныхъ; а пѣшихъ 20 тысячъ, да 10 слоновъ з городки. А с Возырханомъ вышло 15 тысячъ конныхъ; людей, да пѣшихъ 30 тысячъ, да 15 слоновъ наряженныхъ. А с Күтовалханомъ вышло двора его 15 тысячъ конныхъ, да пѣшихъ 40 тысячъ, да 10 слоновъ. А со всякимъ возыремъ по 10 тысячъ, а с ынымъ 15 тысячъ конныхъ, а пѣшихъ 20 тысячъ.

А с ындѣйскимъ авдономомъ вышло рати своей 40 тысячъ конныхъ людей, а пѣшихъ людей сто тысячъ, да 40 слоновъ наряженныхъ в dospѣсехъ, да по 4 человекы на нихъ с пицалми.

А с сүлтаномъ вышло возыревъ 26, а со всякимъ возыремъ по десяти тысячъ рати своей, а пѣшихъ 20 тысящъ, а с ынымъ возыремъ 15 тысячъ конныхъ людей и пѣшихъ 30 тысячъ. А индѣйскии 4 возыри великихъ, а с ними рати своей 40 тысящъ конныхъ людей, а пѣшихъ сто тысячъ. И сүлтанъ ополѣлся на индѣянъ, что мало вышло с нимъ, и онъ еще прибавилъ 20 тысящъ пѣшихъ людей, двѣ тысящи конныхъ людей, да 20 слоновъ. Такова сила сүлтанова индѣйскаго бесерменьскаго. Маметъ дени иарна. А растъ дени хүдо донотъ а правую вѣрү Богъ вѣдаетъ. А праваа вѣра Бога единого знати, и имя его призывати на всякомъ мѣстє. чистє чисто.

В пятый же Великъ день възмыслихъ ся на Русь. Идохъ из Бедеря града за мѣсяць до үлү багряма бесерменьскаго Маметъ дени розсүлял. А Велика дни крестьянскаго не вѣдаю Христова възкресения, а говѣино же нхъ

говѣхъ зъ бесермены, и розговѣхъся съ ними, и Великъ день взялъ в Кельверн отъ Бедери 10 кововъ.

Султанъ пришолъ да меликъ-тучаръ съ ратию своею 15 день по улѣ вагрямѣ, а в Келвергѣ. А война ся имѣ не удала, одинъ городъ взяли индiйской, а людей ихъ много изгнѣло, и казны много истеряли.

А индiйскiй же салтанъ кадамъ велми силенъ, и рати у него много. А сидитъ в горѣ в Бичинѣ-гѣрѣ, а градъ же его велми великъ. Около его три ровы, да сквозѣ его река течетъ. А съ одну страну его женьгѣль злый, а зъ другу страну пришолъ долъ, и чудна мѣста велми и угодна на все. На ону же страну принитти нѣкѣды, сквозѣ градо дрога, а града же взяти нѣкѣды, пришла гора велика да деверъ зла тикень. Подъ городомъ же стаяла рать мѣсяць, и люди померли безводни, да головъ велми много изгнѣло зъ голоду да с безводицы. А на воду смотритъ, а взяти нѣкѣды.

А градъ же взялъ индiйской меликъчанъ хозя, а взялъ его силою, день и ночь бился зъ городомъ 20 дни, рать ни пила, ни ѣла, подъ городомъ стояла с пушками. А рати его изгнѣло пять тысячъ людей добраго. А городъ взялъ, ини высѣкли 20 тысячъ поголовья мужскаго и женскаго, а 20 тысячъ полону взялъ великаго и малаго. А продавали голову полону по 10 тенекъ, а иню по 5 тенекъ, а ровята по две тенки. А казны же не было ничего. А болшаго города не взялъ.

А отъ Кельвергѣ поидохъ до Кѣлѣри. А в Кѣлѣри же родится ахикъ, и тѣ его дѣлаютъ, на весь свѣтъ оттѣду его розвозятъ. А в Кѣрили же алмазниковъ триста сѣляхъ микѣнтъ. И тѣ же выхъ пять мѣсяць, а оттѣду же поидохъ Калики. Тѣ же бозаръ велми великъ. А оттѣду поидохъ Конаверга, а отъ Конаверга поидохъ къ шиху Аладину. А отъ шиха Аладина поидохъ ко Аменьдрине, и отъ Камендриня къ Нярясу, и отъ Кинаряса къ Сѣри, а отъ Сѣри поидохъ къ Давыли - пристанище Индiйскаго моря.

Давилъ же есть градъ велми великъ, а къ тому же Давыли а съѣзжается вся поморья Индiйская и Ефиопская. Тѣ же и окаянный азъ рабище Афонасей Бога вышняго, творца небу и земли, възмыслихъся по вѣре по крестьяньской, и по крещении Христовѣ, и по говѣйнехъ святыхъ отецъ устроеныхъ, по заповѣдехъ апостольскихъ и устремихъся умомъ поитти на Русь. И внидохъ же в таву, и зговорихъ о налонѣ корабленемъ, а отъ своеа главы два златыхъ до Гѣрмыза града дати. Внидохъ же в корабль изъ Давыля града до Велика дни за три мѣсяцы бесерменьскаго говѣйна.

Идохъ же в тавѣ по морю мѣсяць, а не видѣхъ ничего. На другий же мѣсяць увидѣхъ горы Ефиопскыя, тѣ же людие вси воскричаша: Олло переводигер, олло конъкар, визимъ ваши мѣдна насинь больмышьти, а по-русскимъ языкомъ молвятъ: Боже осподарю, Боже, Боже вышний, царю небесный, здѣ намъ сѣдилъ еси погнѣнѣти!

В той же землѣ Ефиопской выхъ пять дни. Божию благодатию зло ся не учинило. Много раздаша брынцу, да перцу, да хлѣбвы ефиопомъ, ини сѣдна не погравили.

А оттүдова же идох 12 дни до Мошката. В Мошкате же шестой Велик день взял. И поидох до Гүрмыза 9 дни, и в Гүрмызе бых 20 дни. Из Гүрмыза поидох к Лари, и в Лари бых три дни. Из Лари поидох к Ширязи 12 дни, а в Ширязе бых 7 дни. И из Ширяза поидох к Бергү 15 дни, а в Велергү бых 10 дни. А из Бергү поидох къ Ёзди 9 дни, а въ Ёзди бых 8 дни. А изъ Ёзди поидох къ Спагани 5 дни, а въ Спагани 6 дни. А ис Пагани поидох Кашини, а в Кашини бых 5 дни. А ис Кашина поидох к Күмү, а ис Күма поидох в Савү. А из Сава поидох к Сүлтаню, а из Сүлтаня поидох до Тервизя, а ис Тервиза поидох в орѣдү Асанѣгъ. В орѣѣ же бых 10 дни, ано пүти нѣт никүды. А на түрскаго послал рати двора своего 40 тысяч. Ини Севастъ взяли, а Тохатъ взяли да пожгли, Амасию взяли, и много пограбили сел, да пошли на караманского воюючи.

И яз из орды пошел ко Арцыцанү, а из Орцыцана пошел есми в Трепизон.

В Трепизон же приидох на Покров святыя Богородица и приснодѣвы Мариа, и бых же въ Трапизоне 5 дни. И на коравль приидох и сговорил о налонѣ - дати золотой от своего главы до Кафы; а золотой есми взял на харчь, а дати в Кафѣ.

А в Трапизоне ми же шүбаш да паша много зла учиниша. Хлам мой весь к себѣ възнесли в город на горү, да обыскали все а что мѣлочь добренкая, ини выграбили все. А обыскивают грамот, что есми пришел из орды Асанбега.

Божнею милостию приидох до третьяго моря Чернаго, а парсийскимъ языкомъ дорня Стимвольскаа. Идох же по морю вѣтром 10 дни, доидох до Вонады, и тү нас срѣтили великий вѣтръ полунощный, възврати нас къ Трапизонү, и стояли есмя в Платанѣ 15 дней, вѣтрү великү и злү бывшү. Ис Платаны есмя пошли на море двжды, и вѣтръ нас стрѣчает злый, не дастъ нам по морю ходити. Олло акъ, олло хүдо переводигерь! Развие бо того иного Бога не знаю.

И море же проидохъ, да занесе насъ със къ Баликаеѣ, а оттүдова к Токорзовү, и тү стояли есмя 5 дни. Божнею милостию приидох в Кафү за 9 дни до Филипова заговѣнна. Олло переводигерь!

Милостию Божнею преидох же три моря. Дигерь хүдо доно, олло переводигерь дано. Аминь! Смилна рахамм рагим. Олло акъвирь, акши хүдо, илелло акшь ходо. Иса рүхоало, ааликъсолом. Олло акъверь. А иляганля илелло. Олло переводигерь. Ахамдү лилло, шүкүр хүдо афатад. Бисмилнаги размам ррагим. Хүво могү лези, ля лясанльля гүя алимүль гяйби ва шагадити. Хүя рахаманү рагимү, хүво могү лязи. Ля иляга иль ляхүя. Альмелнкү, алакүдосү, асаломү, альмүминү, альмүгаминү, альазизү, алчебарү, альмүтаканъбирү, алхаликү, альбарниюү, альмүсавирю, алькафарү, алькалъхарү, альвазахү, альрязаку, альфатагү, альалимү, алькабизү, альбасүтү, альхафизү, алльравню, алмавизү, алмүзилю, альсемилю, албасирю, альакамү, альадюлю, алятүфү.

Источник: <http://lib.pushkinskijdom.ru/default.aspx?tabid=5068>

8. ПАМЯТНИКИ XVII – XVIII вв.

8.1. Житие протопопа Аввакума, им самим написанное

По благословению отца моего старца Епифания писано моею рукою грешною протопопа Аввакума, и аще что реченно просто, и вы, господа ради, чтущии и слышашии, не позазрите просторечию нашему, понеже люблю свой русской природной язык, виршами философскими не обык речи красить, понеже не словес красных бог слушает, но дел наших хочет. И Павел пишет: «аще языки человеческими глаголю и ангельскими, любви же не имам, – ничто же есмь». Вот что много рассуждать: не латинским языком, ни греческим, ни еврейским, ниже иным коим ищет от нас говоры господь, но любви с прочими добродетельми хочет; того ради я и не брегу о красноречии и не уничижаю своего языка русскаго, но простите же меня, грешнаго, а вас всех, рабов Христовых, бог простит и благословит. Аминь.

Всесвятая троице, боже и содетелю всего мира! поспеши и направи сердце мое начати с разумом и кончати дела благими, яже ныне хошу глаголати аз недостойный; разумея же свое невежество, припадая, молю ти ся и еже от тебя помощи прося: управи ум мой и утверди сердце мое приготовитися на творение добрых дел, да, добрыми делы просвещен, на судище десныя ти страны причастник буду со всеми избранными твоими. И ныне, владыко, благослови, да, воздохнув от сердца, и языком возглаголю Дионисия Ареопагита о божественных именовех, что есть богу присносущные имена истинные, еже есть близостные, и что виновные, сиречь похвальные. Сия суть сущие: сый, свет, истина, живот; только четыре свойственных, а виновных много; сия суть: господь, вседержитель, непостижим, неприступен, трисиянен, триипостасен, царь славы, непостоянен, огонь, дух, бог, и прочая по тому разумевай.

Того ж Дионисия о истине: себе бо отвержение истины испадение есть, истина бо сущее есть; аще бо истина сущее есть, истины испадение сущаго отвержение есть; от сущаго же бог испасти не может, и еже не быти – несть.

Мы же речем: потеряли новолубцы существо божие испадением от истиннаго господа, святаго и животворящаго духа. По Дионисию: коли уж истины испали, тут и сущаго отверглися. Бог же от существа своего испасти не может, и еже не быти, несть того в нем: присносущен истинный бог наш. Лучше бы им в Символе веры не глаголати господа, виновнаго имени, а нежели истиннаго отсекати, в нем же существо божие содержится. Мы же, правовернии, обоя имена исповедаем: и в духа святаго, господа, истиннаго и животворящаго, света нашего, веруем, со отцем и сыном поклоняемаго, за него же стражем и умираем, помощию его владычню. Тешит нас Дионисий Ареопагит, в книге ево сице пишет: сей убо есть воистину истинный христианин, зане истиною разумев Христа и тем благоразумие стяжав, исступив убо себе, не сый в мирском их нраве и прелести, себя же вестъ трезвящися и измененна всякаго прелестнаго неверия, не токмо даже до смерти бедствующе истины ради, но и неведением скончевающися всегда, разумом же живуще, и християне суть свидетельствуемы. Сей Дионисий научен вере

Христове от Павла апостола, живый во Афинех, прежде, даже не прийти в веру Христову, хитрость имый исчитати беги небесныя; егда ж верова Христови, вся сия вмених быти яко уметы. К Тимофею пишет в книге своей, сице глаголя: «дитя, али не разумеешь, яко вся сия внешняя блядь ничто же суть, но токмо прелесть и тля и пагуба? аз проидох делом и ничто ж обретох, но токмо тщету». Чтый да разумеет. Исчитати беги небесныя любят погибающии, понеже любви истинныя не прияша, воеже спастися им; и сего ради послет им бог действие льсти, воеже веровата им лжи, да суд примут не веровавшии истине, но благоволиша о неправде. (Чти Апостол, 275.)

Сей Дионисий, еще не приидох в веру Христову, со учеником своим во время распятия господня быв в солнечном граде и виде: солнце во тьму преложися и луна в кровь, звезды в полудне на небеси явились черным видом. Он же ко ученику глаголя: «или кончина веку прииде, или бог слово плотию стражет»; понеже не по обычаю тварь виде изменену: и сего ради бысть в недоумении. Той же Дионисий пишет о солнечном знамении, когда затмится: есть на небеси пять звезд заблудных, еже именуются луны. Сии луны бог положил не в пределах, яко ж и прочии звезды, но обтекают по всему небу, знамение творя или во гнев или в милость, по обычаю текуще. Егда заблудная звезда, еже есть луна, подтечет под солнце от запада и закроет свет солнечный, то солнечное затмение за гнев божий к людям бывает. Егда ж бывает, от востока луна подтекает, то по обычаю шествие творяще закрывает солнце.

А в нашей России бысть знамение: солнце затмилось в 162 году, пред мором за месяц или меньше. Плыл Волгою рекою архиепископ Симеон перед Петровым днем недели за две; часа с три плачючи у берега стояли; солнце померче, от запада луна подтекала. По Дионисию, являя бог гнев свой к людям: в то время Никон отступник веру казил и законы церковныя, и сего ради бог изливал фиал гнева ярости своя на русскую землю; зело мор велик был, неколи еще забыть, вси помним. Потом, минув годов с четырнадцать, вдругорядь солнцу затмение было; в Петров пост, в пяток, в час шестый, тьма бысть; солнце померче, луна подтекала от запада же, гнев божий являя, и протопопа Аввакума, беднова горемыку, в то время с прочими остригли в соборной церкви власти и на Угреше в темницу, проклинав, бросили. Верный разумеет, что делается в земли нашей за нестроение церковное. Говорить о том полно; в день века познано будет всеми; потерпим до тех мест.

Той же Дионисий пишет о знамении солнца, како бысть при Иусе Наввине во Израили. Егда Иус секий иноплеменники, и бысть солнце противо Гаваона, еже есть на полднях, ста Иус крестообразно, сиречь распростре руке свои, и ста солнечное течение, дондеже враги погуби. Возвратилося солнце к востоку, сиречь назад отбежало, и паки потече, и бысть во дни том и в нощи тридесять четыре часа, понеже в десятый час отбежало; так в сутках десять часов прибыло. И при Езекии царе бысть знамение: оттече солнце вспять во вторый на десять час дня, и бысть во дни и в нощи тридесять шесть часов. Чти книгу Дионисиеву, там пространно уразумеешь.

Он же Дионисий пишет о небесных силах, росписует, возвещая, како хвалу приносят богу, разделяя девять чинов на три тройцы. Престоли, херувими и

серафими освящение от бога приемлют и сице восклицают: благословенна слава от места господня! И чрез их преходит освящение на вторую тройцу, еже есть господства, начала, власти; сия тройца, славословя бога, восклицают: аллилуия, аллилуия, аллилуия! По алфавиту, аль отцу, иль сыну, уия духу святому. Григорий Нисский толкует: аллилуия – хвала богу; а Василий Великий пишет: аллилуия – ангельская речь, человечески рещи – слава тебе, боже! До Василия пояху во церкви ангельския речи: аллилуия, аллилуия, аллилуия! Егда же бысть Василий, и повеле пети две ангельския речи, а третьюю, человеческую, сице: аллилуия, аллилуия, слава тебе, боже! У святых согласно, у Дионисия и у Василия; трижды воспевающе, со ангелы славим бога, а не четыржи, по римской бляди; мерзко богу четверичное воспевание сицевое: аллилуия, аллилуия, аллилуия, слава тебе, боже! Да будет проклят сице поюще. Паки на первое возвратимся. Третьяя тройца, силы, архангелы, ангелы, чрез среднюю тройцу освящение приемля, поют: свят, свят, свят господь Саваоф, исполнь небо и земля славы его! Зри: тричисленно и сие воспевание. Пространно пречистая богородица протолковала о аллилуии, явилася ученику Ефросина Псковскаго, именем Василию. Велика во аллилуии хвала богу, а от зломудрствующих досада велика, – по-римски святую тройцу в четверицу глаголют, духу и от сына исхождение являют; зло и проклято се мудрование богом и святыми. Правоверных избави боже сего начинания злаго, о Христе Иисусе, госпде нашем, ему же слава ныне и присно и во веки веком. Аминь.

Афанасий великий рече: иже хочет спастися, прежде всех подобает ему держати кафолическая вера, ея же аще кто целы и непорочны не соблюдает, кроме всякаго недоумения, во веки погибнет. Вера ж кафолическая сия есть, да единого бога в тройце и тройцу во единице почитаем, ниже сливающе составы, ниже разделяюще существо; ин бо есть состав отечь, ин – сыновень, ин – святаго духа; но отчее, и сыновнее, и святаго духа едино божество, равна слава, соприусно величество; яков отец, таков сын, таков и дух святой; вечен отец, вечен сын, вечен и дух святой; не создан отец, не создан сын, не создан и дух святой; бог отец, бог сын, бог и дух святой не три бози, но един бог; не три несозданныи, но един несозданный, един вечный. Подобне: вседержитель отец, вседержитель сын, вседержитель и дух святой. Равне: непостижим отец, непостижим сын, непостижим и дух святой. Обаче не три вседержители, но един вседержитель; не три непостижимии, но един непостижимый, един пресущный. И в сей святей тройце ничтоже первое или последнее, ничтоже более или менее, но целы три составы и соприусноусны суть себе и равны. Особно бо есть отцу нерождение, сыну же рождение, а духу святому исхождение: обще же им божество и царство. (Нужно бо есть побеседовати и о вочеловечении бога-слова к вашему спасению.) За благость щедрот излия себе от отеческих недр сын-слово божие в деву чисту богоотроковицу, егда время наставало, и воплотився от духа свята и Марии девы вочеловечився, нас ради пострадал, и воскрес в третий день, и на небо вознесся, и седе одесную величества на высоких и хочет паки прийти судити и воздати комуждо по делом его, его же царствию несть конца, И сие смотрение в бозе бысть прежде, даже не создатися Адаму, прежде, даже не вообразитися. (Совет отечь.) Рече

отец сынови: сотворим человека по образу нашему и по подобию. И отвеща другий: сотворим, отче, и преступит бо. И паки рече: о едиnorodный мой! о свете мой! о сыне и слове! о сияние славы моея! аще промышляеши созданием своим, подобает ти облещися в тлимаго человека, подобает ти по земли ходити, плоть восприяти, пострадати и вся совершити. И отвеща другий: буди, отче, воля твоя. И посем создася Адам. Аще хощещи пространно разумети, чти Маргарит: Слово о вочеловечении; тамо обрящещи. Аз кратко помянул, смотрение показуя. Сиче всяк веруай в онь не постыдится, а не веруай осужден будет и во веки погибнет, по вышереченному Афанасию. Сиче аз, протопоп Аввакум, верую, сиче исповедаю, с сим живу и умираю.

Рождение же мое в нижегородских пределах, за Кудмою рекою, в селе Григорове. Отец ми бысть священник Петр, мати – Мария, инока Марфа. Отец же мой прилежаше пития хмельнова; мати же моя постница и молитвенница бысть, всегда учаше мя страху божию. Аз же некогда видево у соседа скотину умершу, и той ноци, восставше, пред образом плакався довольно о душе своей, поминая смерть, яко и мне умереть; и с тех мест обыкох по вся ноци молитися. Потом мати моя овдовела, а я осиротел молод и от своих соплеменник во изгнании быхом. Изволила мати меня женить. Аз же пресвятей богородице молихся, да даст ми жену помощницу ко спасению. И в том же селе девица, сиротина ж, беспрестанно обыкла ходить во церковь, – имя ей Анастасия. Отец ея был кузнец, именем Марко, богат гораздо; а егда умре, после ево вся истошилось. Она же в скудости живяше и моляшеся богу, да же сочетается за меня совокуплением брачным; и бысть по воли божию тако. Посем мати моя отыде к богу в подвизе велице. Аз же от изгнания переселихся во ино место. Рукоположен во диаконы двадесяти лет с годом, и по дву летех в попы поставлен; живый в попех осмь лет, и потом совершен в протопопы православными епископы, – тому двадесеть лет минуло; и всего тридесять лет, как имею священство.

А егда в попах был, тогда имел у себя детей духовных много, – по се время сот с пять или с шесть будет. Не почивая, аз, грешный, прилежа во церквах, и в домех, и на распутьях, по градом и селам, еще же и в царствующем граде и во стране сибирской проповедуя и уча слову божию, – годов будет тому с полтретьятцеть.

Егда еще был в попех, прииде ко мне исповедатися девица, многими грехми обремененна, блудному делу и малакии всякой повинна; нача мне, плакавшеся, подробну возвещати во церкви, пред Евангелием стоя. Аз же, треокаянный врач, сам разболелся, внутрь жгом огнем блудным, и горько мне бысть в той час: зажег три свечи и прилепил к налою, и возложил руку правую на пламя, и держал, дондеже во мне угасло злое разжение, и, отпустя девицу, сложя ризы, помоляся, пошел в дом свой зело скорбен. Время же, яко полнощи, и пришед во свою избу, плакався пред образом господним, яко и очи опухли, и моляся прилежно, да же отлучит мя бог от детей духовных, понеже бремя тяжко, неудобь носимо. И падох на землю на лица своем, рыдаше горце и забыхся, лежа; не вем, как плачю; а очи сердечнии при реке Волге. Вижу: пловут стройно два корабля златы, и весла на них златы, и шесты златы, и все

злато; по единому кормщику на них сидельцов. И я спросил: «чье корабли?» И они отвечали: «Лукин и Лаврентиев». Сии быша ми духовныя дети, меня и дом мой наставили на путь спасения и скончались богоугодне. А се потом вижу третьей корабль, не златом украшен, но разными пестротами, –красно, и бело, и сине, и черно, и пепелесо, –его же ум человекъ не вмести красоты его и доброты; юноша светел, на корме сидя, правит; бежит ко мне из-за Волги, яко пожрати мя хочет. И я вскричал: «чей корабль?» И сидяй на нем отвечал: «твой корабль! на, плавай на нем с женою и детьми, коли докучаешь!» И я вострепетях и седше рассуждаю: что се видимое? и что будет плавание?

А се по мале времени, по писанному, «объяша мя болезни смертныя, беды адовы обретоша мя: скорбь и болезнь обретох». У вдовы начальник отнял дочь, и аз молих его, да же сиротину возвратит к матери, и он, презрев моление наше, и воздвиг на мя бурю, и у церкви, пришед сонмом, до смерти меня задавили. И аз лежа мертв полчася и больша, и паки оживе божиим мановением. И он, устрашася, отступился мне девицы. Потом научил ево дьявол: пришед во церковь, бил и волочил меня за ноги по земле в ризах, а я молитву говорю в то время.

Таже ин начальник, во ино время, на мя рассвирепел, – прибежал ко мне в дом, бив меня, и у руки отгрыз персты, яко пес, зубами. И егда наполнилась гортань ево крови, тогда руку мою испустил из зубов своих и, покиня меня, пошел в дом свой. Аз же, поблагодаря бога, завертев руку платом, пошел к вечерне. И егда шел путем, наскочил на меня он же паки со двумя малыми пищальми и, близ меня быв, запалил из пистолы, и божиею волею иа полке порох пыхнул, а пищаль не стрелила. Он же бросил ея на землю и из другия паки запалил так же, – и та пищаль не стрелила. Аз же прилежно, идучи, молюсь богу, единою рукою осенил ево и поклонился ему. Он меня лает, а ему рекл: «благодать во устнех твоих, Иван Родионович, да будет!» Посем двор у меня отнял, а меня выбил, всего ограбя, и на дорогу хлеба не дал.

В то же время родился сын мой Прокопей, которой сидит с матерью в земле закопан. Аз же, взяв клюшку, а мати – некрещенова младенца, побрели, амо же бог наставит, и на пути крестили, яко же Филипп каженика древле. Егда ж аз прибрел к Москве, к духовнику протопопу Стефану и к Неронову протопопу Ивану, они же обо мне царю известиша, и государь меня почал с тех мест знати. Отцы же с грамотою паки послали меня на старое место, и я притащился – ано и стены разорены моих храмин. И я паки позавелся, а дьявол и паки воздвиг на меня бурю. Придоша в село мое плясовые медведи с бубнами и с домрами, и я, грешник, по Христе ревнуя, изгнал их, и ухари и бубны изломал на поле един у многих и медведей двух великих отнял, – одново ушиб, и паки ожил, а другова отпустил в поле. И за сие меня Василей Петрович Шереметев, пловучи Волгою в Казань на воеводство, взяв на судно и браня много, велел благословить сына своего Матфея бритобрадца. Аз же не благословил, но от писания ево и порицал, видя блудолюбный образ. Боярин же, гораздо осердясь, велел меня бросить в Волгу и, много томя, протолкали. А опосле учинились добры до меня: у царя на сенях со мною прощались; а брату

моему меньшому боярню Васильева и дочь духовная была. Так-то бог строит своя люди.

На первое возвратимся. Таже ин начальник на мя расвирипел: приехав с людьми ко двору моему, стрелял из луков и из пищалей с приступом. А аз в то время, запершися, молился с воплем ко владыке: «господи, укроти ево и примири, ими же веси судьбами!» И побежал от двора, гоним святым духом. Таже в ночь ту прибежали от него и зовут меня со многими слезами: «батюшко-государь! Евфимей Стефановичь при кончине и кричит неудобно, бьет себя и охает, а сам говорит: дайте мне батька Аввакума! за него бог меня наказует!» И я чаял, меня обманывают; ужасея дух мой во мне. А се помолил бога сице: «ты, господи, изведый мя из чрева матере моея, и от небытия в бытие мя устроил! Аще меня задушат, и ты причти мя с Филиппом, митрополитом московским; аще зарежут, и ты причти мя с Захариєю пророком; а буде в воду посадят, и ты, яко Стефана пермсаго, освободишь мя!» И моляся, поехал в дом к нему, Евфимию. Егда ж привезоша мя на двор, выбежала жена ево Неонила и ухватала меня под руку, а сама говорит: «поди-тко, государь наш батюшко, поди-тко, свет наш кормилец!» И я сопротив того: «чюдно! давеча был блядин сын, а топерва – батюшко! Большо у Христа тово остра шелепуга та: скоро повинился муж твой!» Ввела меня в горницу. Вскочил с перины Евфимей, пал пред ногама моима, вопит неизреченно: «прости, государь, согрешил пред богом и пред тобою!» А сам дрожит весь. И я ему сопротив: «хощеши ли впредь цел быти?» Он же, лежа, отвеща: «ей, честный отче!» И я рек: «востани! бог простит тя!» Он же, наказан гораздо, не мог сам востати. И я поднял и положил его на постелю, и исповедал, и маслом священным помазал, и бысть здрав. Так Христос изволил. И наутро отпустил меня честно в дом мой, и с женою быша ми дети духовныя, изрядныя раби Христовы. Так-то господь гордым противится, смиренным же дает благодать.

Помале паки инии изгнаша мя от места того вдругоряд. Аз же сволокся к Москве, и божиею волею государь меня велел в протопопы поставить в Юрьевец-Повольской. И тут пожил немного, – только осмь недель: дьявол научил попов, и мужиков, и баб, – пришли к патриархову приказу, где я дела духовныя делал, и, вытаща меня из приказа собранием, – человек с тысящу и с полторы их было, – среди улицы били батожем и топтали; и бабы были с рычагами. Грех ради моих, замертва убили и бросили под избной угол. Воевода с пушкарями прибежали и, ухватя меня, на лошади умчали в мое дворишко; и пушкарей воевода около двора поставил. Людие же ко двору приступают, и по граду молва велика. Наипаче же попы и бабы, которых унимал от блудни, вопят: «убить вора, блядина сына, да и тело собакам в ров кинем!» Аз же, отдохня, в третей день ночью, покиня жену и дети, по Волге сам-третей ушел к Москве. На Кострому прибежал, – ано и тут протопопа ж Даниила изгнали. Ох, горе! везде от дьявола житья нет! Прибрел к Москве, духовнику Стефану показался; и он на меня учинился печален: на што-де церковь соборную покинул? Опять мне другое горе! Царь пришел к духовнику благословитца ночью; меня увидел тут; опять кручина: на што-де город покинул? – А жена, и

дети, и домочадцы, человек с двадцать, в Юрьевце остались: неведомо – живы, неведомо – прибиты! Тут паки горе

Посем Никон, друг наш, привез из Соловков Филиппа митрополита. А прежде ево приезде Стефан духовник, моля бога и постясь седмицу с братьею, – и я с ними тут же, – о патриархе, да же даст бог пастыря ко спасению душ наших, и с митрополитом казанским Корнилием, написав челобитную за руками, подали царю и царице – о духовнике Стефане, чтоб ему быть в патриархах. Он же не восхотел сам и указал на Никона митрополита. Царь ево и послушал, и пишет к нему послание навстречу: преосвященному митрополиту Никону новгородскому и великолукскому и всея Руси радоватися, и прочая. Егда ж приехал, с нами яко лис: челом да здорово. Ведает, что быть ему в патриархах, и чтобы откуля помешка какова не учинилась. Много о тех кознях говорить! Егда поставили патриархом, так друзей не стал и в крестовую пускать. А се и яд отрыгнул; в пост великой прислал память к Казанской к Неронову Ивану. А мне отец духовной был; я у него все и жил в церкви: егда куды отлучится, ино я ведаю церковь. И к месту, говорили, на дворец к Спасу, на Силено покойника место; да бог не изволил. А се и у меня радение худо было. Любо мне, у Казанские тое держался, чел народу книги. Много людей приходило. – В памяти Никон пишет: «Год и число. По преданию святых апостол и святых отец, не подобает во церкви метания творити на колену, но в пояс бы вам творити поклоны, еще же и трема персты бы есте крестились». Мы же задумалися, сошедшеся между собою; видим, яко зима хочет быти; сердце озябло, и ноги задрожали. Неронов мне приказал церковь, а сам един скрылся в Чюдов, – седмицу в полатке молился. И там ему от образа глас бысть во время молитвы: «время приспе страдания, подобает вам неослабно страдати!» Он же мне плачючи сказал; таже коломенскому епископу Павлу, его же Никон напоследок огнем сжег в новгородских пределех; потом – Данилу, костромскому протопопу; таже сказал и всей братье. Мы же с Данилом, написав из книг выписки о сложении перст и о поклонех, и подали государю; много писано было; он же, не вем где, скрыл их; мнитмися, Никону отдал.

После тово вскоре схватав Никон Даниила в монастыре за Тверскими вороты, при царе остриг голову и, содрав однарядку, ругая, отвел в Чюдов в хлебню и, муча много, сослал в Астрахань. Венец тернов на главу ему там возложили в земляной тюрьме и уморили. После Данилова стрижения взяли другова, темниковскаго Даниила ж протопопа, и посадили в монастыре у Спаса на Новом. Таже протопопа Неронова Ивана – в церкви скуфью снял и посадил в Симанове монастыре, опосле сослал на Вологду, в Спасов Каменной монастырь, потом в Колской острог. А напоследок, по многом страдании, изнемог бедной, – принял три перста, да так и умер. Ох, горе! всяк мняйся стоя, да блюдется, да ся не падет. Люто время, по реченному господем, аще возможно духу антихристову прельстити избранныя. Зело надобно крепко молитися богу, да спасет и помилует нас, яко благ и человеколюбец.

Таже меня взяли от всенощнаго Борис Нелединской со стрельцами; человек со мною с шестьдесят взяли: их в тюрьму отвели, а меня на патриархове дворе на чепь посадили ночью. Егда ж россветало в день

недельный, посадили меня на телегу, и ростянули руки, и везли от патриархова двора до Андроньева монастыря и тут на чеши кинули в темную полатку, ушла в землю, и сидел три дни, ни ел, ни пил; во тьме сидя, кланялся на чеши, не знаю – на восток, не знаю – на запад. Никто ко мне не приходил, токмо мыши, и тараканы, и сверчки кричат, и блох довольно. Бысть же я в третий день приалчен, – сиречь есть захотел, – и после вечерни ста предо мною, не вем-ангел, не вем-человек, и по се время не знаю, токмо в потемках молитву сотворил и, взяв меня за плечо, с чешью к лавке привел и посадил и ложку в руки дал и хлеба немножко и штец похлебать, – зело прикусны, хороши! – и рекл мне: «полно, довлеет ти ко укреплению!» Да и не стало ево. Двери не отворялись, а ево не стало! Дивно только – человек; а что ж ангел? ино нечему дивитца – везде ему не загорожено. На утро архимарит с братьею пришли и вывели меня; журят мне, что патриарху не покорился, а я от писания ево браню да лаю. Сняли большую чешь да малую наложили. Отдали чернцу под начал, велели волочить в церковь. У церкви за волосы дерут, и под бока толкают, и за чешь торгают, и в глаза плюют. Бог их простит в сий век и в будущий: не их то дело, но сатаны лукаваго. Сидел тут я четыре недели.

В то время после меня взяли Логгина, протопопы муромскаго: в соборной церкви, при царе, остриг в обедню. Во время переноса снял патриарх со главы у архидьякона дискос и поставил на престол с телом Христовым; а с чашею архимарит чудовской Ферапонт вне олтаря, при дверех царских стоял. Увы рассечения тела Христова, пуши жидовскаго действия! Остригше, содрали с него однарядку и кафтан. Логгин же разжегся ревностию божественнаго огня, Никона порицая, и чрез порог в олтарь в глаза Никону плевал; распоясався, схватя с себя рубашку, в олтарь в глаза Никону бросил; чудно, растопоряся рубашка и покрыла на престоле дискос, быдто воздух. А в то время и царица в церкви была. На Логгина возложили чешь и, таща из церкви, били метлами и шелепами до Богоявленскаго монастыря и кинули в полатку нагова, и стрельцов на карауле поставили накрепко стоять. Ему ж бог в ту ночь дал шубу новую да шапку; и на утро Никону сказали, и он, россмеявся, говорит: «знаю-су я пустосвятов тех!» – и шапку у него отнял, а шубу ему оставил.

Посем паки меня из монастыря водили пешева на патриархов двор, также руки ростяня, и, стяжався много со мною, паки также отвели. Таже в Никитин день ход со кресты, а меня паки на телеге везли против крестов. И привезли к соборной церкви стричь и держали в обедню на пороге долго. Государь с места сошел и, приступя к патриарху, упросил. Не стригше, отвели в Сибирской приказ и отдали дьяку Третьяку Башмаку, что ныне стражет же по Христе, старец Саватей, сидит на Новом, в земляной же тюрьме. Спаси ево, господи! и тогда мне делал добро.

Таже послали меня в Сибирь с женою и детьми. И колико дорогою нужды бысть, тово всево много говорить, разве малая часть помянуть. Протопопица младенца родила; больную в телеге и повезли до Тобольска; три тысячи верст недель с тринадцать волокли телегами и водою и саньми половину пути.

Архиепископ в Тобольске к месту устроил меня. Тут у церкви великия беды постигоша меня: в полтора годы пять слов государевых сказывали на

меня, и един некто, архиепископ двора дьяк Иван Струна, тот и душею моею потряс. Съехал архиепископ к Москве, а он без него, дьявольским научением, напал на меня: церкви моя дьяка Антония мучить напрасно захотел. Он же Антон утече у него и прибежал во церковь ко мне. Той же Струна Иван, собрався с людьми, во ин день прииде ко мне в церковь, – а я вечерню пою, – и вскочил в церковь, ухватил Антона на крылосе за бороду. А я в то время двери церковныя затворил и замкнул и никою не пустил, – один он Струна в церкви вертится, что бес. И я, покиня вечерню, с Антоном посадил ево среди церкви на полу и за церковный мятеж постегал ево ремнем нарочито-таки; а прочии, человек с двадцать, вси побегоша, гоними духом святым. И покаяние от Струны приняв, паки отпустил ево к себе. Сродницы же Струнины, попы и чернцы, весь возмутили град, да како меня погубят. И в полунощи привезли сани ко двору моему, ломилися в ызбу, хотя меня взять и в воду свести. И Божиим страхом отгнани быша и побегоша вспять. Мучился я с месяц, от них бегаючи втай; иное в церкви начую, иное к воеводе уйду, а иное в тюрьму просился, – ино не пустят. Провожал меня много Матфей Ломков, иже и Митрофан именуем в чернцах, – опосле на Москве у Павла митрополита ризничим был, в соборной церкви с дьяконом Афонасьем меня стриг; тогда добр был, а ныне дьявол ево поглотил. Потом приехал архиепископ с Москвы и правильною виною ево, Струну, на чепь посадил за сие: некий человек с дочерью кровосмешение сотворил, а он, Струна, полтину взяв и, не наказав мужика, отпустил. И владыко ево сковать приказал и мое дело тут же помянул. Он же, Струна, ушел к воеводам в приказ и сказал «слово и дело государево» на меня. Воеводы отдали ево сыну боярскому лучшему, Петру Бекетову, за пристав. Увы, погибель на двор Петру пришла. Еще же и душе моей горе тут есть. Подумав архиепископ со мною, по правилам за вину кровосмешения стал Струну проклинать в неделю православия в церкви большой. Той же Бекетов Петр, пришед в церковь, браня архиепископа и меня, и в той час из церкви пошед, взбесился, ко двору своему идучи, и умре горькою смертию зле. И мы со владыкою приказали тело ево среди улицы собакам бросить, да же граждане оплачут согрешение его. А сами три дни прилежне стужали божеству, да же в день века отпустится ему. Жалея Струны, такову себе пагубу приял. И по трех днех владыка и мы сами честне тело его погребли. Полно тово плачевнова дела говорить.

Посем указ пришел: велено меня из Тобольска на Лену вести за сие, что браню от писания и укоряю ересь Никонову. В та же времена пришла ко мне с Москвы грамотка. Два брата жили у царицы вверху, а оба умерли в мор с женами и с детьми; и многия друзья и сродники померли. Излиял бог на царство фиял гнева своего! Да не узнались горюны однако, – церковью мятут. Говорил тогда и сказывал Неронов царю три пагубы за церковный раскол: мор, меч, разделение; то и сбылось во дни наша ныне. Но милостив господь: наказав, покаяния ради и помилует нас, прогнав болезни душ наших и телес, и тишину подаст. Уповаю и надеюся на Христа; ожидаю милосердия его и чаю воскресения мертвым.

Таже сел опять на корабль свой, еже и показан ми, что выше сего рекох, – поехал на Лену. А как приехал в Енисейской, другой указ пришел: велено в Дауры вести – двадцать тысяч и больши будет от Москвы. И отдали меня Афонасью Пашкову в полк, – людей с ним было 600 человек; и грех ради моих суров человек: беспрестанно людей жжет, и мучит, и бьет. И я ево много уговаривал, да и сам в руки попал. А с Москвы от Никона приказано ему мучить меня.

Егда поехали из Енисейска, как будем в большой Тунгузке реке, в воду загрузило бурею дощеник мой совсем: налился среди реки полон воды, и парус изорвало, – одны полубы над водою, а то все в воду ушло. Жена моя на полубы из воды робят кое-как вытаскала, простоволоса ходя. А я, на небо глядя, кричу: «господи, спаси! господи, помози!» И божию волею прибило к берегу нас. Много о том говорить! На другом дощенике двух человек сорвало, и утонули в воде. Посем, оправяся на берегу, и опять поехали вперед.

Егда приехали на Шаманской порог, на встречу приплыли люди иные к нам, а с ними две вдовы – одна лет в 60, а другая и больши; плуют пострищись в монастырь. А он, Пашков, стал их ворочать и хочет замуж отдать. И я ему стал говорить: «по правилам не подобает таковых замуж давать». И чем бы ему, послушав меня, и вдов отпустить, а он вздумал мучить меня, осердясь. На другом, Долгом пороге стал меня из дощеника выбивать: «для-де тебя дощеник худо идет! еретик-де ты! поди-де по горам, а с казаками не ходи!» О, горе стало! Горы высокия, дебри непроходимыя, утес каменной, яко стена стоит, и поглядеть – заломя голову! В горах тех обретаются змеи великие; в них же витают гуси и утицы – перие красное, вороны черные, а галки серые; в тех же горах орлы, и соколы, и кречаты, и курята индейские, и бабы, и лебеди, и иные дикие – многое множество, птицы разные. На тех горах гуляют звери многие дикие: козы, и олени, и зубри, и лоси, и кабаны, волки, бараны дикие – во очию нашу, а взять нельзя! На те горы выбивал меня Пашков, со зверьми, и со змиями, и со птицами витать. И аз ему малое писанейце написал, сиче начало: «Человече! убойся бога, сидящаго на херувимех и призирающаго в безны, его же трепещут небесныя силы и вся тварь со человеки, един ты презираешь и неудобство показуешь», –и прочая; там многонько писано; и послал к нему. А се бегут человек с пятьдесят: взяли мой дощеник и помчали к нему, – версты три от него стоял. Я казакам каши наварил да кормлю их; и они, бедные, и едят и дрожат, а иные, глядя, плачют на меня, жалеют по мне. Привели дощеник; взяли меня палачи, привели перед него. Он со шпагою стоит и дрожит; начал мне говорить: «поп ли ты или роспоп ?» И аз отвечал: «аз есмь Аввакум протопоп; говори: что тебе дело до меня?» Он же рыкнул, яко дивий зверь, и ударил меня по щоке, таже по другой и паки в голову, и сбил меня с ног и, чекан ухватя, лежачева по спине ударил трижды и, разболочки, по той же спине семьдесят два удара кнутом. А я говорю: «господи Иисусе Христе, сыне божий, помогай мне!» Да то ж, да то ж беспрестанно говорю. Так горько ему, что не говорю: «пощади!» Ко всякому удару молитву говорил, да осреди побой вскричал я к нему: «полно бить тово!» Так он велел перестать. И я промолыл ему: «за что ты меня бьешь? ведаешь ли?» И он паки велел бить по

бокам, и отпустили. Я задрожал, да и упал. И он велел меня в казенной дощеник оттащить: сковали руки и ноги и на беть кинули. Осень была, дождь на меня шел, всю ночь под капелию лежал. Как били, так не больно было с молитвою тою; а лежа, на ум взбрело: «за что ты, сыне божий, попустил меня ему таково больно убить тому? Я ведь за вдовы твои стал! Кто даст судию между мною и тобою? Когда воровал, и ты меня так не оскорблял, а ныне не вем, что согрешил!» Быдто добрый человек – другой фарисей с говенною рожею, – со владыкою судитца захотел! Аще Иев и говорил так, да он праведен, непорочен, а се и писания не разумел, вне закона, во стране варварстей, от твари бога познал. А я первое – грешен, второе – на законе почиваю и писанием отвсюду подкрепляем, яко многими скорбьми подобает нам внити во царство небесное, а на такое безумие пришел! Увы мне! Как дощеник-от в воду ту не погряз со мною? Стало у меня в те поры кости те щемить и жилы те тянуть, и сердце зашло, да и умирать стал. Воды мне в рот плеснули, так вздохнул да покаялся пред владыкою, и господь-свет милостив: не поминает наших беззаконий первых покаяния ради; и опять не стало ништо болеть.

Наутро кинули меня в лодку и напредь повезли. Егда приехали к порогу, к самому большому – Падуну, река о том месте шириною с версту, три залавка чрез всю реку зело круты, не воротами што поплывет, ино в щепы изломает, – меня привезли под порог. Сверху дождь и снег, а на мне на плеча накинута кафтанишко просто; льет вода по брюху и по спине, – нужно было гораздо. Из лодки вытаща, по каменью скована окол порога тащили. Грустко гораздо, да душе добро: не пеняю уж на бога вдругоряд. На ум пришли речи, пророком и апостолом реченные: «Сыне, не пренегай наказанием господним, ниже ослабей, от него обличаем. Его же любит бог, того наказует; бьет же всякаго сына, его же приемлет. Аще наказание терпите, тогда яко сыном обретается вам бог. Аже ли без наказания приобщаетеся ему, то выблядки, а не сынове есте». И сими речьми тешил себя.

Посем привезли в Брацкой острог и в тюрьму кинули, соломки дали. И сидел до Филиппова поста в студеной башне; там зима в те поры живет, да бог грел и без платья! Что собачка, в соломке лежу: коли накормят, коли нет, Мышей много было, я их скуфьею бил, – и батожка не дадут дурачки! Все на брюхе лежал: спина гнила. Блох да вшей было много. Хотел на Пашкова кричать: «прости!» – да сила божия возбранила, – велено терпеть. Перевел меня в теплую избу, и я тут с аманатами и с собаками жил скован зиму всю. А жена с детьми верст с двадцетъ была сослана от меня. Баба ея Ксения мучила зиму ту всю, – лаяла да укоряла. Сын Иван – невелик был – прибрел ко мне побывать после Христова рождества, и Пашков велел кинуть в студеную тюрьму, где я сидел: начевал милой и замерз было тут. И на утро опять велел к матери протолкать. Я ево и не видал. Приволокся к матери, – руки и ноги ознобил.

На весну паки поехали впреть. Запасу небольшое место осталось, а первой разграблен весь: и книги и одежда иная отнята была, а иное и осталось. На Байкалове море паки тонул. По Хилке по реке заставил меня лямку тянуть: зело нужен ход ею был – и поесть было неколи, нежели спать. Лето целое мучилися. От водяные тяготы люди изгибали, и у меня ноги и живот синь был. Два лета в

водах бродили, а зимами чрез волоки волочились. На том же Хилке в третье тонул. Барку от берегу оторвало водою, – людские стоят, а мою ухватило, да и понесло! Жена и дети остались на берегу, а меня сам-друг с кормщиком помчалю. Вода быстрая, переворачивает барку вверх боками и дном; а я на ней ползаю, а сам кричу: «владычице, помози! упование, не утопи!» Иное ноги в воде, а иное выползу наверх. Несло с версту и больши; да люди переняли. Все розмыло до крохи! Да што петь делать, коли Христос и пречистая богородица изволили так? Я, вышед из воды, смеюсь; а люди-то охают, платье мое по кустам развешивая, шубы отласные и тафтяные, и кое-какие безделицы тое много еще было в чемоданах да в суммах; все с тех мест перегнило – наги стали. А Пашков меня же хочет опять бить: «ты-де над собою делаешь за посмех!» И я паки свету-богородице докучать: «владычица, уйми дурака тово!» Так она-надежа уняла: стал по мне тужить.

Источники:

<http://drevne-rus-lit.niv.ru/drevne-rus-lit/text/zhitie-protopopa-avvakuma.htm>

<https://www.litmir.me/br/?b=105551>

8.2. Повесть о Горе-Злочастии

«Повесть о Горе и Злочастии» – памятник русской культуры и литературного языка середины XVII в.; в ней использованы речевые средства устно-поэтической традиции: употребление народнопоэтических слов, постоянных эпитетов, своеобразная расстановка слов в составе предложения, характер ритмики и рифмовки. Фрагменты текста даются по изданию: Симони П. Памятники старинного русского языка и словесности XV–XVIII столетий.

Повесть о горе и злочастии, как горе-злочастие довело молотца во иноческий чин

Изволением Господа Бога и Спаса нашего
Иисуса Христа вседержителя,
от начала века человеческого.
А в начале века сего тленного
сотворил небо и землю,
сотворил Бог Адама и Евву,
повелел им жити во святом раю,
дал им заповедь божественну:
не повелел вкушати плода виноградного
от едемского древа великаго.
Человеческое сердце несмысленно и
неуимчиво:
прелстился Адам со Еввою,
позабыли заповедь Божию,
вкусил плод виноградного
от дивного древа великаго;

и за преступление великое
Господь Бог на них разгневался,
и изгнал Бог Адама со Еввою,
из святого раю из едемского,
и вселил он их на землю, на нискую,
благословил их раститься, плодиться
и от своих трудов велел им сытым быть,
от земных плодов.

Учинил Бог заповедь законную:
велел он браком и женитбам быть
для рождения человеческого и для любимых
детей.

Ино зло племя человеческо:
вначале пошло непокорливо,
ко отцову учению зазорчиво,
к своей матери непокорливо
и к советному другу обманчиво.

А се роди пошли слабы, добр [е] убожливи,
а на безумие обратилися
и учили жить в суете и в [не] правде,
в ечерине великое,
а прямое смирение отринули.

И за то на них Господь Бог разгневался,
положил их в напасти великия,
попустил на них скорби великия,
и срамныя позоры немерныя,
безживотие злое, сопостатныя находы,
злую, немерную наготу и босоту,
и безконечную нищету, и недостатки последние,
все смиряючи нас, наказуя
и приводя нас на спасенный путь.

Тако рождение человеческое от отца и от матери.

Будет молодец уже в разуме, в беззлобии,
и возлюбили его отец и мать,
учить его учили, наказывать,
на добрыя дела наставлять:

«Милое ты наше чадо,
послушай учения родительскаго,
ты послушай пословицы
добрыя, и хитрыя, и мудрыя, –
не будет тебе нужды великия,
ты не будешь в бедности великой.

Не ходи, чадо, в пиры и в братчины,
не садися ты на место большее,
не пей, чадо, двух чар за едину!

Еще, чадо, не давай очам воли,
не прелщайся, чадо, на добрых красных жен,
отеческия дочери.
Не ложися, чадо, в место заточное,
не бойся мудра, бойся глупа,
чтобы глупыя на тя не подумали,
да не сняли бы с тебя драгих порт,
не доспели бы тебе позорства и стыда великаго
и племяни укору и поносу безделнаго!
Не ходи, чадо, х костарем и корчемникам,
не знайся, чадо, с головами кабацкими,
не дружися, чадо, с глупыми, не мудрыми,
не думай украсти-ограбити,
и обмануть-солгать и неправду учинить.
Не прелщайся, чадо, на золото, и серебро,
не збирай богатства неправаго,
не буди послух лжесвидетелству,
а зла не думай на отца и матерь
и на всякого человека,
да и тебе покрывает Бог от всякого зла.
Не бесчествуй, чадо, богата и убога,
и имей всех равно по единому.
А знайся, чадо, с мудрыми,
и [с] разумными водися,
и з други надежными дружися,
которыя бы тебя злу не доставили».
Молодец был в то время се мал и глуп,
не в полном разуме и несовершен разумом:
своему отцу стыдно покоритися
и матери поклонитися,
а хотел жити, как ему любо.
Наживал молодец пятьдесят рублей,
залез он себе пятьдесят друзей.
Честь его яко река текла;
друзомя к молотцу прибивалися,
[в] род-племя причиталися.
Еще у молотца был мил надежен друг –
назвался молотцу названой брат,
прелстил его речами прелесными,
завал его на кабацкой двор,
завел ево в ызбу кабацкую,
поднес ему чару зелена вина
и крушку поднес пива пьянова;
сам говорит таково слово:
«Испей ты братец мой названой,

в радость себе, и в веселие, и во здравие!
Испей чару зелена вина,
запей ты чашею меду сладково!
Хошь и упьешься, братец, допьяна,
ино где пил, тут и спать ложися.
Надейся, надейся на меня, брата названова, –
я сяду стеречь и досматривать!
В головах у тебя, мила друга,
я поставлю крушку ишему сладково,
вскрай поставлю зелено вино,
близ тебя поставлю пиво пьяное,
зберегу я, мил друг, тебя накрепко,
сведу я тебя ко отцу твоему и матери!»
В те поры молодец понадеяся
на своего брата названого, –
не хотелось ему друга послушатца;
принимался он за питя за пьяныя
и испивал чару зелена вина,
запивал он чашею меду слатково,
и пил он, молодец, пиво пьяное,
упился он без памяти
и где пил, тут и спать ложился:
понадеялся он на брата названого.
Как будет день уже до вечера,
а солнце на западе,
от сна молодец пробуждаецца,
в те поры молодец озираецца,
а что сняты с него драгие порты,
чиры и чулочки – все поснимано,
рубашка и портки – все слуплено,
и вся собина у его ограблена,
а кирпичек положен под буйну его голову,
он накинут гункою кабацкою,
в ногах у него лежат лапотки-отопочки,
в головах мила друга и близко нет.
И вставал молодец на белы ноги,
учал молодец наряжатися:
обувал он лапотки,
надевал он гунку кабацкую,
покрывал он свое тело белое,
умывал он лице свое белое;
стоя молодец закручинился,
сам говорит таково слово:
«Житие мне Бог дал великое, –
ясти, кушати стало нечево!

Как не стало денги, ни полуденги, —
так не стало ни друга, не полдруга:
род и племя отчитаются,
все дружи прочь отпираются».

Стало срамно молотцу появиться
к своему отцу и матери,
и к своему роду и племяни,
и к своим прежним милым другом.

Пошел он на чюжу страну, далну, незнаему,
нашел двор, что град стоит:
изба на дворе, что высок терем,
а в ызбе идет велик пир почестен,
гости пьют, ядят, потешаются.

Пришел молодец на честен пир,
крестил он лице свое белое,
поклонился чюдным образом,
бил челом он добрым людем
на все четыре стороны.

А что видят молотца люди добрые,
что горазд он крестится:
ведет он все по писанному учению, —
емлють его люди добрыя под руки,
посадили ево за дубовой стол,
не в болшее место, не в меньшее, —
садят ево в место среднее,
где седят дети гостиные.

Как будет пир на веселие,
и все на пиру гости пьяны-веселы,
и седя, все похваляютца.

Молодец на пиру невесел сedit,
кручиноват, скорбен, нерадостен:
а не пьет, ни ест он, ни тешитца —
и нечем на пиру не хвалитца.

Говорят молотцу люди добрыя:
«Что еси ты, добрый молодец,
зачем ты на пиру невесел седишь,
кручиноват, скорбен, нерадостен?
Ни пьешь ты, ни тешышься,
да ничем ты на пиру не хвалишься.

Чара ли зелена вина до тебя не дохаживала?
или место тебе не по отчине твоей?
или малые дети тебя избидили?
или глупыя люди немудрыя
чем тебе молотцу насмеялися?
или дети наши к тебе неласковы?»

Говорит им, сидя, доброй молодец:
«Государя вы, люди добрыя,
скажу я вам про свою нужду великую,
про свое послушание родительское
и про питье кабацкое,
про чашу медвяную
про лестное питье пьяное.
Яз как принялся за питье за пьяное,
ослушался яз отца своего и матери, —
благословение мне от них миновалось,
Господь Бог на меня разгневался
и на мою бедность великия,
многия скорби, неисцельныя,
и печали неутешныя,
скудность, и недостатки, и нищета последняя.
Укротила скудость мой речистой язык,
изсушила печаль мое лице и белое тело, —
ради того мое сердце невесело,
а белое лице уныливо,
и ясныя очи замутились, —
все имение и взоры у мене изменилися,
отечество мое потерялося,
храбрость молодецкая от мене миновалася.
Государя вы, люди добрыя,
скажите и научите, как мне жить
на чюжей стороне, в чюжих людех
и как завести мне милых друзей?»
Говорят молотцу люди добрыя:
«Доброй еси ты и разумный молодец,
не буди ты спесив на чюжей стороне,
покорися ты другу и недругу,
поклонися стару и молоду,
а чюжих ты дел не объявляй,
а что слышишь или видишь, не сказывай,
не лети ты межъ други и недруги,
не имей ты упатки вилавья,
не вейся змиєю лукавою,
смирение ко всем имей!
И ты с кротостию держися истинны с правдою, —
то тебе будет честь и хваля великая:
первое тебе люди отведают
и учнуть тя чтить и жаловать
за твою правду великую,
за твое смирение и за вежество,
и будут у тебя милые други,

названия братья надежныя!»
И отгуду пошел молодец на чюжу сторону
и учал он жити уменочи:
от великаго разума наживал он живота болше старова;
присмотрил невесту себе по обычаю –
захотелся молотцу жениться:
средил молодец честен пир
отечеством и вежеством,
любовным своим гостем и другом бил челом.
И по грехом молотцу,
и по Божию попущению,
а по действию диаволю
пред любовными своими гостями и друга
и названными браты похвалился,
а всегда гнило слово похвальное:
похвала живет человеку пагуба!
«Наживал-де я, молодец, живота болши старова!»
Подслушало Горе-Злочастье хвастанье молодецкое –
само говорит таково слово:
«Не хвались ты, молодец, своим счастьем,
не хвастай своим богатеством, –
бывали люди у меня, Горя,
и мудряя тебя и досужае, –
и я их, Горе, перемудрило:
учинися им злочастье великое:
до смерти со мною боролися,
во злом злочастьи позорилися –
не могли у меня, Горя, уехать –
а сами они во гроб вселилися,
от меня накрепко они землю накрылися,
босоты и наготы они избыли,
и я от них, Горе, миновалось,
а Злочастье на их в могиле осталось.
Еще възгряло, я, Горе, к иным привязалось,
а мне, Горю и Злочастью, не в пустеже жити –
хочю я, Горе, в людех жить
и батагом меня не выгонит [ь],
а гнездо мое и вотчина во бражниках!»
Говорит серо Горе горинское:
«Как бы мне молотцу появиться?»
Ино зло то Горе излукавилось,
во сне молотцу привидялось:
«Откажи ты, молодец, невесте своей любимой:
быть тебе от невесты истравлену,
еще быть тебе от тое жены удавлену,

из злата и сребра бысть убитому!
Ты пойдь, молодец, на царев кабак,
не жали ты, пропивай свои животы,
а скинь ты платье гостиное,
надежи ты на себя гунку кабацкую, —
кабаком по Горе избудетца,
да то злое Горе-Злочастие останетца:
за нагим то Горе не погонитца,
да никто к нагому не привяжетца,
а нагому, босому шумить разбой!»
Тому сну молодец не поверовал.
Ино зло то Горе излукавилось —
Горе архангелом Гавриилом молотцу
попрежнему еще вновь Злочастие привязалося:
«Али тебе, молодец, неведома
нагота и босота безмерная,
легота, беспроторица великая?
На себя что купить — то проторится,
а ты, удал молодец, и так живешь!
Да не бьют, не мучат нагих, босых,
и из раю нагих, босых не выгонят,
а с тово свету сюды не вытепут,
да никто к нему не привяжется —
а нагому, босому шумить разбой!»
Тому сну молодец он поверовал,
сошел он пропивать свои животы,
а скинул он платье гостиное,
надевал он гунку кабацкую,
покрывал он свое тело белое.
Стало молотцу срамно появиться
своим милым другом —
пошел молодец на чужу страну далну, незнаему.
На дороге пришла ему быстра река,
за рекою перевощики,
а просят у него перевозного,
ино дать молотцу нечево;
не везут молотца безденежно.
Седит молодец день до вечера,
миновался день до вечера ни дообеднем,
не едал молодец ни полу куса хлеба.
Вставал молодец на скоры ноги,
стоя, молодец закручинился,
а сам говорит таково слово:
«Ахти мне, злочастие горинское!
до беды меня, молотца, домыкало:

уморило меня, молотца, смертью голодною,
уже три дни мне были нерадошны;
не едал я, молодец, ни полу куска хлеба!
Ино кинусь я, молодец, в быстру реку –
полощь мое тело, быстра река,
ино еште, рыбы, мое тело белое, –
ино лутчи мне жития сего позорного.
Уйду ли я у Горя злочастного?»
И в тот час у быстри реки скоча Горе из-за камени,
босо, наго, нет на Горе ни ниточки,
еще лычком Горе подпоясано,
богатырским голосом воскликано:
«Стой ты, молодец; меня. Горе, не уйдешь никуды;
не мечися в быстру реку,
да не буди в горе кручиноват –
а в горе жить – некручинну быть,
а кручинну в горе погинути!
Спамятуй, молодец, житие свое первое
и как тебе отец говорил
и как тебе мати наказывала.
О чем тогда ты их не послушал?
Не захотел ты им покоритися,
постыдился им поклонитися,
а хотел ты жить, как тебе любо есть.
А хто родителей своих на добро учения не слушает,
того выучю я, Горе злочастное.
Не к любому он учнет упадывать
и учнет он недругу покарятися!»
Говорит злочастие таково слово:
«Покорися мне, Горю нечистому,
поклонися мне, Горю, до сыры земли,
а нет меня, Горя, мудря на сем свете!
И ты будешь перевезен за быструю реку,
напоят тя, накормят люди добрыя».
А что видит молодец [беду] неменучую,
покорился Горю нечистому –
поклонился Горю до сыры земли.
Пошел, поскочил доброй молодец
по кругу, по красну по бережку,
по желтому песочичу;
идет весел, некручиноват,
утешил он Горе-Злочастие
и сам идучи думу думает:
«когда у меня нет ничево,
и тужить мне не о чем!»

Да еще молодец не кручиноват –
запел он хорошую напевочку
от великаго крепкаго разума:
«Безпечална мати меня породила,
гребешком кудерцы розчесывала,
драгими порты меня одеяла
и отшед под ручку посмотрела,
«хорошо ли мое чадо в драгих портах? –
а в драгих портах чаду и цены нет!»
Как бы до веку она так пророчила,
ино я сам знаю и ведаю
что не класти скарлату без мастера,
не утешыти детяти без матери,
не бывать бражнику богату,
не бывать костарю в славе доброй!
Завечен я у своих родителей,
что мне быти белешенку,
а что родился головенкою!»
Услышали перевозики молодецку напевочку,
перевезли молотца за быстру реку,
и не взяли у него перевозного,
напоили, накормили люди добрыя,
сняли с него гунку кабацкую,
дали ему порты крестьянские.
Говорят молотцу люди добрыя:
«А что ты еси, доброй молодец,
ты поди на свою сторону,
к любимым честным своим родителям,
ко отцу своему и к матери любимой,
простися ты с своими родители,
отцем и материю,
возми от них благословение родителское!»
И отгуду пошел молодец на свою сторону.
Как будет молодец на чистом поле,
а что злое Горе наперед зашло,
на чистом поле молотца встретило,
учало над молодцем гратьи,
что злая ворона над соколом.
Говорит Горе таково слово:
«Ты стой, не ушел, добрый молодец,
не на час я к тебе. Горе злочастное, привязалось!
хошь до смерти с тобою помучуся!
не одно я Горе – еще сродники,
а вся родня наша добрая,
все мы гладкие, умилные!»

А кто в семью к нам примешается –
ино тот между нами замучится!
такова у нас участь и лутчая!
Хоть кинся во птицы воздушныя,
хотя в синее море ты пойдешь рыбою,
а я с тобою пойду под руку под правую!»
Полетел молодец ясным соколом, –
А Горе за ним белым кречатом;
молодец полетел сизым голубем, –
а Горе за ним серым ястребом;
молодец пошел в поле серым волком,
а Горе за ним з борзыми вежлецы;
молодец стал в поле ковыль трава,
а Горе пришло с косою острою;
да еще Злочастие над молотцем насмехался:
«быть тебе, травонка, посеченой,
лежать тебе, травонка, посеченой,
и буйны ветры быть тебе развеяной!»
Пошел молодец в море рыбою,
а Горе за ним с щастыми неводами –
еще Горе злочастное насмеялося:
«быть тебе, рыбонке, у бережку уловленной,
быть тебе да и съеденой,
умереть будет напрасною смертию!»
Молодец пошел пеш дорогою,
а Горе под руку под правую,
научает молотца богато жить –
убити и ограбить,
чтобы молотца за то повесили,
или с камнем в воду посадили.
Спамятует молодец спасенный путь –
и оттоле молодец в монастыр пошел постригаться,
а Горе у святых ворот остается,
к молотцу впредь не привяжетца!
А сему житию конец мы ведаем.
Избави, Господи, вечныя муки,
а дай нам, Господи, светлый рай.
Во веки веков. Аминь.

Источник:

https://mir-knig.com/read_88708

8.3. Повесть о Савве Грудцыне

"Повесть о Савве Грудцыне" написана в 70-х годах XVII в. В произведении отразились исторические события первой половины столетия и многие бытовые черты того времени. Сочетание в "Повести" романтической темы с подробными описаниями быта и нравов Руси XVII в. дало основание ряду исследователей видеть в этом произведении опыт создания первого русского романа.

Повесть зело пречудна и удивлению достойна, иже содеяшася во граде Казани некоего купца Фомы Грудцына о сыне его Савве

В лето от сотворения миру 7114 (1606) бысть во граде Велицем Устюзе некто купец, муж славен и богат зело, именем и прослытием Фома Грудцын-Усовых. Видев бо гонение и мятеж велик на христианы в Российском государстве и во многих градах, абие оставляет великий град Устюг и переселяется в понизовный славный царственный град Казань, зане в понизовых градах не бысть злочастивыя литвы.

И живяше той Фома з женою своею во граде Казани даже до лет благочестиваго великаго государя царя и великаго князя Михаила Феодоровичя всея России. Имея же у себя той Фома сына едиnorodна, именем Савву, двоенадесятолетна возрастом. Обычай же имея той Фома куплю деяти, отъезжая вниз Волгою рекою, овогда к Соли Камской, овогда в Астрахань, а иногда же за Хвалынское море в Шахову область отъезжая, куплю творяще. Тому же и сына своего Савву поучяще и неленостно таковому делу прилежати повелеваше, дабы по смерти его наследник был имению его. По некоем же времени восхоте той Фома отплыти на куплю в Шахову область и обычныя струги с таваром к плаванию устроившу, сыну же своему, устроив суды со обычными тавары, повелевает плыти к Соли Камской и тако купеческому делу со всяким опасением прилежати повелеваше. И абие обычное целование подаде жене и сыну своему, пути касается.

Малы же дни помедлив, и сын его на устроенных судех по повелению отца своего к Соли Камской плавание творити начинает. Достигшу же ему усолскаго града Орла, абие приставет ко берегу и по повелению отца своего у некоего нарочита человека в гостиннице обитати приставет. Гостинник же той и жена его, помня любовь и милость отца его, немало прилежание и всяко благодеяние творяху ему и яко о сыне своем всяко попечение имеяху о нем. Он же пребысть в гостиннице оной немало время.

В том же граде Орле бысть некто мещанин града того, именем и прослытием Важен Второй, уже бо престаревся в летех и знаем бяше во многих градах благодравнаго ради жития его, понеже и богат бе зело и попремногу знаем и дружен бе Саввину отцу Фоме Грудцыну. Уведев же Бажен Второй, яко ис Казани Фомы Грудцына сын его во граде их обретается, и помыслив в себе, яко "отец его со мною многу любовь и дружбу имеаше, аз же ныне презрех его,

но убо возму его в дом мой, да обитает у мене и питается со мною от трапезы моя".

И сия помыслив, усмотря некогда того Савву путем грядуща и, призвав его, начят глаголати: "Друже Савво! или не веси яко отец твой со мною многу любовь имат, ты же почто презрел еси мене и не пристал еси в дому моем обитати? Ныне убо не преслушай мене, прииди и обитай в дому моем, да питаемся от общия трапезы моя. Аз убо за любовь отца твоего вселюбезно яко сына приемлю тя". Савва же, слышав таковыя от мужа глаголы, велми рад бысть, яко от такаваго славна мужа прият хочет быти, и низко поклонение творит пред ним. Немедленно от гостинника онаго отходит в дом мужа того Бажена Второго и живяше во всяком благоденствии, радуяся. Той же Важен Второй стар сый и имея у себе жену, третиим браком новоприведенную, девою пояту сущу. Ненавидяй же добра роду человекю супостат диавол, видя мужа того добродетелное житие и хотя возмутити дом его, абие уязвляет жену его на юношу онаго к скверному смешению блуда и непрестанно уловляше юношу онаго льстивыми словесы к падению блудному: весть бо женское естество уловляти умы молодых к любодеянию. И тако той Савва лестию жены тоя, паче же рещи, от зависти диаволи запят бысть, падеся в сеть любодеяния з женою оною ненасытно творяше блуд и безвременно во оном скверном деле пребываше с нею, ниже бо воскресения день, ниже праздники помняще, но забывше страх Божий и чяс смертный, всегда бо в кале блуда яко свиния валяющесе и в таком во ненасытном блужении многое время яко скот пребывая.

Некогда же приспевшу празднику Вознесения Господа нашего Иисуса Христа, в навечерий же праздника Бажен Второй, поим с собою юношу онаго Савву, поидоша до святыя церкви к вечернему пению и по отпущении вечерни паки приидоша в дом свой, и по обычной вечери возлегоша кождой на ложе своем, благодаряще Бога. Внегда же боголюбивый оный муж Бажен Второй заспав крепко, жена же его, диаволом подстрекаема востав тайно с ложа своего и пришед к постели юноши онаго и возбудив его, понуждаше к скверному смешению блудному. Он же, аще и млад сый, но яко некоею стрелою страха Божия уязвлен бысть, убоясь суда Божия, помышляше в себе: "Како в таковый господственный день таковое скаредное дело сотворити имам?" И сия помысли, начяте клятвою отрицатися от нея, глаголя, яко "не хочу всеконечно погубити душу свою и в таковый превеликий праздник осквернити тело мое". Она же, ненасытно распалаема похотию блуда, неослабно нудяше его ово ласканием, ово же и прещещением неким угрожая ему, дабы исполнил желание ея, и много труждшися, увещавая его, но никако же возможе приклонити его к воли своей: божественная бо некая сила помагаше ему. Видев же лукавая та жена, яко не возможе привлещи юношу к воли своей, абие zelною яростию на юношу распалися яко лютая змия, возстенав, отиде от ложа его, помышляше волшебными зелий ополити его и неотложно злое свое намерение совершити хотя. И елико замыслив, сия и сотвори.

Внегда же начяше клепати ко утреннему пению, боголюбивый же он муж Бажен Второй, скоро востав от ложа своего возбудив же и юношу онаго Савву,

поидоша на славословие Божие ко утренни и отслушавше со вниманием и страхом Божиим и приидоша в дом свой. И егда же приспе время божественных литургий, поидоша паки с радостью до святых церкви на славословие Божие. Проклятая же она жена тщетно устрояше на юношу волшебное зелье и, яко змия, хотяще яд свой изbleвати на него. По отпущении же божественных литургий Бажен Второй и Савва изыдоша из церкви, хотяще ити в дом свой. Воевода же града того пригласив онаго мужа Бажена Второго, да обедует с ним, вопросив же и о юноши оном, чей сын и откуда. Он же поведает ему, яко из Казани Фомы Грудцына сын. Воевода же приглашает и юношу онаго в дом свой, зане добре знающе отца его. Они же бывше в дому его и по обычаю общия трапезы причастившися, с радостью возвратившися в дом свой. Бажен же Второй повеле принести от вина мало, да испиют в доме своем чести ради господственнаго онаго праздника, ничто же бо сведый лукаваго умышления жены своея. Она же, яко ехидна злая, скрывает злобу в сердце своем и подпадает лестию к юноши оному. Принесенну же бывшу вину, наливает абие чашу и подносит мужу своему. Он же и пив благодаря Бога. И потом наливает, сама испив. И абие наливает отравнаго онаго уготованнаго зелья и подносит юноши оному Савве. Он же испив нимало помыслив, ниже убоявся жены оныя, чаяше, яко же никоего же зла мыслит на него, и без всякаго размышления выпивает лютое оно зелье. И се начят яко некий огонь горети в сердце его. Он же помышляя, глаголя в себя, яко "много различных питей в дому отца моего и никогда же таковаго пития испих, яко же ныне". И егда же испив онаго, начят сердцем тужити и скорбети по жене оной. Она же, яко лютая львица, яростно поглядаше на него и нимало приветство являше к нему. Он же сокрушашеся, тужаше по ней. Она же начят мужу своему на юношу онаго клеветати и нелепая словеса глаголати и повелевше изгнати из дому своего. Богобоязливый же он муж, аще и желая в сердце своем по юноши, обаче же уловлен бысть женскою лестию, повелевает юноши изыти из дому своего, сказуя ему вины некия. Юноша же той с великою жалостию и тую сердца отходит из дому его, тужа и сетуя о лукавой жене оной.

И прииде паки в дом гостинника онаго, идежде первее обиташе. Он же вопрошает его: "Каковы ради вины изыде из дому Баженова?" Он же сказуя им, яко "сам не восхоте жити у них, зане гладно ми есть". Сердцем же скорби и неутешно тужаше по жене оной. И начят от великия туги красоты лица его увядати и плоть его истончяватися. Видев же гостинник юношу сетующа и скорбяща зело, недоумевающися ему, что бо бысть. Бысть же во граде том некто волхв, чарованием своим сказуя, кому какова скорбь приключитися, он же узнавая, или жити или умрети. Гостинник и жена его, благоразумии сущы, немало попечение о юноши имеяху и призывают тайно волхва онаго, хотяще уведати от него, какова скорбь приключится юноши. Волхв же оный, посмотрив волшебных своя книги, сказует истинну, яко некоторые скорби юноши не имат в себе, токмо тужит по жене Бажена Второго, яко в блудное смешение падеша, ныне же осужен от нея и, по ней стужая, сокрушается. Гостинник же и жена его, слушавши таковая от волхва, не яша веры, зане Бажен муж благочестив баше и бояйся Бога, и ни во что же дело сие вмениша. Савва же

непрестанно тужа и скорбя о проклятой жене оной и день от дне от тоя туги истончи плоть свою, яко бы некто великою скорбию болел. Некогда же той Савва изыде един за град на поле от великаго уныния и скорби прогулятися и идяше един по полю, и никого же за собою или пред собою видяще, и ничто же ино токмо сетуя и скорбя о разлучении своем от жены оныя и, помыслив в себе во уме своем такову злу мысль, глаголя: "Егда бо кто от человек или сам диавол сотворил ми сие, еже бы паки совокупитися мне з женою оною, аз бы послужил диаволу". И такову мысль помыслив, аки бы ума иступив, идяше един и мало пошед слышав за собою глас, зовущ его во имя. Он же обращен, зрит за собою юношу, борзо текуща в нарочите одеянии, помагающа рукою ему, пождати себе повелевающе. Он же стоя, ожидая юношу онаго к себе. Юноша той, паче же рещи, супостат диавол, иже непрестанно рыщет, ища погибели человеческия, пришед же к Савве и по обычаю поклоншеся между собою. Рече же пришедший отрок к Савве, глаголя: "Брате Савво, что убо яко чюждь бегаеши от мене? Аз бо давно ожидах тя к себе, да како бы пришел еси ко мне и сродственную любовь имел со мною. Аз убо вем тя давно, яко ты от рода Грудцыных-Усовых из града Казани, а о мне аще хоцещи уведети, и из того же рода от града Великаго Устюга, zde давно обитаю ради конския покупки, и убо по плотскому рождению братия мы с тобою. А ныне убо буди брат и друг и не отлучайся от мене: аз бо всяко споможение во всем рад чинити тебе". Савва же слышав от мнимаго онаго брата, паче же рещи, от беса, таковыя глаголы, велми возрадовався, яко в таковой далной незнаемой стране сродника себе обрете, и любезно целовастанася, поидоша оба вкупе по пустыни оной.

Пришед же Савво с ним, рече бес к Савве: "Брате Савво какую скорбь имаши в себе, яко велми изчезе юношеская красота твоя?" Он же, всяко лукавствуя, сказоваша ему некую быти великую скорбь в себе. Бес же, ослабився, рече ему: "Что убо скрываешися от мене? Аз бо вем скорбь твою. Но что ми даси, аз помогу скорби твоей". Савва же рече: "Аще убо ведаеши истинную скорбь, яже имам в себе, то пойму веры тебе, яко можеши помощи ми". Бес же рече ему: "Ты бо, скорбя, сокрушаешися сердцем своим по жене Бажена Второго, зане отлучен еси от лубви ея. Но что ми даси, аз учиню тя с нею по-прежнему в любви ея". Савва же рече: "Аз убо, елико им zde таваров и богатства отца моего и с прибытками, все отдаю тебе. Токмо сотвори по-прежнему любовь имети з женою оною". Бес же и ту усмеявся, рече ему: "Что убо искушаеши ми? Аз бо вем, яко отец твой много богатства имат. Ты же не веси ли, яко отец мой седмерицею богатеет отца твоего. И что ми будет в таварех твоих? Но даждь ми на ся рукописание мало некое, и аз исполню желание твое". Юноша же рад бысть, помышляя в себе, яко "богатство отца моего цело будет, аз же дам ему писание, что ми велит написати", а не ведый, в какову пагубу хоцет впасти, еще же и писати совершенно, ниже слагати что умея. Оле безумия юноши онаго! Како уловлен бысть лестью женскою, и тоя ради в какову погибель снисходит! Егда же изрече бес к юноши словеса сия, он же с радостию обещася дати писание. Мнимый же брат, паче же рещи, бес, вскоре изъем из очпага чернила и хартию, дает юноши и повелевает ему немедленно написати писание. Той же юноша Савва еще несовершенно умеяше

писати и, елико бес сказоваше ему, то же и писаше, не слагая, и таковым писанием отречеса Христа истиннаго Бога и предадеса в служение диаволу. Написав же таковое богоотметное писание, отдает диаволу, мнимому своему брату. И тако поидоша оба во град Орел. Вопросив же Савва беса, глаголя: "Повеждь ми, брате мой, где обитаеши, да увем дом твой". Бес же, возсмеявша, рече ему: "Аз убо особаго дому не имам, но где прилучится, тамо и начую. Аще ли хочещи видетися со мною часто, ищи мя всегда на Конной площадке. Аз убо, яко же рех ти, zde живу ради конских покупок. Но аз сам не обленюся посещати тебе. Ныне же иди к лавке Бажена Втораго: вем бо, яко с радостию призовет тя паки в дом свой жити". Савва же по глаголу брата своего диавола радостно тече к лавке Бажена Втораго. Егда же Бажен видев Савву, усердно приглашает его к себе, глаголя: "Господине Савво, кую злобу сотворих аз тебе и почто изшел еси из дому моего? Протчее убо молю тя, прииди паки обитати в дом мой, аз убо за любовь отца твоего яко присному своему сыну рад бых тебе всеусердно". Савва же, егда услыша от Бажена таковыя глаголы, неизреченною радостию возрадовася и скоро потече в дом Бажена Втораго. И егда же пришед, жена же его, егда видев юношу, и, диаволом подстрекаема, радостно сретает его, и всяким ласканием приветствоваше его, и лобызаше. Юноша же уловлен бысть лестью женскою, паче же диаволом, паки запинается в сети блуда с проклятою оною женою, ниже празников, ниже страха Божия помняще, поне ненасытно безпрестанно с нею в кале блуда валяясь.

По мнозе времени абие входит в слухи в пресловущий град Казань к матери Саввиной, яко сын ея живет неисправное и непорядочное житие и, елико было с ним отеческих таваров, все изнурих бе в блуде и пьянстве. Мати же его, таковая о сыне своем слуша, зело огорчися и пишет к нему писание, дабы он оттуду возвратился ко граду Казани и в дом отца своего. И егда прииде к нему писание, он же, прочет, посмеяся и ни во что же вменив. Она же паки посылает к нему второе и третье писмо, ово молением молит, ово же и клятвами заклинает его, дабы немедленно ехал оттуду во град Казань. Савва же нимало внят материю молению и клятве, но ни во что не вменяше, токмо в страсти блуда упражняшеса.

По некоем же времени поемлет бес Савву и поидоша оба за град Орел на поле. Изшедшим же им из града, глаголет бес к Савве: "Брате Савво, веси ли, кто есмь аз? Ты убо мниши мя совершение быти от рода Грудцыных, но несть тако. Ныне убо за любовь твою повем ти всю истину, ты же не бойся, ниже устыдися зватися братом со мною: аз убо всесовершенно улюбих тя во братство себе. Но аще хочещи ведати о мне, аз убо сын царев. Пойдем протчае, да покажу ти славу и могущество отца моего". И сия глаголя, приведе его в пусто место на некий холм и показа ему в некоем раздолии град велми славен: стены и покровы и помосты все от злата чиста блистаяся. И рече ему: "Се есть град отца моего, но идем убо и поклонимся купно отцу моему, а еже ми дал еси писание, ныне возьм сам вручи его отцу моему и великой честию почтен будеши от него". И сия изглаголя, бес отдает Савве богоотметное оно писание. Оле безумие отрока! Ведый бо, яко некоторое царство прилежит в близости к Московскому государству, но все обладаема бе царем Московским. Аще бы

тогда вообразил на себе образ честнаго креста, вся бы сия мечты диавольския яко сень погибли. Но на подлежащее возвратимся. Егда же поидоша оба к привиденному граду и приближившимся им ко вратом града, сретают их юноши темнообразнии, ризами и поясы украшены златыми и со тщанием покланяющесе честь воздающе сыну цареву, паче же рещи, бесу, такожде и Савве покланяющесе. Вшедшим же им во двор царев паки сретают инии юноши, ризами блистающесе паче первых, такожде покланяющесе им. Егда же внидоша в полаты царевы, абие друзии юноши сретают их друг друга честием и одеянием превосходяще, воздающе достойную честь сыну цареву и Савве. Вшед же бес в полату, глаголя: "Брате Савво, пожди мя zde мало: аз убо шед возвещу о тебе отцу моему и введу тя к нему. Егда же будеши пред ним, ничто же размышляя или бояся, подаждь ему писание свое". И сия рек, поиде во внутренне полаты, оставль Савву единаго. И помедлив тамо мало, приходит к Савве и по сем вводит его пред лице князя тьмы. Той же седя на престоле висоце, камением драгим и златом преукрашенном, сам же той славою великою и одеянием блистайся. Окрест же престола его зрит Савва множество юнош крылатых стоящих. Лица же их овых сини, овых багряны, иных же яко смола черны. Пришед же Савва пред царю онаго, пад на землю, поклонися ему. Вопросы же его царь глаголя: "Откуда пришел еси семо и что есть дело твое?" Безумный же он юноша подносит ему богоотметное свое писание, глаголя, яко "приидох, великий царю, послужити тебе". Древний же змий сатана, прием писание и прочет его, обозревся к темнообразным своим воинам, рече: "Аще ли и прииму отрока сего, но не вем, крепок ли будет мне или ни". Призвав же сына своего, Саввина мнимаго брата, глаголя ему: "Иди протчяе и обедуи з братом своим". И тако оба поклонишася царю и изыдоша в преднюю полату, наченша обедати. Неизреченныя и благовонныя яди приношаху им, такожде и питие, яко Савве дивитися, глаголя: "Никогда же в дому отца моего таких ядей вкушать или пития испих". По ядении же приемлет бес Савву и поидоша паки з двора царевы и изыдоша из града. вопрошает же Савва брата своего беса, глаголя: "Что убо, брате, яко видех у отца твоего окрест престола его юнош крылатых стоящих?" Бес же, улыбаяся, рече ему: "Или не веси, яко мнози языцы служат отцу моему: индеи и персы и инии мнози? Ты же не дивися сему и не сумневайся братом звати мя себе. аз бо да буду тебе меньши брат; токмо, елико реку ти, во всем буди послушен мне. аз же всякаго добродетельства рад чинити тебе". Савва же всем обещаюся послушен быти ему. И тако уверишася, приидоша паки во град Орел. И оставльше бес Савву, отходит. Савва жа паки прииде в дом Баженов и пребываше в прежнем своем скаредном деле. В то же время прииде в Казань из Персиды со многими прибытки отец Саввин Фома Грудцын и, яко же лепо, обычное целование подав жене своей, вопрошает ю о сыне своем, жив ли есть. Она же поведает ему, глаголя, яко "от многих слышу о нем: по отшествии твоем в Перейду, отъиде он к Соли Камской, тамо и донныне живет житие неудобное, все богатство наше, яко же глаголют, изнурих в пианстве и блуде. аз же много писах к нему о сем, дабы оттуду возвратился в дом наш, он же ни единыя отповеди подаде ми, но и ныне тамо пребывает, жив ли или ни, о сем не вемы". Фома же, таковыя глаголы слышав от жены своей,

зело смутися умом своим и скоро сед, написав епистолию к Савве, со многим молением, дабы без всякаго замедления оттуду ехал во град Казань, "да вижу, рече, чядо, красоту лица твоего". Савва же таковое писание прием и прочете, ни во что же вмени, ниже помысли ехати ко отцу своему, но токмо упражняяся в ненасытном блужении. Видев же Фома, яко ничто не успеваеет писание его, абие повелевает готовити подобныя струги с таваром, к пути касается к Соли Камской, по Каме. "Сам, рече, сыскав, пойму сына своего в дом мой". Бес же, егда уведе и яко отец Саввин путешествие творит к Соли Камской, хотя пояти Савву в Казань, и абие глаголет Савве: "Брате Савво, доколе zde во едином малом граде жити будем? Идем убо во инья грады и погуляем, паки суда возвратимся". Савва же нимало отречеся, но глаголя ему: "Добре, брате глаголеши, идем, но пожди мало: аз бо возьму от богатства моего неколико пенязей на путь". Бес же возбраняет ему о сем, глаголя: "Или не ведал еси отца моего, не веси ли, яко везде села его ест, да иде же приидем, тамо и денег у нас будет, елико потребно". И тако поидоша от града Орла, никим не ведомы, ниже то сам Бажен Второй, ниже жена его уведевши о отшествии Саввине. Бес же и Савва об едину ношь от Соли Камския объявишася на реке Волге во граде, нарицаемом Кузьмодемьянском, разстояние имеюще от Соли Камской боле 2000 поприщ, и глаголет бес Савве: "Аще кто тя знаемый узрит zde и спросит, откуда пришел еси, ты же рцы: от Соли Камския в третью неделю приидохом до zde". Савва же, елико поведает ему бес, тако и сказываша, и пребываше в Кузьмодемьянску неколико дней.

Абие бес паки поемлет Савву и об едину ношь ис Кузьмодемьянску приидоша на реку Оку в село, нарицаемое Павлов Перевоз. И бывшим им тамо в день четвертка, в той же день в селе оном торг бывает. Ходящим же им по торгу, узрев Савва некоего престарела нища мужа стояша, рубищами гнусными зело одеянна и зряща на Савву прилежно и велми плачуща. Савва же отлучися мало от беса и притече ко старцу оному, хотя уведати вины плача его. Пришед же ко старцу и рече: "Кая ти, отче, печаль есть, яко неутешно тако плачеш?" Нищий же он старец святой глаголет ему: "Плачу, рече, чядо, о погибели души твоея: не веси бо, яко погубил еси душу свою и волею предался еси диаволу. Веси ли, чядо, с кем ныне ходиши и его же братом себе нарицаеши? Но сей не человек, диявол, но бес, ходяй с тобою, доводит тя до пропасти адския". Егда же изрече старец к юноше глаголы сия, обозревся Савва на мнимаго брата своего, паче же реши, на беса. Он же издалечя стоя и грозя на Савву, зубы своими скрежеташе на него. Юноша же вскоре, оставль святаго онаго старца, прииде к бесу паки. Диявол же велми начят поносити его и глаголати: "Чесо бо ради с таковым злым душегубцом сообщился еси? Не знаешь ли сего лукавого старца, яко многих погубляет; на тебе же видев одеяние нарочито и глаголы лестныя пропустив к тебе, хотя отлучити тя от людей и удавом удавити и обрати с тебе одеяние твое. Ныне убо аще оставлю тя одинаго, то вскоре погибнешь без мене". И сия изрече, со гневом поемлет Савву оттуду и приходит с ним во град, нарицаемый Шую, и тамо пребываху неколико времени.

Фома же Грудцын-Усов, пришед во град Орел, вопрошает о сыне своем и никто же можаше поведати ему о нем. Все бо видяху, яко пред его приездом сын его во граде хождаше всеми видим, а иде же внезапно скрыся, никто не весть. Овии глаголаху, яко "убояся пришествия твоего, зане zde изнурил все богатство твое и сего ради скрыся". Паче же всех Бажен Второй и жена его дивящися, глаголаху, яко "об ночь спаше с нами, заутра же пошед некуды, мы же ожидахом его обедати, он же от того чясу никако нигде же явися во граде нашем, а иде же надеся, ни аз, ни жена моя о сем не вем". Фома же многими слезами обливаясь живой, ожидая сына своего и немало пождав, тщею надеждою возвратися в дом свой. И возвещает нерадостный случай жене своей и оба вкупе сетуя и скорбяща о лишении единородного сына своего. И в таком сетовании Фома Грудцын поживе неколико время, ко Господу отъиде, жена же его оставши вдовою сущи.

Бес же и Савва живяше во граде Шуе. Во время же то благочесестивый государь, царь и великий князь Михаил Феодорович всея России возжелаше послати воинство свое противу короля польскаго под град Смоленск, и по его царскаго величества указу по всей России набираху новобраных тамошних салдат. Во град же Шую ради салдатскаго набору послан с Москвы столник Тимофей Воронцов и новобраных салдат по вся дни воинскому артикулу учяще. Бес же и Савва, приходяще, смотряху учения. И рече же бес к Савве: "Брате Савво, хощеши ли послужити царю, да напишемся и мы в салдаты?" Савва же рече: "Добре, брате, глаголеши, послужим". И тако написавшися в салдаты и наченше купно на учение ходити. Бес же в воинском учении такову премудрость дарова Савве, яко и старых воинов и начяльников во учении превосходит. Сам же бес, яко бы слугуя Савве, хождаше за ним и оружие его ношаше.

Егда же из Шуи новобраных салдат приведоша к Москве и отдаша их в научение некоему немецкому полковнику, той же полковник, егда прииде видети новобраных салдат на учении, и се видит юношу млада, во учении же воинском зело благочинна и урядно поступающа и ни малаго порока во всем артикуле имеюща и многих старых воинов и начяльников во учении превосходяща, и велми удивися остроумию его. Призвав же его к себе, вопрошает рода его. Он же сказует ему всю истинну. Полковник же, возлюбив велми Савву и назвав его сыном себе, даде ему з главы своя шляпу, драгоценным бисером утворену сущу. И абие вручает ему три роты новобраных салдат, да вместо его устрояет и учит той Савва. Бес же тайно припаде к Савве и рече ему: "Брате Савво, егда ти недостаток будет, чим ратных людей жаловати, повеждь ми: аз бо принесу ти, елико потребно денег будет, дабы в команде твоей роптания и жалобы на тебя не было". И тако у того Саввы вси салдаты во всякой тишине и покое пребываху, в протчих бо ротах молва и мятеж непрестанно, яко от глада и нагаты непожалованы помираху. У Саввы же во всякой тишине и благоустроении салдаты пребываху, и вси дивляхуся остроумию его. По некоему же случяю явственню учинися о нем и самому царю. В то же время на Моськве немалу власть имея шуриин царев боярин Семен Лукьянович Стрешнев. Уведев про онаго Савву,

повелевает его привести пред себе и рече ему: "Хощеши ли, юноше, да пойму тя в дом мой и чести немалы сподоблю тя?" Он же поклонися ему и рече: "Есть бо, владыко мой, брат у мене, вопрошу убо его. Аще ли повелит ми, то с радостию послужу ти". Боярин же нимало возбранив ему о сем, отпустив его, да вопросит, рече, брата своего. Савва же пришед, поведа сие мнимому брату своему. Бес же с яростию рече ему: "Почто, убо хощеши презрети царскую милость и служити холопу его? Ты убо ныне и сам в том же порядке устроен, уже бо и самому царю знатен учинился еси, ни убо не буди тако, но да послужим царю. Егда убо царь увестъ верную твою службу, тогда и чином возвышен будеши от него". По повелению же цареву вси новобраныя салдаты розданы по стрелецким полкам в дополнку. Той же Савва поставлен на Устретенке в Земляном городе, в Зимине приказе, в доме стрелецкаго сотника именем Иякова Шилова. Сотник же той и жена его, благочестивый и благодравный суще, видящи бо Саввино остроумие, зело почитаху его. Полки же на Москве во всякой готовности бяху. Во един же от дней прииде бес к Савве и рече ему: "Брате Савво, пойдём прежде полков в Смоленск и видим, что творят поляки и како град укрепляют и бранныя сосуды устрояют". И об едину ночь с Москвы в Смоленску ставше и пребывше в нем дни три и ночи три же, никим же видимы, они же все видевшие и созидрающе, како поляки град укрепляху и на приступных местах всякия гарматы поставляху. В четвертый же день бес объяви себе и Савву в Смоленску поляком. Егда же узревше поляки их велми возмятошася, начяша гнати по них, хотяще уловити их. Бес же и Савва, скоро избежше из града, прибегоша к реке Днепру и абие разступися им вода и преидоша реку оную посуху. Поляки ж много стреляюще по них, и никако же вредиша их, удивляхуся, глаголяще, яко "бесове суть во образе человеческом, приидоша и бывше во граде нашем". Савва же и бес паки приидоша к Москве и ставше паки у того же сотника Иякова Шилова. Егда же по указу царскаго величества поидоша полки с Москвы под Смоленск, тогда и той Савва з братом своим в полках поидоша. Над всеми же полками тогда боярин бысть Феодор Иванович Шеин. На пути же бес к Савве рече: "Брате Савво, егда убо будем под Смоленским, тогда от поляков из полков из града выедет един исполин на поединок и станет звати противника себе. Ты же не бойся ничесо же, изыди противу его; аз убо ведая глаголю ти, яко ты поразиши его. На другой же день паки от поляков выедет другой исполин на поединок, ты же изыди паки и противу того; вем бо, яко и того поразиши. В третий же день выедет из Смоленска третий поединщик, ты же, ничесо не бояся, и противу того поиди, но и того поразиши. Сам же уязвлен будеши от него. Аз же язву твою вскоре уврачую". И тако увещав его, приидоша под град Смоленск и ставше в подобие месте. По глаголу же бесовскому послан бысть из града некий воин страшен зело, на кони скакавше из смоленских полков и искавше себе из московских полков противника, но никто же смеяше изыти противу его. Савва же объявляя себе в полках, глаголя: "Аще бы мне был воинский добрый конь, и аз бы изшел на брань противу сего неприятеля царска". Друзии же его слышавше сия и скоро возвестиша о нем боярину. Боярин же повеле Савву привести пред себе и повеле ему коня нарочита дати и оружие, мнев, яко вскоре

погибнути имат юноша от такового страшнаго исполина. Савва же по глаголу брата своего беса, ничто же размышляя или бояся, выезжает противу полскаго онаго богатыря и скоро срази его, приводит и с конем в полки московския, и от всех похваляем бе. Бес же ездя по нем, служа ему и оружие его за ним нося. Во второй же день паки из Смоленска выезжает славный некий воин, ища из войска московскаго противника себе, и паки выезжает противу его той же Савва и того вскоре поражает. Все же удивляхуся храбрости его. Боярин же разгневался на Савву, но скрываше злобу в сердцы своем. В третий же день еще выезжает из града Смоленска некий славный воин паче первых, такожде ища и позывая противника себе. Савва же, аще и бояся ехати противу такова страшнаго воина, обаче по словеси бесовскому немедленно выезжает и противу того. Но абие поляк той яростию напустив и уязви Савву копием в левое стегно. Савва же, исправлься, нападает на поляка онаго, убивает его и с конем в табары привлече, немал же зазор смолянском наведе, все же российское воинство во удивление приведе. Потом же начяша из града выласки выходить и войско с войском сошедшимся свалным боем битися. Да иде же Савва з братом своим с котораго крыла воеваху, тамо поляки от них невозвратно бежаху, тыл показующе, бесчисленно бо много поляков побивающе, сами же ни от кого вредими бяху. Слышав же боярин о храбрости юноши онаго и уже не могый скрыти тайного гнева в сердцы своем, абие призывает Савву к шатру и глаголет ему: "Повеждь ми, юноше, какового еси роду и чий есть сын?" Он же поведа ему истинну, яко ис Казани Фомы Грудцына-Усова сын. Боярин же начят всякими нелепыми словесы поносити его и глаголати: "Кая тя нужда в таковой смертный случай призва? Аз убо знаю отца твоего и сродников твоих, яко безчисленно богатство имут, ты же от какова гонения, или скудности оставя родителей своих, семо пришел еси? Обаче глаголю ти: ни мало медли, поиде в дом родителей твоих и тамо во благоденствии с родителями твоими пребывай. Аще ли преслушаеши мене и услышу о тебе, яко zde имаши пребывати, то без всякаго милосердия zde имаши погибнути: главу бо твою повелю вскоре отяти от тебе". Сия же боярин к юноше изрече. и с яростию отиде от него. Юноша же со мною печалию отходит от него. Отшедшим же им от шатра, рече бес к Савве: "Что убо тако печалуешися о сем? Аще негодна служба наша явися zde, то идем прочае паки к Москве и тамо да пребываем". И тако въськорее отидоша из Смоленска к Москве и приставше обитати в доме того же сотника. Бес же днем пребываше с Саввою, к ноци же отхождаше от него в своя адския жилища, иде же искони обычай окаянным пребывати. Не малу же времени минувшу, абие разболеся Савва и бе болезнь его тяжка зело, яко быти ему близ смерти. Жена же сотника онаго, благоразумна сущи, боящися Бога, всяко попечение и прилежание о Савве имущи и глаголаше ему многжды, дабы повелел призвати иерея и исповедати грехи своя и причаститися святых тайн, "да некако, - рече, - в таковой тяжкой скорби внезапну без покаяния умрет". Савва же о сем отрицаяся, яко "аще, - рече, - и тяжко болю, но несть сия болезнь моя к смерти". И день от дне болезнь его тягчая бяше. Жена же оная неотступно притужаше Савве, да покается, ибо "от того не имаши умерети". И едва принужден бе Савва боголюбивою оною женою, повелевает призвати к

себе иерея. Жена же она вскоре посылает ко храму святого Николая, что во Грачах, и повелевает призвати иерея той церкви. Иерей же, ни мало замедлив, притече к болящему. Бе бо иерей той леты совершен сый, муж искусен и богобоязлив. Пришед же, начят молитвы покаянны глаголати, яко же обычно. И егда же всем людем из храма изшедшим, иерей же начят болнаго исповедовати, и се внезапно зрит больны во храм той вшедших толпу велию бесов. Мнимый же его брат, паче же рещи - бес, прииде с ними же уже не в человеческом образе, но в существенном своем зверовидном образе и, став создади бесовския оныя толпы, велми на Савву яряся и зубы скрежеташе, показуя ему богоотметное оно письмо, яже даде ему Савва у Соли Камския. И глагола бес к болящему: "Зриши ли, клятвопреступниче, что есть сие? Не ты ли писал еси сие? Или мниши, яко покаянием сим избудеши от нас? Ни убо, не мни того; аз убо всюю силою моею подвигнуся на тя". Сия убо и иная многая неподобная бесом глаголящим, болныи же зря очевидно их и ово ужасеся, ово же надеяся на силу Божию, и до конца все подробну исповеда иерею оному. Иерей же той, аще и муж свят бе, обаче убоися страха онаго, зане людей никого же во храмине кроме болнаго виде, голку же велику слыша от бесовския оныя силы. И с нуждею великою исповеда болнаго, отиде в дом свой, никому же сия поведав.

По исповеди же оной нападе на Савву дух нечистый и начят немилостиво мучити его, ово о стену бия, ово о помост одра его пометая, ово храплением и пеною давяше и всякими различными томлениями мучяше его. Боголюбивый же муж вышепомянутой сотник и з благонравною своею женою, видящы на юноши таковое от диавола внезапное нападение и несносное мучение, велми жалеюща и стеньху сердца своими по юноши, но никакже помощи ему могуще. Бес же день от дне на болнаго люте нападая, мучяще его, и всем предстоящим ту от мучения его немал ужас находящъ. Господин же дому, яко виде на юноши таковую необычную вещь, паче же и зная, яко юноша той ведом бе и самому царю храбрости ради своя, и помышляше з женою своею, да како бы возвестити о сем самому царю. Бе же и сродница некая бяше у них в доме царском. И сия помысливше, посылает немедленно жену свою ко оной сроднице своей, повелевая ей, да вся подробно возвестит ей и дабы немедленно о сем возвестити цареви, да "некако, рече, юноша оный в таком злом случае умрет, а они истязани от царя за неизвещение". Жена же его ни мало помедлив, скоро тече ко сроднице своей и вся поведенная ей от мужа по ряду сказа. Сродница же она, яко слыша таковыя глаголы, умилися душею, ово поболев по юноши, паче же скорбяще по сродницех своих, да некако и вправду от такового случая беду примут. И ни мало помедлив, скоро тече от дому своего до полат царевых и возвещает о сем ближним сигклитом царевым. И не в долзе часе .внушается самому царю о сем. Царь же, яко слыша о юноши таковая, милосердие свое изливает на него, глаголя предстоящим пред ним сигклитом, да егда бывает повседневно изменение караулом, повелевает послати в дом сотника онаго, иде же бесный оный юноша лежит, по два караульщика, да надзирают, рече, опасно юношу онаго, да некако, от онаго бесовскаго мучения обезумев, во огонь или в воду ввержется. Сам же благочестивый царь посылаше к болящему повседневною пищу и, елико здравее больный явится, повелевает

возвестити себе. И сему тако бывшу, больной же немало время в таком бесовском томлении пребысть.

Бысть же месяца июля в 1 день юноша оный необычно от беса умучен бысть. Абие заспав мало и во сне, якобы на яве, начят глаголати, изливая слезы из смеженных очей своих, сице рече:

"О, всемилостивая госпоже царице и Богородице, помилуй, владычице, помилуй, не солжу бо все, царицу, не солжу, но исполню, елико обещахсяти". Домашний же и снабжевающийи его воины, таковая от болнаго глаголы слышаще, удивишася, глаголющы, яко некое видение видит.

Егда же болный от сна возбнув, приступи к нему сотник и рече:

"Повеждь ми, господине Савво, что таковыя глаголы со слезами во сне, и х кому рекл еси?" Он же паки начят омывати лице свое слезами, глаголя: "Видех, - рече, - ко одру моему пришедшу жену светолепну и неизреченною светльостию сияющую, носящу же ризу багряну, с нею же и два мужа некия, сединами украшены. Един убо во одежде архиерейстей, другой же апостолское одеяние носяще. И не мню инех, токмо жену мню быти пресвятую Богородицу, мужей же единаго наперстьника Господня апостола Иоанна Богослова, втораго же неусыпнаго стража града нашего Москвы преславнаго во иерарсех архиерея Божия Петра митрополита, их же подобия и образ добре знаю. И рече ми светолепная она жена:

"Что ти есть, Савво, и чесо ради тако скорбиши?" Аз же рех ей:

"Скорблю, владычице, яко прогневах сына твоего и Бога моего и тебе, заступницу рода христианскаго, и за се люте бес мучит мя". Она же, оскълабився, рече ми: "Что убо мниши, како ти избыти от скорби сея и како ти выручити рукописание свое из ада?" Аз же рех ей: "Не могу. Владычице, не могу, аще не помощию сына твоего и твоею всесилою милостию". Она же рече ми: "Аз убо умолю о тебе сына своего и Бога, токмо един глагол мой исполни: аще избавлю тя от беды сея, хощеши ли монах быти?" Аз же тыя молебныя глаголы со слезами глаголах ей во сне, яже и вы слышасте. Она же паки рече ми: "Савво, егда убо приспее праздник явления образа моего, яже в Казани, ты же прииди во храм мой яже на площади у Ветошнаго ряду, и аз пред всем народом чюдо явлю на тебе". И сия рече ми, невидима бысть".

Сия же слышав, сотник и приставлши воины от Саввы изглаголанная, велми почюдишася. И начя сотник и жена его помышляти, како бы о сем видении возвестити самому царю. И умыслиша послати по сродницу свою, дабы она возвестила о сем видении царевы полаты сигклитом, от них же бы внушено было самому царю. Прииде же сродница она в дом сотника. Они же поведаша ей видение болящаго юноши. Она же слышав и абие отходит немедленно до царевы полаты и возвещает ближним сигклитом. Они же немедленно внушают царю о бывшем видении Саввином. И егда же слышав царь, велми почюдися. И начяша ожидати праздника онаго. И егда же приспе время июля осмаго числа, бысть праздник Казанския пресвятыя Богородицы. Абие повелевает царь принести болящаго онаго Савву до церкви. Бысть же в той, день хождение крестное из соборныя апостолския церкви Успения пресвятыя Богородицы. В том же ходу был и сам царское величество. И егда же

наченше божественную литоргию, принесенну же бывшу и болящему оному Савве и положенну вне церквыи на ковре.

Егда же бо начяше пети херувимскую песнь, и се внезапно бысть глас с небеси, яко бы гром велий возгреме: "Савво, востани! Что бо медлиши? И прииде во церковь мою, здрав буди, к тому не согрешай". И абие спаде от верху церкви богоотметное оно Саввино писание, все заглажено, яко никогда же писано, пред всем народом. Царь же, видев сие чудо, велми подивися. Болный же той Савва, скочив с ковра, аки бы никогда же болев, и притече скоро в церковь, паде пред образом пресвятыя Богородицы, начя со слезами глаголати: "О, преблагословенная мати Господня, христианская заступница и молебница о душах наших к сыну своему и Богу: избави мя от адския пропасти. Аз же въскоре исполню обещание свое". Сие же слышав, великий государь царь и великий князь Михаил Феодорович всея России повеле призвати к себе онаго Савву и вопросив его о бывшем видении. Он же поведав вся по ряду и показав писание свое. Царь же подивися зело Божию милосердию и несказанному чудеси.

Егда же отпеша божественную литоргию, поиде Савва в дом сотника Иякова Шилова, яко никогда же болев. Сотник же той и жена его, видев над ним милосердие Божие, благодарив Бога и пресвятую его Богоматерь.

Потом же Савва, роздав все имение свое, елико имеяше, убогим, сам же иде в монастырь Чюда архистратига Михаила, иде же лежат мощы святителя божия Алексея митрополита, иже зовется Чюдов монастырь. И възприяв иноческий чин и начя ту жити в посте и в молитвах, беспрестанно моляся Господеву о согрешении своем. В монастыре же оном поживе лета довольна, ко Господу отиде в вечный покой, иде же святии пребывают. Буди же вседержителю Богу слава и держава во веки веков, аминь. Конец и Богу слава.

Источник: <http://drevne-rus-lit.niv.ru/drevne-rus-lit/text/povest-o-savve-grudcyne.htm>

8.4. Повесть о Фроле Скобееве

«Повесть о Фроле Скобееве» до сих пор продолжает оставаться предметом научных споров. Время ее создания не может пока считаться аргументированно установленным и варьируется от 1680 г. (даты, вынесенной в заглавие одного из списков) до 20-х гг. XVIIIв. (по некоторым лексическим данным и историческим реалиям). Однако как бы ни был решен впоследствии этот вопрос, несомненно, что «Повесть о Фроле Скобееве» блистательно завершает литературную традицию средневековья. Эта типичная плутовская новелла о ловком обманщике, решившем жениться на стольничьей дочери и обеспечить себе тем самым безбедное существование в будущем, может рассматриваться и как своего рода прообраз будущего жанра святочного рассказа. Известно 9 списков повести, все они относятся к XVIIIв.

История о российском новгородском дворянине Фроле Скобееве, столничей дочери Нардина-Нащокина Аннушки

В Новгородском уезде имелся дворенинь Фроль Скобеевъ. В том же Ноугородском уезде имелись вотчины столника Нардина-Нащокина, имелась дочь Аннушка, которая жила в тех новгородских вотчинахъ.

И, проведав Фроль Скобеевъ о той столничей дочери, взял себе намерение возыметь любовь с тою Аннушкой и видеть ее. Однако ж умыслил спознаться той вотчины с прикащиком и всегда ездил в дом того прикащика. И по некотором времени случилось быть Фролу Скобееву у того прикащика в доме, и в то время пришла к тому прикащику мамка дочери столника Нардина-Нащокина. И усмотрель Фрол Скобеевъ, что та мамка живет всегда при Аннушке. И какъ пошла та мамка от того прикащика к госпоже своей Аннушке, и Фроль Скобеевъ вышелъ за нею и подарил тое мамку двумя рублями. И та мамка сказала ему: «Господинъ Скобеевъ! Не по заслугам моим ко мне милость казать изволишь, для того что моей услуги к вам никакой не находится». И Фрол Скобеев отдал оныя денги и сказал: «То мне сие ни во что!» И пошелъ от нее прочь, и вскоре ей не объявил. И мамка та пришла к госпоже своей Аннушке, ничего о томъ не объявила. И Фрол Скобеев посидел у того прикащика и поехал в дом свой.

И во время увеселительных вечеров, которые бывают в веселости девичеству, называемыя по их девичеству званию Святки, и та столника Нардина-Нащокина дочь Аннушка приказала мамке своей, чтоб она ехала ко всем дворянам, которыя во близости той вотчины столника Нардина-Нащокина имеет жителство и у которых дворян имеютца дочери-девицы, чтоб тех дочерей просить к той столнической дочери Аннушке для веселости на вечеринку. И та мамка поехала и просила всех дворянских дочерей к госпоже своей Аннушке, и по тому ея прошению все обещались быть. И та мамка ведаеть, что у Фрола Скобеева есть сестра, девица, и приехала та мамка в дом Фрола Скобеева и просила сестру ево, чтоб она пожаловала в дом столника Нардина-Нащокина к Аннушке. Та сестра Фрола Скобеева объявила той мамке пообождати малое время: «Я схожу к братцу своему, ежели прикажит мне ехать, то к вам с тем и объявим». И какъ пришла сестра Фрола Скобеева к брату своему и объявила ему, что приехала к ней мамка от столничей дочери Нардина-Нащокина Аннушки «и просит меня, чтоб я приехала в дом к ним». И Фрол Скобеев сказал сестре своей: «Поди скажи той мамке, что ты будешь не одна, некоторого дворянина з дочерью, девицею». И та сестра Фрола Скобеева о том веема стала думать, что брат ея повелел сказать, однако жъ не смела преслушать воли брата своего, что она будет к госпоже ея сей вечер с некоторою дворянскою дочерью, девицею. И мамка поехала в дом к госпоже своей Аннушке.

И Фрол Скобеев стал говорить сестре своей: «Ну, сестрица, пора тебе убираться и ехать в гости». И сестра ево как стала убираться в девичей уборъ, и Фрол Скобеев сказал сестре своей: «Принеси, сестрица, и мне девичей убор, уберуся и я, и поедем вместе с тобою к Аннушке, столничей дочери». И та

сестра ево весма о том сокрушалась, понеже что «ежели признает ево, то, конечно, быть великой беде брату моему, понеже тот столник Нардин-Нащокин весма великой милости при царе находится». Однако ж не прислушала воли брата своего, принесла ему девичей убор. И Фрол Скобеев убрався в девичей убор и поехал с сестрой своей в дом столника Нардина-Нащокина к дочери ево Аннушки.

Собралось много дворянских дочерей у той Аннушки, и Фрол Скобеев тут же в девичьем уборе, и никто ево не может признать. И стали все девицы веселитца разными играми и веселились долгое время, а Фрол Скобеев с ними же и веселился, и признать его никто не может. И потом Фрол Скобеев в нужнике один, а мамка стояла в сенях со свечою. И как вышел Фрол Скобеев из нужника и стал говорить мамке: «Какъ, мамушка, много наших сестеръ, дворянских дочерей, а твоей к нам услуги много, а никто не может подарить ничем за услугу твою». И мамка не может признать, что он Фрол Скобеев. И Фрол Скобеев, вынев денех пять рублев, подарил тое мамку с великим принуждением, и те денги мамка взяла. И Фроль Скобеев видит, что признать она ево не может, то Фрол Скобеев пал пред ногами той мамки и объявил ей об себе, что он дворянин Фрол Скобеев и приехал в девическом платье для Аннушки, чтоб с нею иметь обязательную любовь. И какъ усмотрела мамка, что подлинно Фрол Скобеев, и стала в великом сумнени и не знает, с ним что делать. Однако жъ, помяну ево к себе два многия подарки: «Добро, господинъ Скобеев, за твою ко мне милость готова чинить все по воли твоей». И пришла в покой, где девицы веселятца, и никому о том не объявила.

И стала та мамка говорить госпоже своей Аннушке: «Полноте, девицы, веселитца, я вам объявлю игру, как бы прежде сего от децкой игры были». И та Аннушка не преслушала воли мамки своей и стала ей говорить: «Ну, мамушка, изволь, какъ твоя воля на все наши девичьи игры». И объявила им та мамка игру: «Изволь, госпожа Аннушка, быть ты невестою». А на Фрола Скобеева показала: «Сия девица будет женихом». И повели их в особливу светлицу для почиву, какъ водится в свадьбе, и все девицы пошли их провожать до тех покоев и обратно пришли в те покои, в которых прежде веселились. И та мамка велела тем девицам петь громогласный песни, чтоб им крику от нихъ не слышать быти. А сестра Фрола Скобеева весма в печали великой пребывала, сожелея брата своего, и надеется, что конечно будет притчина.

И Фрол Скобеев лежа с Аннушкой, и объявил ей себя, что он Фроль Скобеев, а не девица. И Аннушка стала в великом страхе. И Фрол Скобеевъ, не взирая ни на какой себе страх, и ростлил ея девство. По том просила та Аннушка того Фрола Скобеева, чтоб онъ не обнесъ ея другим. Потом мамка и все девицы пришли в тот покой, где она лежала, и Аннушка стала быть в лице переменна, а девицы никто не могут признать Фрола Скобеева, для того что в девическом уборе. И та Аннушка никому о том не объявила, толко мамку взяла за руку и отвела от тех девиць и стала ей говорить искусно: «Что ты надо мною зделала? Ета не девица со мною была, он мужественной человекъ, дворянин Фрол Скобеев». И та мамка на то ей объявила: «Истинно, госпожа моя, что не могла признать ево, думала, что она такая жа девица, как и протчия. А когда

онъ такую безделицу учинил, ведаешь, что у насъ людей довольно, можем ево скрыть в смертное место». И та Аннушка сожелея того Фрола Скобеева: «Ну, мамушка, уже быть такъ, того мне не возвратить». И пошли все девицы в пировой покой, Аннушка с ними же и Фрол Скобеев в том же девическом уборе, и веселились долгое время ночи. Потом все девицы стали иметь покой, Аннушка легла со Фролом Скобеевым. И наутри встали все девицы, стали разъезжаться по домам своим, також и Фрол Скобеев и с сестрою своею. Аннушка отпустила всех девиць, а Фрола Скобеева и с сестрою оставила. И Фрол Скобеев был у Аннушки три дни в девичьем уборе, чтоб не признали ево служители дому того, и веселились все со Аннушкою. И по прошествии трех дней Фрол Скобеев поехал в дом свой и с сестрою своею, и Аннушка подарила Фрола Скобеева денгами 300 рублей. И Фрол Скобеев приехал в дом свой, весма рад бысть и делал банкеты, и веселился с протчею своею братию дворян.

И пишет из Москвы отецъ ея, столникъ Нардин-Нащокин, в вотчину к дочери своей Аннушке, чтоб она ехала в Москву, для того, что сватаются к ней женихи, столничьи дети. И Аннушка не преслушала воли родителя своего, собрався вскоре и поехала в Москву. Потом проведал Фрол Скобеев, что Аннушка уехала в Москву, и стал в великом сумнени, не ведает, что делать, для того что он дворянин небогатой, а имел себе более пропитание всегда ходить в Москве поверенным з делами. И взял себе намерение какъ можно Аннушку достать себе в жену. Потом Фрол Скобеев стал отправляться в Москву, а сестра ево весма о том соболезуеть, об отлучении ево. Фрол Скобеев сказал сестре своей: «Ну, сестрица, не тужи ни о чем! Хотя живот свой утрачу, а от Аннушки не отстану, либо буду полковник или покойник. Ежели что зделается по намерению моему, то и тебя не оставлю, а буде зделается несчастье, то поминай брата своего». Убрався и поехал в Москву.

И приехал Фрол Скобеев в Москву, и стал на квартире близъ двора столника Нардина-Нащекина. И на другой день Фрол Скобеев пошел к обедни и увидел в церкви мамку, которая была при Аннушки. И по отшествии Литургии вышел Фрол Скобеев ис церкви и стал ждть мамку. И какъ вышла мамка ис церкви, и Фрол Скобеев подошел к мамке, и отдал ей поклон, и просил ея, чтоб она объявила об нем Аннушке. И какъ мамка пришла в дом, то объявила Аннушке о приезде Фрола Скобеева. И Аннушка на то стала в радости великой и просила мамку свою, чтоб она завтрешней день пошла к обедни и взяла б с собою денегъ 200 рублей и отдала Фролу Скобееву. То учинила по воли ея.

И у того столника Нардина-Нащекина имелась сестра, пострижена в Девичьем монастыре. И тот столникъ приехал к сестре своей в монастырь, и сестра ево встретила по чести, брата своего. И столникъ Нардин-Нащекинъ у сестры своея был долгое время и много имели разговоров. Потом сестра ево просила брата своего покорно, чтоб онъ отпустил к ней в монастырь для свидания дочь свою Аннушку, а ея племянницу, для чего она с нею многое время не видалась. И столникъ Нардинъ-Нащекинъ обещал к ней отпустить. И просила ево: «Когда и в небытность твою дома пришлю я по ея корету и возников, чтоб ты приказал ей ехать ко мне и бес себя».

И случится по некоторому времени тому столнику Нардину-Нащекину ехать в гости з женою своею. И приказывает дочери своей: «Ежели пришет по тебя из Москвы сестра корету и с возниками, то ты поезжай к ней». А сам поехал в гости. И Аннушка просила мамки своей, как можно, пошла Фролу Скобееву и сказала ему, чтоб он, какъ можно, выпросил корету и с возниками и приехал сам к ней, и сказался, будто от сестры столника Нардина-Нащекина приехал по Аннушку из Девичьева монастыря. И там мамка пошла ко Фролу Скобееву и сказали ему все по приказу ея.

И какъ услышел Фрол Скобеев от мамки, и не ведает, что делать, и не знает, какъ кого обмануть, для того что ево многия знатные персоны знали, что он, Скобеев, дворянин небогатой, толко великой ябида, ходотайствуетъ за приказными делами. И пришло в память Фролу Скобееву, что весьма к нему добръ столникъ Ловчиков. И пошел х тому столнику Ловчикову, и тот столник имел с ним разъговоров много. Потом Фрол Скобеев стал просить того столника, чтоб он ему пожаловал корету и с возниками.

И приехал Фрол Скобеев к себе на фатеру и того кучера поил весьма пьяна, а сам убрася в лакейское платье, и сел на козлы, и поехал ко столнику Нардину-Нащокину по Аннушку. И усмотрела та Аннушкина мамка, что приехалъ Фрол Скобеев, сказала Аннушке, под видом других того дому служителей, якобы прислала тетка по нея из монастыря. И та Аннушка убралась, и села в корету, и поехала на квартиру Фрола Скобеева.

И тот кучер Ловчикова пробудился. И усмотрел Фрол Скобеев, что тот кучерь Ловчикова не в таком сыльном пьянстве, и напоя ево весьма жестока пьяна, и положил ево в карету, а сам сел в козлы и поехал к Ловчикову на двор. И приехал ко двору, отворил ворота и пустил возныков и с коретою на дворъ. Люди Ловчиковы видят, что стоят возныки, а кучерь лежит в корете жестоко пьян, пошли и объявили Ловчикову, что «лежит кучерь пьян в корете, а кто их на дворъ привел, не знаем». И Ловчиков корету и возныков велел убрать и сказал: «То хорошо, что и всего не уходил, и с Фрола Скобеева взять нечево». И наутре стал спрашивать Ловчиковъ того кучера, где он был со Фроломъ Скобеевым, и кучерь сказал ему: «Толко помню, какъ приехал к нему на квартиру, а куды он поехал, Скобеев, и что делал, не знаю». И столник Нардинъ-Нащокинъ приехал из гостей и спрашивал дочери своей Аннушки, то мамка сказала, что «по приказу вашему отпущена к сестрице вашей в монастырь, для того что она прислала корету и возныков». И столникъ Нардин-Нащокинъ сказал: «Изрядно!»

И столникъ Нардин-Нащокин долгое время не бываль у сестры своей и надеется, что дочь его в монастыре у сестры ево. А уже Фрол Скобеев на Аннушке и женился. Потом столникъ Нардин-Нащокинъ поехал в монастырь к сестре своей, долгое время и не видит дочери своей, и спросил сестры своей: «Сестрица, что я не вижу Аннушки?» И сестра ему ответствовала: «Полно, братецъ, издиватся! Что мне делать, когда я несчастна моим прошением к тебе? Просила ея прислать ко мне; знатно, что ты мне не изволишь верить, а мне время таково нет, чтобъ послать по нея». И столникъ Нардинъ-Нащокинъ сказалъ сестре своей: «Какъ, государыня сестрица, что ты изволишь говорить?»

Я о том не могу разсудить, для того что она отпущена к тебе уже тому месяць, для того что ты присылала по нея корету и с возниками, а я в то время был в гостяхъ и з женою, и по приказу нашему отпущена к тебе». И сестра ему сказала: «Никакъ я, братецъ, возников и кореты не посылала, никогда и Аннушка у меня не бывала!» И столникъ Нардинъ-Нащокинъ весма сожелель о дочери своей, горко плакаль, что безвѣстно пропала дочь ево. И приехалъ в домъ, сказалъ жене своей, что Аннушка прапала, и сказалъ, что у сестры в монастыре нет. И сталъ мамку спрашивать, кто приезжалъ с возниками и с коретою кучерь. И сказали, что «из Девичьева монастыря от сестры вашей приехал по Аннушку, то по приказу вашему и поехала Аннушка». И о томъ столникъ и з женою весма соболезновали и плакали горко.

И наутре столникъ Нащокинъ поехал к государю и объявилъ, что у него безвѣстно пропала дочь. И государь велель учинить публику о ево столничей дочери: «Ежели ея кто содержит тайно, чтоб объявили! Ежели кто ея не объявит, а после обыщется, то смертию казненъ будетъ!» И Фроль Скобеевъ, слышав публикацию, не ведаеть, что делать. И умыслил Фроль Скобеевъ, чтоб итить к столнику Ловчикову и объявить ему о том, для того что тот Ловчиковъ весма к нему добръ. И пришелъ Фроль Скобеевъ к Ловчикову, имел с ним много разговоров, и столникъ Ловчиковъ спрашивалъ Фрола Скобеева: «Что, господинъ Скобеевъ, женился ли?» И Скобеев сказал: «Женился, государь мой». – «Богату ли взял?» И Скобеев сказал: «Ныне еще богатства не вижу, что вдаль – время окажет». И Ловчиков говорил Скобееву: «Ну, господинъ Скобеев, живи уже постоянно отстанъ за ябидою ходить, живи в отчине своей, лутче здравую».

Потом Фроль Скобеев стал просить того столника Ловчика, чтоб он был предстателем ево беде. И Ловчиков ему объявил: «Скажи, что? Ежели сносно, буду предстателствовать, а ежели что несносно, не гневайся!» И Фроль Скобеев ему объявил, что «столника Нардина-Нащокина дочь Аннушка у меня, и я женился на ней». И столникъ Ловчиков сказал: «Какъ ты зделал, такъ сам и ответствуй!» И Фроль Скобеев сказалъ: «Ежели ты предстателствовать не будешь обо мне, то и тебе будет не без чево: мне уже пришло показать на тебя, для того что ты возников и корету довал. Ежели б ты не давал, и мне б того не учинить». И Ловчиков стал в великом сумнени и сказал ему: «Настоящей ты плут, что ты надо мною зделал? Добро, какъ могу, будут предстателствовать!» И сказал ему, чтоб завтрешней день пришел в Успенской собор: «И столникъ Нардин-Нащокин будет у обедни, и я с ним буду. И после обедни будем стоять все мы в собрани на Ивановской площади, и в то время приди и пади пред ним, и объяви ему о дочери. А я, какъ могу, о том буду предстателствовать».

И пришел Фроль Скобеев в Успенской собор к обедни, и столникъ Нардин-Нащокин, и Ловчиков, и другия столники все были. И по отшестви Литурги в то время в собрани на Ивановской площади против Ивана Великого, и Нащокин тут же, имели столники между собою разговоры, что имъ надобно. И столникъ Нардинъ-Нащокинъ болше соболезнуя и разсуждая о дочери своей, и столникъ Ловчиковъ разсуждая о том же с ним к склонению милости. И на те их разговоры пришелъ Фроль Скобеевъ и отдал всем столникам, какъ по

обычаю, поклонь. И все столники Фрола Скобеева знают. И кроме всех столников палъ пред ногами Скобеев столнику Нардину-Нащокину и просит прощения: «Милостивой государь, столникъ первы! Отпусти виновнаго, яко раба, которой возымель пред вами дерзновение». И столник летами древень, однако жъ еще усмотреть могъ, натуральною клюшкою подымаетъ Фрола Скобеева и спрашивает ево: «Кто ты таковъ, скажи о себе, что твоя нужда к нам?» И Фрол Скобеев толко говорит: «Отпусти!» И столникъ Ловчиковъ подшел к Нардину-Нащокину и сказал ему: «Лежит пред вами и просит отпущения вины своей дворенин Фрол Скобеев». И столникъ Нардинъ-Нащокинъ закричалъ: «Встань, плут! Знаю тебя давно плута, ябедника. Знатно, что наябедничал себе несносно. Скажи, плут! Буде сносно, стану старатся о тебе, а когда несносно, как хочешь. Я тебе, плуту, давно говорил: живи постоянно. Встань, скажи, что твоя вина!»

И Фрол Скобеев встал от ногъ ево и объявил ему, что дочь ево Аннушка у него и женился на ней. И как Нащекинъ услышалъ от него о дочери своей, и залился слезами, и стал в беспаметстве. И мало опаметовался, и стал ему говорить: «Что ты, плут, зделалъ? Ведаешь ты о себе, кто ты таков? Нетъ тебе отпущения от меня вины твоей! Тебе ли, плуту, владеть дочерью моею? Пойду к государю и стану на тебя просить о твоей плутской ко мне обиде!» И вторително пришелъ к нему столникъ Ловчиков и стал ево разгаваривать, чтоб онъ вскоре не возымел доклада к государю: «Изволишь съездить домой и объявить о семъ сожителнице своей и посоветуй обще! Какъ к лутчему уже быть, такъ того времени не возвратить, а он, Скобеев, от гневу вашего никуда не может скрытца». И столникъ Нардин-Нащокинъ совету столника Ловчикова послушал и не пошел к государю, и сел в корету, и поехалъ в домъ свой. А Фроль Скобеев пошелъ на квартиру свою и сказал Аннушке: «Ну, Аннушка, что будетъ намъ с тобою, не ведаю! Я объявилъ о тебе отцу твоему!»

И столникъ Нардинъ-Нащокинъ приехал в дом свой и пошелъ в покои, жестоко плачит и кричит: «Жена, жена! Что ты ведаешь, я нашель Аннушку!» И жена ево спрашивает: «Где она, батюшка?» И Нащокин сказалъ жене своей: «Вор-от, плут и ябедникъ Фроль Скобеев женился на ней!» Жена его услышела те от него речи и не ведает, что говорить, соболезнует о дочери своей. И стали оба горко плакать и в сердцах своих бранят дочь свою и проклинаят и не ведают, что чинить над нею. И пришли в память, и сожелея дочери своей, и стали разсуждать з женою: «Надобно послать человека и сказать, где он, плут, живет, и проведать о дочери своей, жива ли она». И призвали человека своего, и послали сыскать квартиру Фрола Скобеева, и приказывали проведать про Аннушку, что жива ли она, имеет ли пропитание какое.

И пошел человекъ искать квартиру Фрола Скобеева на дворъ. И усмотрил Скобеев, что от тестя ево пришелъ человек, и велел жене свое лечи на постелю и притворить себя, якобы жестоко болна. И Аннушка учинила по воли мужа своего. И присланной человекъ вошелъ в покои и отдалъ, как по обычаю, поклон. И Скобеев спросил: «Что за человекъ и каку нужду имеешь ко мне?» И человекъ тот сказал, что онъ присланъ от столника Нардина-Нащокина проведать про Аннушку, здравствует ли она. И Фрол Скобеев сказал тому

человеку: «Видишь ты, мой другъ, какое здравье! Таков-та родительской гневъ: видишь, они заочно бранят и кленуть, и оттого она при смерти лежит. Донеси ихъ милости: хотя б они заочно бранят, благословение ей дали». И человекъ тот отдал им поклон и пошел от них.

И пришелъ к господину своему, столнику Нащокину. И спросил ево: «Что, нашел ли квартиру и видел ли Аннушку? Жива ли она или нет?» И человекъ тот объявил, что Аннушка жестоко болна и едва будет ли жива «и требует от вас хотя словесно заочно благословение». И столникъ и з женою своею соболезновали о ней, токмо разсуждали, что с вором и плутом делать. И мать ея стала говорить: «Ну, мой друг, уже быть такъ, что владеть дочерью нашею плуту такому, уже так Богъ судил. Надобно, другъ мой, послать к ним образъ и благословить их, хотя заочно. А когда сердце наше умилоствитца к ним, то можем и сами видится». Сняли с стены образъ, которой обложен был златом и драгим камением, како прикладу всего на 500 рублей, и послали с тем человеком, и приказали сказать, чтоб она сему образу молилась, «а плуту и вору Фролке Скобееву скажи, чтоб онъ ево не проматаль».

И человекъ приняв образъ и пошелъ на дворъ Фрола Скобеева. И усмотрил Фрол Скобеев, что пришедъ тот же человекъ, сказалъ жене своей: «Встань, Аннушка!» И она встала и села вместе со Фролом Скобеевым. И человекъ тот вошелъ в покои и отдает образъ Фролу Скобееву. Приняв образъ, поставил, где надлежит, и сказалъ тому человеку: «Таково-то родительское благословение: и заочно намерены благословить, и Богъ даль, Аннушке лехче, слава Богу, здрава!» И сказал Фроль Скобеев: «Також и Аннушка благодарит батюшку и матушку за их родительскую милость». И человекъ пришел к господину своему и объявил об отдани образа и о здравии Аннушки, и о благодарени их, и пошелъ в показанное свое место.

И столникъ Нардинъ-Нащокинъ сталъ разсуждать и сожелеть о дочери своей, и говорил жене своей: «Какъ, другъ, быть? Конечно плут заморить Аннушку: чем ея кормить, и сам, какъ собака, голодень. Надобно послать какова запасу на 6 лошадей». И послали запасъ и при том запасе реэстръ. И Фрол Скобеевъ не смотря по реэстру, и приказал положить в показанное место, и приказалъ тем людем за их родительския милости благодарить. Уже Фроль Скобеевъ живетъ роскошно и ездит везде по знатным персонам. И весма Скобееву удивлялись, что онъ зделал такую притчину так смело.

И уже чрезъ долгое время обратились сердцем и соболезновали о дочери своей, також и о Фроле Скобееве. И приказали послать человека к ним и просить ихъ, чтоб Фроль Скобеев и з женою своею, а съ ихъ дочерью, приехал к столнику Нардину-Нащокину кушать. И пришелъ присланной человекъ и стал просить Фрола Скобеева, чтоб онъ изволил приехать сей день з женою своею кушать. И Фрол Скобеев сказалъ человеку: «Донеси батюшку: готовъ быть сей день къ их милости!»

И Фроль Скобеевъ убрался з женою своею Аннушкою, и поехалъ в дом тестя своего, столника Нащокина. И какъ приехалъ в дом тестю, и Аннушка пришла к отцу своему, и пала пред ногами родителей своих. Усмотриль Нащокинъ дочь свою и з женою своею и стали ея бранить, наказывать гневом

своим родительским. И, смотря на нею, жестоко плакали, какъ она такъ учинила без воли родителей своих. Однако ж, оставя весь свой гневъ родительской, отпустя ей вину, и приказаль сестъ с собою. А Фролу Скобееву сказалъ: «А ты, плут, что стоишь? Садись тут же. Тебе ли, плуту, владеть моею дочерью?» И Фрол Скобеев сказалъ: «Ну, государь-батюшка, уже тому такъ Богъ судил!» И сели все вместе кушать. И столникъ Нардинъ-Нащокинъ приказаль людем своим, чтоб никого в дом постороннихъ не пушали: «Ежели кто приедет и станет спрашивать, что дома ли столникъ Нащокин, сказывайте, что время такого нет, чтоб видить столника нашего, для того зъ зятем своим, с вором и плутом Фролкою, кушает».

И по окончании стола столникъ Нардинъ-Нащокинъ спрашиваль: «Ну, плутъ, чем станешь жить?» – «Изволишь ты ведать обо мне: более нечим, что ходить за приказным деламъ». – «Перестань, плут, ходить за ябедою! И имения имеется, вотчина моя, в Синбирском уезде, которая по переписи состоит въ 300-х сот дворех. Справь, плут, за собою и живи постоянно!» И Фрол Скобеев отдалъ поклонъ и з женою своею Аннушкой и пренося пред ним благодарение. «Ну, плутъ, не кланейся, поди сам справляй за себя!» И сидев немного время и поехал Фрол Скобеев и з женою своею на квартиру. Потом столникъ Нардин-Нащокин приказал ево воротить и стал ему говорить: «Ну, плут, чем ты справишь? Ест ли у тебя денги?» – «Известень, государь-батюшка, какія у меня денги; разви продать ис тех же мужиков!» – «Ну, плут, не продавай! Возми денегъ, я дамъ». И приказаль дать 300 рублей, и Фрол Скобеев взял денги и поехал на квартиру.

И со временем справил тое вотчину за себя. И пожив столникъ Нардин-Нащокин немного время и учинил при жизни своей Фрола Скобеева наследником во всем своем движимомъ и недвижимом имени. И сталъ жить Фрол Скобеев в великом богатстве. И столникъ Нардин-Нащокинъ умре и з женою своею. А Фрол Скобеев после смерти отца своего сестру свою родную отдалъ за некоторого столничьева сына, а которая при них имелась мамка, которая была при Аннушке, содержали ея в великой милости и в чести до смерти ея.

Сей истории конецъ.

Источник: <http://drevne-rus-lit.niv.ru/drevne-rus-lit/text/povest-o-frole-skobeeve.htm>

8.5. Праздник кабацких ярыжек

“Праздник кабацких ярыжек” – произведение демократической смеховой литературы XVII в., написанное в форме пародии на церковную службу. Состоит из частей, пародирующих церковные песнопения (в основном тексты Всенощного богослужения), паремии и житие. Изложение истории обобранного в кабаке пропойцы в виде церковной службы мученику нарушало все привычные ассоциации, связанные с этой литературной формой, сближало два

резко противоположных образа, заостряя с помощью этого сближения сатирическое изображение и самого пьяницы, и кабака.

Служба кабаку

Месяца китовраса в нелепый день, иже в неподобных кабака шалнаго, нареченнаго во иноческом чину Курехи, и иже с ним страдавших три еже высокоумных самобратных по плоти хупавых Гомзина, Омельяна и Алафии, буявых губителей [христианских. Празднество в неподобных местех на кабаках, где, когда, кто с верою изволит праздновати трех слепителей вина и пива и меда, христианских лупителей и человеческих разумов пустотворцев].

На малей вечерни поблаговестим в малые чарки, таже позвоним в полведришки пивиска, таже стихиры в меньшей заклад в перстни, и в ногавицы и в рукавицы, и в штаны и в портки.

Глас пустошный подобен вседневному обнажению.

Запев: Да уповаает пропойца на корчме испити лохом, а иное и своему достанетца.

В три дня очистился еси донага, яко же есть написано: пьяницы царствия божия не наследят. Без воды на суше тонет; был со всем, а стал ни с чем. Перстни, человеце, на руке мешают, ногавицы тяжело носить, портки на пиво меняет; пьеш з басы, а проспихся с позоры, воротить в густую, всякому велишь пити, а на завтраи и самому будет просити, проспихся – хватишся.

Стих: И той избавит тя донага от всего платья, пропил на кабаке с увечьем.

Три дни испил еси, безо всего [имения стал еси], доспе мя еси похмельный болезни и похмелья. На три дни купил еси, рукоделие заложил еси, и около кабака часто ходити извыкл еси, и гледети прилежно ис чужих рук извыкл еси. Гледение лихое пуще прошенья бывает.

Стих: Хвалят пропойцу, как у него в руках видят.

Бубенная стукота созывает пьющих на шалное дуровство, велит нам нищеты ярем восприяти, глаголет винопицам: приидете, возвеселимся, в мале сотворим с плечь возношение платью нашему, па vine пропивание, се бо нам свет приносит наготы, а гладу время приближается.

Стих: Яко утвердися на кабаке пьючи, голым г... сажу с полатей мести веки.

Кто ли, пропився донага, не помянет тебя, кабаке непотребне? Како ли кто не воздохнет: во многая времена собираемо богатство, а во един час все погибе? Каеты много, а воротить нелзе. Кто ли про тебя не молвит, кабаке непотребне, да ли-шитца не мотчи?

Слава и ныне сипавая с позоры.

Приидете, всиискуснии человеци и благонароцитии в разуме, почюдимся такового пития науке. Исперва неволею нудими бывают от родителей своих или от друзей своих ближних, сегодни и позавтрее от болезни похмельныя нудят неволею пити, и мало-помалу и сами гораздни станем пити и людей станем учити, а как научимся пива пити, и не мотчи ся и лишити. В прежние времена, как мы не умели пива пити, всяк зовет и на дом ходят, и мы пе ходим, и в том

гнев живет от друзей своих. А ныне где и не зовут, и мы идем своим папрасньством. Хош и оговорят, а мы терпим, глухой клубук на себя наложим. Се довлеет нам, братие, отбегати, яко ото лва, снедающа человека. Тому почудимся, в мале часе, како изчезе мудрость, иступи же нагота, и безумием наполнихся, видящим на смех, а себе с пропою на великую срамоту. Тем же злословим тя, кабаچه непотребне, бесо-ванию наставниче.

На стиховне стихиры, подобен: Дом пустеет.

Дом потешен, голодом изнавешан, робята пищать, ести хотят, а мы право божимся, что и сами не етчи ложимся.

Стих: Многи скорби с похмелья живучи бывают.

Полати кабацкие, примете пропойцу! Нагие, веселитесь, се бо вам подражатель явился, голоду терпитель.

Стих: Пьяница, яко теля наго, процвете убожеством.

Днесь пьян бывает и богат вельми, а как проспитца – перекусить нечего, с сорому чужую сторону спознавает.

Слава и ныне. Отецкому сыну суровому. Отецкой сын суровой распотешил еси, с ярыжными спознался и на полатях в саже повалялся, взявши кошел и под окны пошел.

И прочее всеобычное пьем по добыткам, во што верят. Таже нагота или босота и отпуст по обычаю ж и многое падение бывает, ронянию шапкам.

На велицей вечерни позвоним во все платье, пред обедом изопьем ковша по три вина, таже глаголем пустотную кафизму, что прибрело. Таже на ризы пропивание, понесем ис погреба болшии ведра вина. Таже стихиры на все платье вина донага, вседневно скорби воздыханием.

Глас шестопятой, подобен: Не радуйся пити на людех, да своего не потеряешь.

Запев: изведи из непотребнаго пьянства душу мою.

Приидете всяк град и страна, торжествуем мерских смутотворцев память мрачно, сверчков запечных возвеселим голодом, воспоем торговыми казни, иже от своего неразумия страждущих, непослушливых, отцем и матерем непокоривых укорим. Не бога ради мраз и глад и наготу терпящих битьем и похвалами воспоем, глаголюще: радуйтесь, яко мзда ваша многа на полатях в саже.

Стих: Вземлюще заклад, что мне пропити. Приидете, безумнии, и воспойте песни нелепые пропойцам, яко из добрыя воли избраша себе убыток. Приидете, пропойцы, срадуйтесь, с печи бросайтесь [голодом, воскликните убожеством, процветите, яко собачьи губы, кои в скаредных местех растут.

Стих: Глухие, потешно слушайте; нагие, веселитесь, реме-нием секитесь, дурость к вам приближается. Безрукие, взыграйте в гусли; буявые, воскликните бражником песни безумия; безногие, возскачите, нелепаго сего торжества злы диадиму украсите праздник сей.

Запев: Яко желает всяк человек с похмелья оправитися. Дурныя и бесныя, стецытесе, самохотныя вам дары предгрядут; носяще своя кропивныя венцы терпения своего. С конца бо горят, а з другога говорят. Безголовыя и слепыя, последуйте ми на печь в Пропасную улицу и видите, каково се приятие в земли

денешку добудь, алтынец съезж, а половиною прикуп твори, а иногда и не етчи спи.

[Слава] и ныне, таков же голос.

Одиннатцать семь и платье с плечь, стремка не стала, одиннатцать солгала, в бороду скочила, радость сказала. Радуйся, уляпался, не один вас у матки, много вас, смутотворцев, да не в одном месте, оголи г..., скачут, белые руки в роте греют. Родила вас мама, да не приняла вас яма. В лете не потеете, а в зиме не зябете, за щеками руки греете, живете, что грязь месите. Увы нам, куды нам, где ни проживем, везде загресим, где ни станем, тут в... людей от себя разгоняем, за дурость ума нашего и сущий родители нас отлучишася и глаголют, яко не родивше нас. Житием своим процвели есте, яко голики, чем баню метут, тако и вами, пропойцы, что чортом, диру затыкают. Тем достойно злословим и ублажаем вас.

Святыя славы кабацкия.

Несвятыя славы на кабак залесть [желают], но недобрые поминаем отцем и матерно наказание, да мы их не слушаем, таково нам се и збываетца. Поминают сына [на] воровстве, и отцу не пособил, бьют по хребту, а сторонные люди глаголют: достойно и праведно вора смиряти и всяк, смотря на то, добру накажется. Сыне, добро слышати отца, жизнь твоя пробавитца, тем же ты мир хвалит,

Таже выход ис погреба с пивом. Прокимен и ермес на печи глаголет: Пьяница, пропився, в раздранныя рубища облечется.

Стих: А буде что найдеш или украдеш, то понеси на кабак.

Стих: Хошь и любое платно, да пропита не мотчи ся удержати.

Таже паремьи. От мирскаго жития чтение.

Пьяниц безвоздержанных и непослушливых душа в руках бесовских, и прикоснется им мука. Непщевани быша во очию мудрых и мрети без покаяния, и еже от пития сокрушение ко-стем и отпадения плоти его, ибо пред лицом человеческим непостыдни суть. Аще и наготу примут, упование их на пьянство с напрасньством. Аще и биени от вина, докуки не отлагают, яко бес искуси их и обрете их, подобных себе, яко смолу на них приготових и яко всеплодну жертву огненному родству подав. И до время воровства их наги по торгу [биени] будут, и, яко река, ото очию их слезы потекут. Прейдет судят своему невоздержанию и обладаеми хмелем, и вкоренитца в них пьянство, и в нищете пребудут о нем, яко благодать на полатях и запечная улица на голянских, и попечение в костарне их.

От мирскаго жития чтение.

Пьяницы на кабаке живут и попечение имут о приезжих людех, [како бы их облупити и на кабаке пропити, и того ради примут раны и болезни и скорби много]. Сего ради приношение Христа ради примут от рук их денешку и две денешки и, взявши питья, попотчюют его, и егда хмель приезжаго человека преможет, и разольется, и ведром пива голянских напоят, и при-имет оружие пьянства и ревностию драки, и наложит [шлем дурости и примет щит] наготы, поострит кулаки на драку, вооружит лице на бой, пойдут стрелы ис полинниц, яко от пружна лука, и каменьем бывает бьем пьяница. Вознегодует и на них

целовальник и ярыжные напрасливы з батоги проводит; яко вихор, развиеет пьяных и, очистя их донага, да на них же утре бесчестие правят и отпустит их во свою землю безо всего. Слышите, благочестия млады, и внушите приезние гости, а дається вам сия напасть за глупость, и сила ваша в немощь претворяется.

Источники:

http://lib2.pushkinskijdom.ru/Media/Default/PDF/TODRL/01_tom/Adrianova-Perets/Adrianova-Perets.pdf

<http://drevne-rus-lit.niv.ru/drevne-rus-lit/lihachev-panchenko-smeh/sluzhba-kabaku.htm>

8.6. Повесть о Шемякином суде

«Повесть о Шемякином суде» – одно из многочисленных произведений демократической сатиры XVII в. В ней, однако, не только высмеивается продажный судья, который в надежде на «посул» (подарок, взятку) оправдывает виновного, а тот вместо наказания неожиданно получает немалый «прибыток», но и рассказывается забавная история неудачника – без вины виноватого убогого, то есть малоимущего крестьянина. Эта «Повесть...», как и последующие произведения, печатается без перевода, устаревшие слова объяснены в подстрочных примечаниях или в Словаре.

Суд Шемякин

В неких местах живяше два брата земледелцы, един богат, други убог. Богаты же ссужая много лет убогова и не може исполнити скудости его. По неколику времени прииде убоги к богатому просити лошади, на чемь ему себе дров привести. Брат же ему не хотяше дати ему лошади и глагола ему: «Много ти, брате, ссужал, а наполнити не мог». И егда даде ему лошадь, он же возьмь нача у него хомута просити. И оскорбися на него брат, нача поносити убожество его, глаголя: «И того у тебя нет, что своего хомута». И не даде ему хомута.

Поиде убогой от богатого, взя свои дровни, привяза за хвост лошади, поеде в лес и привезе ко двору своему и забы выставить подворотню и ударив лошадь кнутом. Лошадь же изо всей мочи бросися чрез подворотню с возом и оторва у себя хвост.

И убоги приведе к брату своему лошадь без хвоста. И виде брат его, что у лошади ево хвоста нет, нача брата своего поносити, что лошадь, у него отпрося, испортил, и, не взяв лошади, поиде на него бити челом во град к Шемяке судии.

Брат же убоги, видя, что брат ево пошел на него бити челом, поиде и он за братом своим, ведая то, что будет на него из города посылка, а не ити, ино будет езд приставом платить.

И приидоша оба до некоего села, не доходя до города. Богатый прииде начевати к попу того села, понеже ему знаем. Убогий же прииде к тому же попу и, пришед, ляже у него на полати. А богатый нача погибель сказывать своей

лошади, чего ради в город идет. И потом нача поп з богатым ужинати, убогова же не позовут к себе ясти. Убогий же нача с полатей смотрети, что поп з братом его ест, и урвася с полатей на зыпку и удави попова сына до смерти. Поп также поезде з братом в город бити челом на убогова о смерти сына своего.

И приидоша ко граду, идеже живяше судия. Убогий же за ними же иде. Поидоша через мост в город. Града же того некто житель везе рвом в баню отца своего мыти. Бедный же веды себе, что погибель ему будет от брата и от попа, и умысли себе смерти предати, бросися прямо с мосту в ров, хотя ушибьтися до смерти. Бросяся, упаде на старого, удави отца у сына до смерти; его же поимаше, приведоша пред судию. Он же мысляше, как бы ему напастей избыти и судии что б дати. И ничего у себе не обрете, измысли, взя камень и, завертев в плат и положи в шапку, ста пред судиею. Принесе же брат его челобитную на него исковую в лошеди и нача на него бити челом судии Шемяке.

Выслушав же Шемяка челобитную, глаголя убогому: «Отвещай». Убогий же, не веды, что глаголати, вынял из шапки тот заверченый камень, показа судии и поклонися. Судия же начаяся, что ему от дела убоги посулил, глаголя брату ево: «Коли он лошади твоей оторвал хвост, и ты у него лошади своей не замай до тех мест, у лошеди выростет хвост. А как выростет хвост, в то время у него и лошадь свою возми».

И потом нача другой суд быти. Поп ста искати смерти сына своего, что у него сына удави. Он же также выняв из шапки той же заверченый плат и паказа судие. Судия же виде и помысли, что от другога суда други узел сулит злата, глаголя попу судия: «Коли-де у тебя ушип сына, и ты-де атдай ему свою жену попадью до тех мест, покамест у попадьи твоей он добудет ребенка тебе. В то время возми у него попадью и с ребенком».

И потом нача трети суд быти, что, бросясь с мосту, ушиб у сына отца. Убогий же, выняв заверченый из шапки той же камень в плате, показа в третие судие. Судия же начаяся, яко от третьего суда трети ему узол сулить, глаголя ему, у кого убит отец: «Взыди ты на мост, а убивы отца твоего станеть под мостом, и ты с мосту вержися сам на него, такожде убий его, яко же он отца твоего».

После же суда изыдоша исцы со ответчиком ис приказу. Нача богаты у убогова просити своей лошади, он же ему глагола: «По судейскому указу как-де у ней хвост выростеть, в ту-де тебе пору и лошадь твою отдам». Брат же богаты даде ему за свою лошадь пять рублев, чтобы ему и без хвоста отдал. Он же взя у брата своего пять рублев и лошадь его отдал.

Той же убоги нача у попа просити попадьи по судейскому указу, чтоб ему у нее ребенка добыть и, добыв, попадью назад отдать ему с робенком. Поп же нача ему бити челом, чтоб у него попадьи не взял. Он же взя у него десять рублев.

Той же убоги нача и третиему говорить исцу: «По судейскому указу я стану под мостом, ты же взыди на мост и на меня тако ж бросися, яко ж и аз на отца твоего». Он же размишляя себе: «Броситися мне – и ево-де не ушибить, а себя разшибьти». Нача и той с ним миритися, даде ему мзду, что броситися на себя не веле.

И со всех троих себе взя. Судиа шь высла человека ко ответчику и веле у него показанние три узлы взять. Человек же судиин нача у него показанныя три узла просить: «Дай-де то, что ты из шапки судие казал в узлах, велел у тебя то взяти». Он же, выняв из шапки завязаны камень, и показа. И человек ему нача говорить: «Что-де ты кажеш камень?» Ответчик же рече: «То судии и казал». Человек ему нача его вопрошати: «Что то за камень кажеш?» Он же рече: «Я-де того ради сей камень судье казал, кабы он не по мне судил, и я тем камнем хотел его ушибти». И пришед человек и сказал судье. Судья же, слыша от человека своего, и рече: «Благодарю и хвалю Бога моего, что я по нем судил: ак бы я не по нем судил, и он бы меня ушиб».

Потом убогий отыде в дом свой, радуясь и хваля Бога. Аминь.

Источник: https://mir-knig.com/read_485776

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Виноградов В.В. Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка. – М.: Изд-во АН СССР, 1958. – С. 67 – 78. <http://e-heritage.ru/ras/view/publication/general.html?id=53151119>
2. Войлова, К. А. История русского литературного языка : учебник для академического бакалавриата / К. А. Войлова, В. В. Леденёва. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Издательство Юрайт, 2017. – 499 с.
3. Винокур, Г.О. Происхождение русского литературного языка // Винокур Г.О. Избранные работы по русскому языку: сборник научных трудов / Г.О. Винокур. – М. : Флинта, 2016. – 56 – 67.
4. Захарова, М. В. История русского литературного языка : учебник и практикум для академического бакалавриата / М. В. Захарова. – М. : Издательство Юрайт, 2018. – 261 с.
5. Захарова, М. В. История русского литературного языка : учебник и практикум для академического бакалавриата / М. В. Захарова. – М. : Издательство Юрайт, 2018. – 261 с.
6. Истрин В.М. Очерк истории древнерусской литературы домосковского периода : (11-13 вв.) / В.М. Истрин. – Петроград : Наука и школа, 1922. – X, 248 с. <http://e-heritage.ru/ras/view/publication/general.html?id=53085843>
7. Кривко, Р. Н. Очерки языка древних церковнославянских рукописей : учебник для вузов / Р. Н. Кривко. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Издательство Юрайт, 2018. – 443 с.
8. Ларин Б.А. Лекции по истории русского литературного языка (X – середина XVIII в.). Учебник для филолог. специальностей ун-тов и пед. ин-тов / Б.А. Ларин. Изд. 2-е, испр. – СПб., «Авалон», «Азбука-классика», 2005. – 416 с. <https://www.academia.edu/19486144>
9. Леденёва, В. В. История русского литературного языка. Практикум : учебное пособие для академического бакалавриата / В. В. Леденёва, Т. В. Маркелова. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Издательство Юрайт, 2018. – 333 с.
10. Обнорский С.П. Происхождение русского литературного языка старейшей поры / С.П. Обнорский. – М.-Л.: Издательство АН СССР, 1946. – 200 с. <http://books.e-heritage.ru/book/10093852>.
11. Унбегаун Б.О. О русском литературном языке / Б.О. Унбегаун. <https://oboguev.livejournal.com/613914.html>
12. Успенский Б.А. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI – XIX вв.) / Б.А. Успенский. – М.: «Гнозис», 1994. – 230 с. <https://ksanakk.ru/?p=3670>
13. Шахматов, А. А. Очерк современного русского литературного языка : учебник для вузов / А. А. Шахматов ; под ред. С. П. Обнорского. – М. : Издательство Юрайт, 2018. – 235 с.
14. Шулежкова С.Г. Старославянский язык, древнерусский язык и историческая грамматика русского языка: опыт сопоставительного изучения: учеб.-метод. пособие / С.Г. Шулежкова. – М. : Флинта : Наука, 2010. – 128 с.

СЛОВАРИ, СПРАВОЧНИКИ, ЭНЦИКЛОПЕДИИ

1. Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник / А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова. – СПб. : Фолио-Пресс, 1998. – 704 с.
2. Глинкина Л.А. Этимологические тайны русской орфографии. Словарь-справочник : ок. 6000 слов / Л.А. Глинкина. – М. : Мир энциклопедий Аванта+, 2008. – 432 с.
3. Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка : в 2 т. / А.Г. Преображенский. – М., 1959.
4. Русский язык: Энциклопедия / гл. ред. Ю.Н. Караулов. – 2-е изд., пер. и доп. – М. : Большая Российская энциклопедия : Дрофа, 1998. – 703 с.
5. Славянская мифология. Энциклопедический словарь. Изд. Славянские древности. Этнолингвистический словарь : в 5 т. / под общей ред. Н.И. Толстого. – М. : Международ. отношения, 1995–2012.
6. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) : в 10 т. / АН СССР – РАН ; Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. – М. : Рус. яз. : Наука, 1994–2016.
7. Словарь русских народных говоров / под ред. Ф.П. Филина. – Вып. 1–27. – М. : Международ. отношения, 1968–2016. – 512 с.
8. Словарь русского языка XI–XVII вв. / АН СССР – РАН. Ин-т рус. яз. – М. : Наука, 1975–2015. – Т. 1–30.
9. Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка : в 3 т. / И.И. Срезневский. – М. : Книга, 1989.
10. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер. – М. : Прогресс, 1986–1987.
11. Фразеологический словарь старославянского языка : свыше 500 ед. / С.Г. Шулежкова, М.А. Коротенко, Л.Н. Мишина, А.А. Осипова [и др.] ; Науч.-исслед. словарная лаб. МаГУ ; отв. ред. С.Г. Шулежкова, члены редколл. : М.А. Коротенко, Л.Н. Мишина, А.А. Осипова. М., 2011. – 424 с.
12. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. / П.Я. Черных. – М. Рус. яз., 1994.
13. Шанский Н.М., Боброва Т.А. Школьный этимологический словарь русского языка. / Н.М. Шанский, Т.А. Боброва. – М. : Дрофа, 2004. – 400 с.
14. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / под ред. О.Н. Трубачёва. – М. : Наука, 1973–2014. – Вып. 1–39.

ЭЛЕКТРОННЫЕ БАЗЫ ДАННЫХ, СОДЕРЖАЩИЕ ТЕКСТЫ ПО ИСТОРИИ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

1. Национальный корпус русского языка (<https://ruscorpora.ru/>)
2. Этимология и история слов русского языка (<http://etymolog.ruslang.ru/>)
3. Электронные публикации Института русской литературы РАН
<http://lib.pushkinskiydom.ru/>
4. Оцифрованные собрания рукописей и старопечатных книг
<http://gorazd.org/>
5. Словарь-перводчик со старославянского языка <http://slavenica.com/>
6. Библиотека Фронтистеса Памятники древнеславянской письменности
<https://ksana-k.ru/>
7. Древнейшие славянские рукописи в открытом доступе
<https://zelomi.ru/blog/manuscripts>
8. Рукописные памятники Древней Руси: Электронный архив
<http://www.lrc-lib.ru/>
9. Памятники древнерусской книжности
<https://starorus.oreluniver.ru/pamatniki-drevnerusskoi-knijnosti/>
10. Древнерусская литература <http://drevne-rus-lit.niv.ru/drevne-rus-lit/text/index.htm>
11. Берестяные грамоты <http://gramoty.ru/birchbark/> или
https://vk.com/berestyanye_gramoty

Учебное текстовое электронное издание

**Составители: Франчук Оксана Валерьевна
Мишина Людмила Николаевна**

ИСТОРИЯ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Хрестоматия

1,70 Мб

1 электрон. опт. диск

г. Магнитогорск, 2020 год
ФГБОУ ВО «МГТУ им. Г.И. Носова»
Адрес: 455000, Россия, Челябинская область, г. Магнитогорск,
пр. Ленина 38

ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный
технический университет им. Г.И. Носова»
Кафедра русского языка, общего языкознания и массовой коммуникации
Центр электронных образовательных ресурсов и
дистанционных образовательных технологий
e-mail: ceor_dot@mail.ru